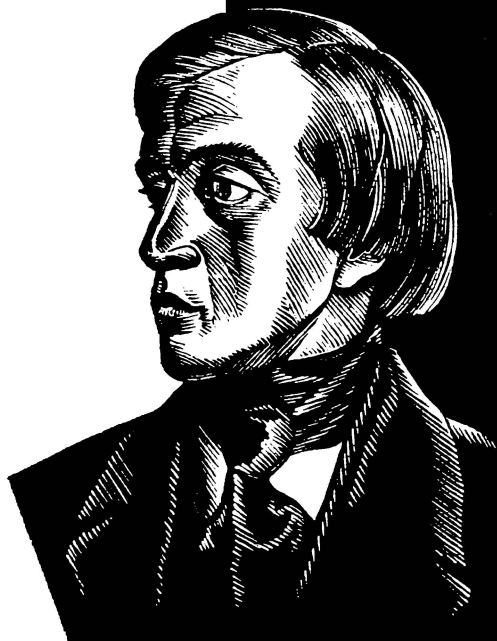

• МЫСЛИТЕЛИ ПРОШЛОГО •

БЕЛИНСКИЙ

Е. М. ФИЛАТОВА

Б Е Л И Н С К И Й

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«МЫСЛЬ»

Москва 1976

1ФС
Ф51

РЕДАКЦИИ
ФИЛОСОФСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

Филатова Евгения Михайловна (1902 г. рождения) — кандидат экономических наук, доцент. Основные работы посвящены преимущественно истории русской общественной мысли: «Экономические взгляды Герцена и Огарева». М., 1953; «Русские революционные демократы и их буржуазные критики». М., 1961, и др.

Ф $\frac{10501-042}{004(01)-76}$ 35-76

© Издательство «Мысль», 1976

© Скан и обработка: *glarus63*

...Наш век — весь вопрос, весь стремление, весь искание и тоска по истине... Он не боится, что его обманет истина, но боится лжи, которую человеческая ограниченность часто принимает за истину.

В. Г. Белинский

Белинский начал свои занятия с философии... Он обратился к науке с серьезными вопросами, вооруженный страстной диалектикой. Для него истины, выводы были не абстракциями, не игрой ума, а вопросами жизни и смерти...

А. И. Герцен

ВВЕДЕНИЕ

Виссарион Григорьевич Белинский занимает особое и очень значительное место не только в истории освободительного движения России, но и в истории ее философии. Наиболее полно выразив антикрепостнические идеи переломной эпохи кануна падения крепостного права в стране, он дал им и философское обоснование. Значение Белинского определил В. И. Ленин в своих работах «Что делать?», «О «Вехах»», «Из прошлого рабочей печати в России» и др. Причисляя Белинского к предшественникам русской социал-демократии, Ленин показал, что он отразил протест крестьянства против крепостничества и положил начало новому, разночинскому этапу в русском освободительном движении (см. 2, 6, 25; 19, 169; 25, 94). Заслуга Белинского состоит также в том, что он создал основу революционно-демократического мировоззрения. Великий критик принадлежит к крупнейшим русским мыслителям. Г. В. Плеханов, посвятивший ему ряд своих исследований, писал, что Белинский «был рожден философом» и обладал «чутьем гениального социолога» (37, 4, 539, 542).

Деятельность Белинского относится к 30-м и 40-м годам XIX в., к эпохе деспотического

владычества Николая I. Эпоха эта была насыщена глубокими внутренними противоречиями. В недрах крепостнической системы, господствовавшей в стране, совершались процессы, подрывавшие эту систему: росло товарное производство, подспудно развивались капиталистические отношения, увеличивалось число промышленных предприятий. Однако крепостное право не только не ослабевало, но, наоборот, принимало все более жесткие формы. Противоречия крепостничества проявились в падении производительности крепостного труда, в торможении технического прогресса и промышленности, в разорении помещичьих имений, в резком экономическом отставании России от западноевропейских стран. Крепостная система вступила в полосу своего кризиса. Но хотя объективный ход вещей требовал ликвидации крепостного права, самодержавие проводило политику, направленную на его укрепление.

Подавив движение декабристов, Николай объявил войну всякому живому слову, всякой живой мысли. Несмотря на это, в России росла и мужала одна из величайших литератур мира. Это свидетельствовало о том, что в стране укреплялись живые силы: в эпохи, когда самовластье подавляет все, подлинно художественная литература существовать не может. Огромное значение приобрела деятельность нарождающейся революционной демократии. В центре этой деятельности находился Белинский, который вместе с Герценом и Огаревым подхватил и продолжил традиции декабристов. Жизнь Белинского является блестящим примером того, что даже в самые беспросветные периоды истории, в условиях абсолютной власти

и порабощения мысли возможны и борьба против деспотизма, и могучее влияние на сознание современников. Она свидетельствует также о том, как необходимо в такие периоды теоретическое осмысление происходящего.

Внешние события жизни Белинского кажутся малозначительными. Их можно изложить кратко. Белинский родился 1(13) июня 1811 г. в городе Свеаборге в семье флотского лекаря. Детство его прошло в городе Чембаре Пензенской губернии, который теперь переименован в Белинский. С детства и до конца жизни Белинского преследовала жестокая нужда, которая вызвала болезнь (чахотку), сведшую его в могилу. В Чембаре будущий критик учился с 1822 по 1825 г. в уездном училище. Затем, с 1825 по 1829 г., он обучался в пензенской гимназии, из которой ушел, не окончив ее, так как постановка там образования его не удовлетворяла. В 1829 г. Белинский поступил в Московский университет на словесное отделение, но в 1832 г. был исключен за свою антикрепостническую пьесу «Дмитрий Калинин». Литературная деятельность Белинского как критика началась в 1831 г. С 1833 г. он стал постоянным сотрудником, а позже и редактором журнала «Телескоп» и приложения к нему — газеты «Молва», закрытых правительством в 1836 г. В 1838 и 1839 гг. Белинский был фактическим редактором журнала «Московский наблюдатель». В конце 1839 г. он переехал в Петербург, где стал сотрудничать в «Отечественных записках»: он вел там отдел литературной критики, а фактически давал направление всему журналу. В 1846 г. Белинский перешел в журнал «Современник», редактировавшийся Н. А. Не-

красовым, и работал там до конца своих дней. 26 мая (7 июня) 1848 г. он умер в Петербурге в возрасте 37 лет.

Да, на первый взгляд жизнь Белинского кажется бедной событиями. Это потому, что его действительная биография выражается не столько в этих событиях, сколько в развитии им идей, оказавших огромное влияние как на современников, так и на последующие поколения. «Мы только тогда поймем жизнь Белинского,— говорит Плеханов,— когда потрудимся вдуматься в те важнейшие теоретические вопросы, которые постоянно привлекали к себе внимание этого гениального человека» (37 а, 275).

В условиях царившего в то время всеобщего гробового молчания жизнь чувствовалась только в литературе. Вероятно, учитывая этот факт, Герцен писал впоследствии: «У народа, лишённого общественной свободы, литература — единственная трибуна, с высоты которой он заставляет услышать крик своего возмущения и своей совести» (18, 7, 198). И Белинский обратился к литературе. Однако литература, как отметил ещё Чернышевский, была для него только полем битвы, а предметом борьбы было влияние на всю умственную жизнь страны.

Конечно, Белинский не мог говорить открыто о том, что тогда волновало передовых людей. Однако он обладал талантом излагать эзоповским языком свои мысли о самых недопустимых, с точки зрения цензуры, проблемах. Герцен отмечал его «ловкость в плавании между цензурными отмелями» и причислял к средствам борьбы с официальной идеологией «намекы, ускользавшие под пальцами цензора».

Для понимания воззрений Белинского важны не только его статьи и письма, в которых он вынужден был о многом умалчивать, но и воспоминания о нем. Среди них первое место занимает литературный портрет, созданный Герценом. В своих воспоминаниях Герцен особое внимание уделяет мировоззрению Белинского, поэтому мы еще не раз обратимся к ним. Теперь же припомним лишь один характерный штрих. Отмечая, что критик начал свои занятия с философии, ища в ней ответы на вопросы, поставленные русской действительностью, Герцен далее говорит об особенностях мышления Белинского: «...этот человек являлся одним из самых свободных людей, ибо не был связан ни с верованиями, ни с традициями, не считался с общественным мнением и не признавал никаких авторитетов, не боялся ни гнева друзей, ни ужаса прекраснодушных. Он всегда стоял на страже критики, готовый обличить, заклеить все, что считал реакционным» (18, 7, 238).

Статьи критика не только противостояли огромной массе книг, газет и журналов, в которых говорила «официальная низость» (Герцен), но и побеждали их в общественном мнении. Критик пользовался колоссальной популярностью у передовой молодежи. В. В. Стасов, вспоминая свои молодые годы, пишет: «Белинский же был — решительно нашим настоящим воспитателем. Никакие классы, курсы, писания сочинений, экзамены и все прочее не сделали столько для нашего образования и развития, как один Белинский со своими ежемесячными статьями. Мы в этом не различались от остальной России того времени... Он прочищал

всем нам глаза, он воспитывал характеры, он рубил, рукою силача, патриархальные предрассудки, которыми жила сплошь до него вся Россия» (42, 2, 384). Так молодежь воспитывалась на идеях человека, сумевшего под угрозой Петропавловской крепости отстаивать независимость своей мысли.

Философские воззрения Белинского, как и все его учение, являются более ста лет предметом ожесточенной борьбы. Сразу после его смерти самодержавие пыталось парализовать могучее влияние его идей путем преследования за них (осуждение петрашевцев), а затем путем их замалчивания. Последнее не удалось: «Письмо к Гоголю» в списках читала вся мыслящая Россия. Во второй половине XIX в. вокруг наследия Белинского в литературе началась открытая полемика, продолжавшаяся до конца века. Она вспыхнула вновь в годы реакции и повторилась в 1914 г. В этой полемике противостояли друг другу две противоположные оценки критика. Одна из них всячески умаляла значение его идей, в частности философских, другая выявляла огромное прогрессивное значение его взглядов.

В консервативной и либеральной печати Белинский изображался человеком, не обладавшим философским методом мышления, ничего не давшим философии и занимавшимся лишь пересказом теорий немецкого классического идеализма. Его революционные и социалистические идеи отрицались, и он характеризовался как либерал, реформист и проповедник моральных догм. Такой точке зрения противостояли прежде всего мнения современников Белинского, высоко ценивших его идеи, в том числе фило-

софские. И. С. Тургенев считал его центральной фигурой общественной мысли России того времени и отмечал его «неотразимую мощь мысли». Герцен писал, что критик выдвинул «новое воззрение на мир, на жизнь, которое поразило все мыслящее в России и заставило с ужасом отпрянуть от Белинского всех педантов и доктринеров» (18, 9, 43). Позже высокую оценку антикрепостнических и философских идей критика дали революционеры 60-х годов, в первую очередь Н. Г. Чернышевский, показавший их огромное влияние на новое поколение революционных демократов. В конце XIX в. в защиту взглядов Белинского выступил Плеханов. Он доказал, что вопреки утверждениям реакционеров критик был революционером, социалистом и «самой замечательной философской организацией, когда-либо выступавшей в нашей литературе» (37, 4, 466). В годы реакции резкую критику сменовеховцев, пытавшихся опорочить идеи Белинского, дал В. И. Ленин. Опровергая их утверждения, будто критик был одиночкой, оторванным от народа, и представителем «интеллигентщины», Ленин показал его действительную роль как выразителя антикрепостнических настроений крестьянства (см. 2, 19, 169).

Полемика о Белинском продолжается и сейчас. В наше время за рубежом наряду с литературой, добросовестно анализирующей взгляды критика, выходят книги, повторяющие с различными вариациями старые версии о будто бы несамостоятельном характере философских идей Белинского, об отсутствии каких-либо его заслуг в философии, об ограничении его взглядов моральными проблемами. Снова утверждается,

будто критик был родоначальником русского либерализма, будто он чуждался политики, не признавал революций и пр. В этих зарубежных книгах есть и новое: некоторые авторы изображают Белинского первым русским марксистом и чуть ли не основоположником советской идеологии. Эти искажения идей русского мыслителя подвергнуты критике в работах советских авторов*.

Исследование философского наследия Белинского после революции началось работами А. В. Луначарского, П. И. Лебедева-Полянского и др. Советские ученые стали уделять ему особое внимание начиная с 40-х годов, в особенности с юбилейного 1948 г. Появился ряд монографий о его жизни и деятельности (В. С. Нечаевой, Ю. Г. Оксмана, М. Я. Полякова и др.). Многогранный характер наследия Белинского потребовал специального изучения отдельных сторон его мировоззрения. Вышли в свет и исследования о философских и социологических идеях Белинского: работы Г. С. Васецкого, А. И. Володина, М. Т. Иовчука, В. С. Кружкова, Э. В. Смирновой, В. И. Степанова, И. Я. Щипанова и др.

За последние годы в советской литературе обнаружилось различные точки зрения на отдельные стороны мировоззрения критика. Возникли дискуссии и о том, как вообще надо под-

* См. М. Т. Иовчук, В. И. Степанов. Мировоззрение Белинского и современные фальсификаторы. — «Вопросы философии», 1961, № 6; П. П. Апрышко. Критика современных буржуазных фальсификаций идейного наследия В. Г. Белинского. — «Критика современных буржуазных фальсификаций истории философии народов СССР». М., 1974.

ходить к идеям деятелей русского освободительного движения. В 1973 г. журнал «Вопросы литературы» организовал полемику по вопросу о наследии русских революционных демократов, в частности и Белинского. Poleмику начал филолог Б. Ф. Егоров статьей «Перспективы, открытые временем»*. Отмечая, что за последние 10—15 лет внимание ученых к революционным демократам несколько ослабело, он говорит, что в этом, возможно, виноваты и те авторы, которые «хотели бы лишь хранить наследство в глубоких сундуках и подвалах», и те учителя, «которые превращали Белинского и Добролюбова в этаких добродетельных всезнаек, проповедовавших прописные истины», и те «чрезмерно осторожные издатели и комментаторы сочинений классиков, иногда препарировавшие их тексты и сглаживавшие острые углы». Осуждая тех скептиков, которые, не прочитавши «ни одной статьи Белинского, с чужого голоса бубнят, что для XX века труды революционных демократов стали устаревшими»**, Егоров вместе с тем требует ликвидации упрощенного подхода к революционно-демократическим идеям: более глубокого освещения их связей с зарубежной мыслью, рассмотрения их в развитии и пр. «...Теперь,— пишет Егоров,— мы доросли до рассмотрения таких аспектов их наследия, которых раньше не замечали!»**

Не со всем в статье Егорова можно согласиться. На наш взгляд, не является правильной его «новая» трактовка последнего периода жизни Белинского, что уже было отмечено в ходе

* См. «Вопросы литературы», 1973, № 3, стр. 114.
** Там же, стр. 115.

полемики. Не очень удачно звучит утверждение Егорова, что теперь мы «доросли» до новых аспектов в рассмотрении революционно-демократических идей: получается, что серьезные недостатки в литературе о революционных демократах, допускаясь нами продолжительное время, объясняются тем, что мы не доросли тогда до правильной точки зрения, а не более сложными причинами. Однако Егоров совершенно прав, когда требует новых аспектов в подходе к революционным демократам, в том числе и к Белинскому.

Одним из серьезных пробелов в советской литературе о революционных демократах было в прошлом одностороннее освещение их отношения к передовой зарубежной мысли. Если признавалась связь социалистических взглядов демократов с утопическим социализмом Запада, то влияние на них немецкой классической философии замалчивалось. Это было связано с неправильным толкованием этой философии как аристократической реакции на французскую буржуазную революцию и французский материализм. Как положительный факт следует отметить появление, в особенности за последние годы, работ*, показывающих влияние немецкой классической философии на русских демократов,

* См. М. Т. Иовчук. Диалектика Гегеля и русская домарксистская философия XIX века. — «Русская прогрессивная философская мысль XIX века». М., 1959; *то же*. Интерпретация и оценки философии Гегеля в России. — «Философские науки», 1971, № 3; А. И. Володин. Гегеля читают в России. — «Наука и религия», 1970, № 8, 10, 12; *то же*. Гегель и русская социалистическая мысль XIX века. М., 1973; М. М. Григорьян. В. Г. Белинский и проблема действительности в философии Гегеля. — «Гегель и философия в России». М., 1974.

включая и Белинского. Эта философия, как и утопический социализм Запада, явилась одним из теоретических источников мировоззрения Белинского. Особенно большую роль в развитии его философских взглядов сыграли Гегель и Фейербах.

Это, конечно, не значит, что правы те дореволюционные и современные зарубежные авторы, которые отрицают самостоятельность и оригинальность философских идей Белинского. Его идеи складывались в первую очередь под влиянием тех условий, которые существовали тогда в России. Философия критика находилась в единстве с его общественно-политической программой, отражавшей специфические потребности русской жизни. Для него, по определению Герцена, было характерно «живое, меткое, оригинальное сочетание идей философских с революционными» (18, 9, 28).

Одно из важных требований, предъявляемых к исследователям наследия Белинского, состоит в том, чтобы изучать его идеи в развитии. Отсутствие такого подхода, что иногда допускалось в нашей литературе, ведет к обеднению, к упрощению его взглядов. В действительности вся творческая жизнь Белинского представляет собой напряженные, более того — мучительные поиски научной теории. На протяжении его короткой, но исключительно плодотворной деятельности его философские взгляды претерпели значительные изменения. Эти изменения не были случайными. Широко известна ленинская характеристика страстных поисков правильной революционной теории передовой русской мыслью примерно с 40-х до 90-х годов XIX в. В. И. Ленин отмечает присущие этим исканиям

невероятную энергию и беззаветность, разочарования, испытание на практике, изучение «последнего слова» западных стран и сопоставление их опыта с опытом России (см. 2, 41, 7—8). Эту ленинскую характеристику можно отнести и к теоретическим исканиям Белинского. Может быть, даже ни у одного представителя русской передовой мысли того периода, о которых говорит Ленин, теоретические поиски не были так энергичны и беззаветны, а вместе с тем так мучительны и противоречивы, как у Белинского. У него они сопровождались разочарованиями, спадами, ошибочными выводами и отречением от них, а затем блестящими находками. Сам Белинский писал о противоречивом характере своих исканий: «Боже мой! — какие прыжки, какие зигзаги в развитии! Страшно подумать» (3, 12, 7). Ошибки Белинского были особого рода: часто они являлись оборотной стороной его теоретических достижений и содержали в себе часть искомой истины. Несмотря на противоречивый характер творческих исканий, в них был и определенный стержень, верность своим началам, скрытая последовательность. За противоречивой формой скрывались все новые и новые завоевания великого критика.

Значительное место в мировоззрении Белинского занимает эстетика. По поводу его эстетических воззрений высказывались различные, подчас противоположные точки зрения и развертывались горячие дискуссии. В 1914 г. литературовед Ю. Айхенвальд обвинил его в «вульгарном утилитаризме» и в «порабощении искусства», против чего выступили Н. Л. Бродский и др. Мнение Айхенвальда было подхвачено уже после революции некоторыми писате-

лями за рубежом. Внутри страны на Белинского, толкуя его взгляды вкривь и вкось, пытались опереться представители вульгарной социологии в литературоведении.

В недавнем прошлом, в связи с дискуссией конца 50-х — начала 60-х годов о предмете искусства возникла полемика и о позиции Белинского по этому вопросу, так и не приведшая к единой точке зрения. У нас вышло немало хороших работ, посвященных Белинскому как основоположнику классической русской эстетики*. Но исследования его философских взглядов редко включают в себя его эстетику. А между тем философия Белинского тесно связана с его эстетической теорией. Очень часто завоевания его философской мысли начинались и особенно ярко проявлялись в его «философии изящного». Поэтому наиболее глубокое представление о философских идеях Белинского можно получить, только рассматривая их в связи с его эстетикой, во всяком случае с теми ее проблемами, которые составляют органическую часть его философии.

Развитие философских идей Белинского шло в том же направлении, что и в передовой философии Запада. Итогом этого развития был переход критика от идеализма к материализму, совершенствование диалектического метода, попытки, не всегда безуспешные, соединить материализм с диалектикой. Оставаясь в обла-

* См. А. Лаврецкий. Эстетика Белинского. М., 1959; Н. А. Гуляев. В. Г. Белинский и зарубежная эстетика его времени. Казань, 1961; Э. В. Смирнова. Эстетика русских революционных демократов. — «Из истории русской философии XVIII—XIX веков». М., 1952, и др.

сти социологии идеалистом, Белинский все же высказал об обществе ряд замечательных, подчас материалистических суждений, которые, в частности, были связаны с его социалистическими идеями. К большим заслугам Белинского относится глубоко реалистическое, диалектически обоснованное определение задач, стоявших тогда перед Россией.

ФОРМИРОВАНИЕ МИРОВОЗЗРЕНИЯ. ПРОСВЕТИТЕЛЬСТВО И ЗАЧАТКИ ДИАЛЕКТИКИ

Первым произведением Белинского была написанная в 1830 г., т. е. еще в студенческие годы, драма «Дмитрий Калинин». Не имея ценности в художественном отношении, она представляет значительный интерес как исторический документ, предвещающий возникновение революционной крестьянской демократии в России. В драме Белинский, продолжая традиции Радищева и декабристов, развивает идеи просветительства. В. И. Ленин говорит, что характерными чертами русских просветителей XIX в. были: вражда к крепостному праву и всем его порождениям в экономической, социальной и юридической области, защита просвещения, свободы, европейских форм жизни, отстаивание интересов народных масс, главным образом крестьянства (см. 2, 2, 519). Такими идеями пронизана и пьеса Белинского. В последующих своих произведениях и даже письмах он по вполне понятным причинам о крепостном праве почти не говорит, хотя в подтексте проблема уничтожения крепостничества всегда присутствует. Тем большее значение имеет юношеская драма, где он обличает крепостную систему во весь голос, предвосхищая свое гениальное «завещание» — «Письмо к Гоголю».

В пьесе Белинский показывает трагедию русского народа: полное бесправие крепостных, постоянное унижение их человеческого достоинства, дикие телесные наказания, сдачу «провинившихся» в рекруты, непосильную барщину, разорение крестьянских хозяйств. Белинский делает вывод, что крепостные отношения «противны правам природы и человечества, правам самого рассудка». Красной нитью через всю драму проходит мысль о необходимости просвещения для страны и о пагубном влиянии крепостного права.

В пьесе имеются подступы и к революционным идеям. Ее главное действующее лицо — образованный, умный и благородный крепостной Калинин заявляет, что люди имеют право нарушать законы крепостного общества, и с восторгом вспоминает «героев древних и новых времен»: «великого мученика свободы» Брута и патриота Сусанина. Надо вспомнить, что Брут и Сусанин были любимыми историческими личностями Рылеева, на которого, как и вообще на декабристов, намекает Белинский своими «героями нового времени».

В спорах Калинина с его другом Сурским на религиозные темы выражены размышления и сомнения самого Белинского, его разрыв с официальной религией. Возражая Сурскому, советовавшему «терпеть здесь, чтобы наслаждаться там», Калинин говорит: «Неужели это премудрое и милосердное существо, которого мы называем богом, посылает людей на землю, как колодников на каторгу?» (3, 1, 462). Калинин признается своему другу, что раньше он был очень религиозен, но в последнее время в нем поселилось какое-то мрачное сомнение, которое,

«как пожар разрушительный», истребило в нем «доверенность к промыслу» и веру в высокое.

Будучи еще совершенно неопытным в делах идеологической борьбы, Белинский мечтает о том, чтобы его драма была напечатана или поставлена. Он представляет ее в Московский цензурный комитет. Тот запрещает драму как противную «религии, нравственности и российским законам». Сам Белинский за нее исключается из университета, хотя официальное постановление мотивирует исключение «ограниченностью способностей» (!) будущего великого критика. Такое возмездие за открытый политический протест не было слишком суровым для того времени. Но к Белинскому было применено и другое средство подавления «вольнодумства» — невозможность поступить на государственную службу. В результате он оказался в тяжелейшем материальном положении. Все происшедшее стало для Белинского серьезной политической школой. Он понял, что против существовавшего строя нельзя было бороться открыто, лицом к лицу, что оставалась, по словам Герцена, лишь одна возможность борьбы — вести подземные мины.

В поисках путей освобождения России Белинский обращается к философии, которой он всегда интересовался. Еще в гимназии товарищи прозвали его «маленьким философом». Хотя в университете кафедра философии после восстания декабристов была закрыта, именно в университетских стенах Белинский начал знакомиться с немецкой классической философией. Профессор физики и сельского хозяйства М. Г. Павлов и профессор изящной словесности Н. И. Надеждин излагали студентам сущность

учения Шеллинга. Кроме того, передовые студенты, по свидетельству К. С. Аксакова, самостоятельно изучали натурфилософские сочинения Шеллинга.

Особенно большую роль в освоении Белинским достижений мировой философии сыграло его сближение с кружком Станкевича. Он близко сошелся и с самим Н. В. Станкевичем, и с его друзьями — М. А. Бакуниным, В. П. Боткиным, К. С. Аксаковым и другими, а затем и с членами кружка Герцена и Огарева. Станкевич и его друзья упорно изучали идеи немецкой классической философии: отчасти Канта и Фихте, больше Шеллинга и в дальнейшем Гегеля. Хотя члены кружка по своим идейным убеждениям отличались друг от друга (радикально настроенные и умеренные, будущие западники и будущие славянофилы), но все они интересовались вопросами современности и были противниками крепостничества.

Через кружок Станкевича Белинский установил связь с журналом «Телескоп» и его издателем, видным критиком 20—30-х годов Надеждиным. Как отметил еще Чернышевский, Н. И. Надеждин стал «образователем» Белинского, а его критика, развивавшаяся в направлении к реализму, — «приготовительницей» критической деятельности великого русского мыслителя (см. 45, 164, 177, 179). Однако в дальнейшем их идейные пути разошлись, и Белинский выступал в печати с критикой отдельных статей Надеждина.

С 1833 г. Белинский начал печататься в «Телескопе» и в приложении к нему — «Молве» как никому не известный переводчик с французского языка. И вдруг в 1834 г. в «Молве» появи-

лась его статья, сразу привлекающая к нему внимание всей мыслящей России. Статья эта называется «Литературные мечтания (Элегия в прозе)». Она посвящена прежде всего литературным вопросам, однако далеко не только им. «Литературные мечтания» представляют собой первый литературный и философский манифест только еще намечающейся русской революционной демократии.

Наученный прежним опытом, Белинский многие свои мысли в этой статье излагает эзоповским языком, намекая, что ее надо читать и между строк. «...По особенным обстоятельствам, — пишет он, — впрочем, важным только для одного меня, не могу говорить всего, что думаю» (3, 1, 86). Белинский выдвигает вызвавшее много шума положение: «У нас нет литературы!» Положение это было ошибочным, критик от него потом отказался, но по существу за этой ошибочной формулой скрывался глубокий смысл. Она явилась резким протестом против господства в литературе таких реакционных авторов, как Булгарин, Сенковский (барон Брамбеус), Греч, Кукольник и др. Доказывая, что все написанное этими авторами ничего общего не имеет с художественным творчеством, Белинский развивает мысль о тщетности попыток искусственно создать литературу в духе официальной народности. «...Литературу не создают, — утверждает критик, — она создается так, как создаются, без воли и ведома народа, язык и обычаи» (3, 1, 87).

Белинский останавливается на самой больной для передовых русских людей проблеме — на глубокой пропасти, существовавшей между народом и образованными классами. Борясь за сближение интеллигенции с массами, он выдви-

гает задачу создания народной литературы. «...Литература непременно должна быть народной, если хочет быть прочною и вечною!» (3, 1, 61). И далее: «...народность — вот альфа и омега нового периода» (3, 1, 91).

Провозглашение идеи народности литературы было на этом этапе составной частью философии просветительства Белинского. В эти годы он видит выход для России в широком распространении образования, просвещения, считая, что в результате этого «умственная физиономия народа выяснится», т. е. сформируется народное самосознание. А это, по его мнению, будет означать свободу и счастье для народных масс. По существу Белинский в это время рассматривает просвещение как главную движущую силу истории. В одной из своих рецензий, написанной вскоре после «Литературных мечтаний», он говорит: «...история есть картина успехов человечества на поприще самосовершенствования... Человечество делается лучше... от полного гармонического сознания своего назначения, цели своего существования; а это сознание может произойти от повсеместного, общего просвещения» (3, 1, 191, 192).

Философия просветительства у Белинского пронизана гуманистическими принципами. В своей «Элегии» он призывает к бескорыстному служению человечеству, родине, истине, клеймя путь эгоизма, угнетения слабых, лести сильным, корыстных расчетов, торговли своим талантом. Этим гуманистическим принципам, понятым затем более глубоко, он остается верен до конца жизни.

Философские взгляды Белинского этого периода, как и всякая философия просветительст-

ва, имели свои слабые стороны. Противопоставляя добро злу, истину заблуждению, должное существующему, он судит о них отвлеченно. Его идеал носит абстрактный характер, он не выводит его из фактов, а строит априорно. Русские крепостнические порядки Белинский осуждает с точки зрения абстрактного «разума». Видя в распространении просвещения средство для преобразования России, он первенствующую роль отводит сознанию, т. е. подходит к историческому процессу идеалистически. И все же абстрактное «добро», «истина», «разум» служат для него оружием борьбы против крепостнической идеологии.

На философию молодого критика в этот период заметное влияние оказал ранний Шеллинг. Белинского привлекают мысли немецкого философа о единстве всего сущего, об общности материи и духа. Как и Шеллинг, он рассматривает эту общность в русле объективного идеализма, включая в него и религиозные мотивы. В «Литературных мечтаниях» он пишет: «Весь беспредельный, прекрасный божий мир есть не что иное, как дыхание единой, вечной идеи (мысли единого, вечного бога), проявляющейся в бесчисленных формах, как великое зрелище абсолютного единства в бесконечном разнообразии» (3, 1, 30).

В познании Белинский вслед за Шеллингом отдает предпочтение искусству перед наукой. Шеллинг позже отказался от этой концепции, но в «Системе трансцендентального идеализма» он утверждал: «...наука лишь поспешает за тем, что уже оказалось доступным искусству» (46, 387). Эту мысль Шеллинга развивает Белинский, пытаясь доказать, что «синтетическое

представление» о мире дает не ум, а художественное восприятие, так как вселенная есть «воплощенный идеал, созданный всемогущим художником». «Разве вы можете постигнуть ее жизнь одним умом? — рассуждает критик.— Ум анализирует жизнь вселенной, ибо не может охватить ее вдруг: искусству представляется синтетическое представление ее жизни, ибо цель искусства есть преобразовать явления жизни» (3, 1, 134). Как и Шеллинг, Белинский придает особое значение интуиции. Его привлекают мысли Шеллинга о том, что художник творит «безотчетно», что в его творчестве содержится «бесконечность бессознательного», не доступная ни для какого «конечного рассудка» (см. 46, 378). «Главный отличительный признак творчества,— заявляет критик,— состоит в таинственном ясновидении, в поэтическом сомнамбуле» (3, 1, 286).

Шеллинг сыграл роль и в выработке Белинским диалектического метода. Человек большой культуры, критик и писатель В. Ф. Одоевский, хорошо знавший Белинского, отмечает, что он развивал тогда свои диалектические идеи хотя и оригинально, но отправляясь от натурфилософии Шеллинга. Это подтверждается некоторыми высказываниями Белинского. Так, в «Литературных мечтаниях» он пишет, что для идеи, под которой он подразумевает вселенную как воплощение бога, «нет покоя: она живет беспрестанно, то есть беспрестанно творит, чтобы разрушать, и разрушает, чтобы творить... Кружится колесо времени с быстротою непостижимую, в безбрежных равнинах неба потухают светила, как истощившиеся вулканы, и зажигаются новые; на земле проходят роды и поколения и заменяются новы-

ми, смерть истребляет жизнь, жизнь уничтожает смерть; силы природы борются, враждуют и умиротворяются силами посредствующими, и гармония царствует в этом вечном брожении, в этой борьбе начал и веществ» (3, 1, 30). Особую роль Белинский отводит борьбе: «Жизнь есть действие, а действие есть борьба» (3, 1, 30). Он распространяет эту мысль и на нравственную жизнь, где существует «борьба между добром и злом, любовью и эгоизмом, как в жизни физической противоборство силы сжимательной и расширительной» (3, 1, 32). Так уже в первом значительном произведении Белинского, появившемся в печати, содержатся зачатки диалектики.

Свои диалектические идеи критик развивает преимущественно в области эстетики. И здесь можно увидеть влияние Шеллинга, проявляющееся в историческом подходе к литературе. Но Белинский не мог долго удовлетворяться эстетикой, послужившей теоретическим обоснованием романтизма. Именно с философии искусства начинается его постепенный отход от Шеллинга. Раньше Белинский считал, что «законы изящного» уже открыты, имея, видимо, в виду эстетику Шеллинга и Шлегеля (однажды он прямо указал на них). Но вскоре он стал утверждать, что человечеству известны лишь некоторые из этих законов, что понятия об изящном относительны, изменчивы и что философия искусства нуждается в развитии на основе новых фактов художественного творчества. Отмечая связь и различия эстетики и критики, Белинский называет последнюю «движущейся эстетикой». Говоря о ее задачах, он прямо заявляет, что она не должна копировать ни умо-

зрительную немецкую, ни историческую французскую критику, а должна синтезировать их (см. 3, 2, 125). По существу Белинский ставит вопрос о необходимости нового направления в критике и в эстетике.

Особенно сильным контрастом шеллингианской эстетической теории было выступление Белинского за реализм в искусстве. Ведь романтическая школа, в основе воззрений которой лежала философия Шеллинга, боролась против представления об искусстве как о воспроизведении жизни. А как раз такое представление постепенно занимает центральное место в эстетических воззрениях Белинского. Следует отметить, что в первое время оно существует рядом с его мыслями об искусстве как о «таинственном сомнамбуле» и пр. Но Белинский не замечает таящегося тут противоречия. Первые его высказывания в защиту реализма относятся еще к «Литературным мечтаниям», т. е. к периоду наибольшего влияния на критика шеллингианства. Чернышевский считает, что Белинский в это время был реалистом «по предчувствию».

Однако вскоре критик недвусмысленно заявил о своем сочувствии реализму. В своей замечательной статье «О русской повести и повестях Гоголя», написанной в 1835 г., Белинский прямо говорит, что в России развилось реальное направление в литературе. Достоинством этой новой литературы он считает «беспощадную откровенность». «...В ней жизнь является как бы на позор, во всей наготе, во всем ее ужасающем безобразии и во всей ее торжественной красоте...» (3, 1, 267). Критик отмечает, что в новых художественных творениях «жизнь как будто вскрывается аналитическим ножом». Главой но-

вого литературного направления Белинский называет Гоголя. Он первый указывает на гениальность великого писателя и вопреки нападкам и «похвалам» реакционных авторов предрекает ему исключительную роль в русской литературе.

Творения Гоголя помогают Белинскому диалектически осмыслить реальную действительность. Он говорит, что почти каждая повесть Гоголя — смешная комедия, которая начинается глупостями, оканчивается слезами и называется жизнью. «И такова жизнь наша: сначала смешно, потом грустно!» (3, 1, 290). Белинский указывает на противоречия действительности, вскрываемые творчеством Гоголя: он отмечает скрытые контрасты в «Невском проспекте», горечь в смехе над ссорой Ивана Ивановича и Ивана Никифоровича, противоречия великой эпохи целого народа в повести о Тарасе Бульбе, загадки человеческой психологии в «Старосветских помещиках».

Анализ последней повести особенно замечателен. Критик подчеркивает реализм этого произведения. Он указывает, что старосветских помещиков связывает лишь одно «низменное» чувство — привычка. К высшим поэтическим достижениям этой повести он относит диалог между Пульхерией Ивановной и Афанасием Ивановичем на тему: «Чего бы такого еще повесть». А между тем, говорит Белинский, у Гоголя показано «великое таинство души человеческой», поставлена «великая психологическая задача»: почему такое, казалось бы, низменное чувство, как привычка, часто превышает по своей силе высокие и благородные страсти людей? «Г-н Гоголь, — пишет критик, — сравнивает ваше глубокое, человеческое чувство, вашу высокую,

пламенную страсть с чувством привычки жалкого получеловека и говорит, что его чувство привычки сильнее, глубже и продолжительнее вашей страсти... Так вот где часто скрываются пружины лучших наших действий, прекраснейших наших чувств! О бедное человечество! жалкая жизнь!» (3, 1, 292). Не раз потом Белинский, уже в связи с социальными задачами русской жизни, задумается над страшным вопросом о силе привычки, над проблемой традиций, которые нельзя безнаказанно игнорировать.

Утверждение реализма в эстетике Белинского сопровождалось отходом его от философии Шеллинга. Но это не значит, что критик перестал признавать его заслуги. Много лет спустя, уже став материалистом, подвергнув резкой критике шеллингианскую «философию откровения», он вместе с тем назвал раннего Шеллинга великим мыслителем, много давшим развитию человеческой мысли.

Отход Белинского от Шеллинга не был еще отказом от идеализма. В противоречивом развитии его мировоззрения произошел вдруг неожиданный поворот: в 1836 г. Белинский при помощи Бакунина познакомился с философией Фихте. Сначала критик увлекся его идеями. Горячо сочувствуя в тот период французской революции, он обнаружил отклик на нее и в этих идеях. По его собственному свидетельству, он тогда «фихтеанизм понял, как робеспьеризм» (3, 11, 320). Его привлекало в этом учении то, что Фихте, подобно Робеспьеру, противопоставлял существующему обществу идеальное общество, построенное на началах разума и моральных принципов. Белинский писал тогда Бакунину, что благодаря философии Фихте

он убедился, что «идеальная-то жизнь есть именно жизнь действительная, положительная, конкретная, а так называемая действительная жизнь есть отрицание, призрак, ничтожество, пустота» (3, 11, 175).

В своей статье «Опыт нравственной философии А. Дроздова», написанной в сентябре 1836 г., Белинский, отражая идеи Фихте, излагает основной вопрос философии в духе субъективного идеализма. Он утверждает, что «факты и явления не существуют сами по себе: они все заключаются в нас. Вот, например, красный четверугольный стол: красный цвет есть произведение моего зрительного нерва, приведенного в сотрясение от созерцания стола; четверугольная форма есть тип формы, произведенный моим духом, заключенный во мне самом и придаваемый мною столу; самое же значение стола есть понятие, опять-таки во мне же заключающееся и мною же созданное, потому что изобретению стола предшествовала необходимость стола, следовательно, стол был результатом понятия, созданного самим человеком, а не полученного им от какого-нибудь внешнего предмета» (3, 2, 239—240).

Но субъективный идеализм уже тогда по существу был совершенно чужд Белинскому, а «абстрактный идеал» очень скоро перестал его удовлетворять, и он отрекся от него. Впоследствии он в шуточной форме признался Бакунину, что «прогулялся» по идеям Фихте «больше для компании, чтобы тебе не скучно было одному» (3, 11, 322—323). Отмечая, что учение Фихте принесло ему «великую пользу», Белинский вместе с тем подчеркнул, что оно сделало и много зла: возбудило веру в мертвую, абстрактную

мысль. Но эта вера была непродолжительной. Какую же пользу критику принесло его увлечение идеями Фихте? Белинский прямо не говорит об этом. Но в последующие годы, подчеркивая большое значение Фихте в истории философии, он относит немецкого мыслителя к «пророкам гуманности», к «жрецам вечной любви и вечной правды» и отмечает его заслугу в призыве к действию. Видимо, именно эти особенности философии Фихте оставили свой след, хотя и в преобразенном виде, в мировоззрении Белинского.

В 1836 г. произошло событие, которое, по выражению Герцена, «прогремело подобно выстрелу из пистолета глубокой ночью» и «разбило лед после 14 декабря». В «Телескопе» было опубликовано «Философическое письмо» П. Я. Чаадаева, содержащее кроме философских идей автора резкую критику существовавшей в России системы. Это было первое открытое критическое выступление после восстания декабристов. По распоряжению Николая I «Телескоп» был закрыт, Надеждин сослан, а Чаадаев объявлен сумасшедшим. Поскольку Белинский был непричастен к опубликованию «Письма», он отделался обыском при въезде в Москву. Все же он снова остался без средств к существованию и полтора года не печатался. Только с марта 1838 г., став фактическим руководителем журнала «Московский наблюдатель» (формально его редактором являлся В. П. Андросов), Белинский возобновил свою литературную деятельность.

Все это время критик продолжает разрабатывать свою философскую концепцию. В каком же направлении идет эта разработка? Большой интерес представляет здесь свидетельство

В. Ф. Одоевского. «Всякий раз, — пишет он, — когда мы встречались с Белинским... мы с ним спорили жестоко, но я не мог не удивляться, каким образом он из поверхностного знания принципов натуральной философии (*naturphilosophie*) развивал целый органический философский мир *sui generis*. Едва имея понятия о Шеллинге только, Белинский сам собой дошел до Гегеля, ему неизвестного, то есть в Белинском совершился своеобразно тот переход, который в философском мире совершился появлением Гегеля после Шеллинга... Развить в себе самом целый ряд философских теорем, развивавшихся в философской атмосфере мира, не удалось бы дюжинному человеку» (6, 17).

Итак, по мнению Одоевского, Белинский «дошел до Гегеля» самостоятельно, еще до знакомства с его произведениями. Когда состоялось это знакомство? Некоторые сведения о Гегеле критик мог почерпнуть еще в первой половине 30-х годов из переводных статей, печатавшихся в русских журналах, в особенности в «Телескопе», а еще больше — из бесед со Станкевичем, которого Герцен называл «первым последователем Гегеля в кругу московской молодежи». Но письма Белинского свидетельствуют, что он вплотную подошел к изучению гегелевской философии в конце 1837 г. Осенью этого года М. Н. Катков, переводивший введение к «Эстетике» Гегеля, передал ему содержание этого произведения (см. 3, 11, 189, 272, 387), а примерно в начале 1838 г. Бакунин, изучавший «Феноменологию духа» и «Энциклопедию философских наук», познакомил критика с гегелевской философией истории, права и религии (см. 3, 11, 218, 386). В это же время воз-

никает и особый интерес к Гегелю в кружке Станкевича, когда, по словам Герцена, для его членов не стало «параграфа во всех трех частях «Логики», в двух «Эстетики», «Энциклопедии» и пр., который бы не был взят отчаянными спорами нескольких ночей» (см. 18, 9, 18).

Оставаясь объективным идеалистом, Белинский в теории познания вместо интуиции и чувственного познания на первый план выдвигает разум. В письме к Бакунину от 1 ноября 1832 г. он критикует свою прежнюю точку зрения, будто «чувством можно узнать какую бы то ни было истину», и утверждает, что «оно по существу своему не может давать нам никаких идей». Он излагает свое новое убеждение «о достоинстве разума, живущего в природе как явление и в человеке как сознание» (3, 11, 189). Выдвижение на первый план рационального начала вместо интуиции соответствовало движению немецкой философии от Шеллинга к Гегелю.

В том же направлении Белинский совершенствует свою диалектику. Гегель критикует Канта за «игру... в конструирование» (17, 1, 336), Шеллинга — за определения, существующие «в форме заверения», за метод «приклеивания» безжизненной схемы к действительности (см. 17, 4, 26—28). В противоположность своим предшественникам он считает, что философия должна все доказывать и выводить из действительного положения вещей. «Возможно ли то-то и то-то или невозможно, это зависит от содержания, т. е. от целостности моментов действительности, которая в своем раскрытии обнаруживает себя необходимостью» (17, 1, 242). Такой подход к философским проблемам намечается самостоятельно и у Белинского. Он виден уже в его тре-

бованиях развивать эстетику на основе выводов из существующих художественных произведений. Так же начинает подходить критик и к социальным проблемам. Он отвергает «абстрактный идеал», оторванный «от географических и исторических условий развития», идеал, «построенный на воздухе» (3, 11, 385), и упрекает Бакунина за то, что тот, втащив его в «фихтенанскую отвлеченность», на время уничтожил в его понятии «цену опыта и действительности» (3, 11, 282).

Вспоминая позже этот период, Белинский говорит, что его обращение к действительности было следствием самостоятельного развития его идей. «Так в горниле моего духа выработалось самобытно значение великого слова *действительность*» (3, 11, 282). И вот тогда, когда его «дух жаждал сближения с действительностью» (3, 11, 272), Белинский познакомился с философией Гегеля. Она произвела на него чрезвычайно сильное впечатление. «Новый мир нам открылся...— говорит об этом знакомстве критик,— слово «действительность» сделалось для меня равнозначительно слову «бог»» (3, 11, 386—387).

Все это свидетельствует о том, что характер восприятия Белинским западной философии определялся теми условиями, в которых он творил, и что, несмотря на ее влияние, философские идеи критика развивались самостоятельно. Обращаясь к действительности, он искал решения главной задачи, стоящей перед Россией,— ликвидации крепостничества. Но в своих теоретических поисках он вдруг пошел по пути, который, казалось, выводил от ее решения.

«ПРИМИРЕНИЕ С ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬЮ»

Следующим этапом в развитии философских идей Белинского был период так называемого примирения с действительностью. В это время особенно ярко проявляются противоречия в эволюции его мировоззрения. На первый взгляд его «примирительные» идеи кажутся сплошной и досадной ошибкой. По-прежнему отпавляясь в своих философских поисках от социальных проблем и поняв невозможность осуществления в России утопического «абстрактного идеала», Белинский объявляет существовавшие в стране общественные отношения исторически оправданными, «разумными» и пытается дать философское обоснование такой точке зрения.

«Примирительные» настроения критика относятся к периоду примерно со второй половины 1837 г. и до первых месяцев 1840 г. Впервые они ярко проявились в его письме к Д. П. Иванову от 7 августа 1837 г. Белинский утверждает там, что крепостное право в России не только в прошлом, но и в данный период является правомерным, что в силу особенностей развития нашей страны политическая деятельность, революционные перевороты и парламентарный образ правления для нее вредны. «Пуще всего,— пи-

шет Белинский Иванову,— оставь политику и бойся всякого политического влияния на свой образ мыслей. Политика у нас в России не имеет смысла...» (3, 11, 148).

Наиболее ярко «примирительные» настроения критика выразились в его произведениях ««Бородинская годовщина» В. Жуковского» (октябрь 1839 г.) и ««Очерки Бородинского сражения». Сочинения Ф. Глинки» (декабрь 1839 г.), в которых он доходит до оправдания самодержавия. Впоследствии сам Белинский резко осудит эти свои статьи. Он выразит желание «истребить» свое вступление к «Бородинской годовщине», в котором идея самодержавия провозглашается «священной» (3, 11, 438). Но пока Белинский упорно выступает за «примирение» с русскими общественными порядками. Герцен, возмущенный «примирительными» взглядами критика и даже временно порвавший отношения с Белинским, впоследствии писал: «Он (Белинский.— Е. Ф.) веровал в это воззрение и не бледнел ни перед каким последствием, не останавливался ни перед моральным приличием, ни перед мнением других, которого так страшатся люди слабые и не самобытные: в нем не было робости, потому что он был силен и искренен; — его совесть была чиста» (18, 9, 22).

Белинский обосновывает свои «примирительные» идеи философски. Чтобы правильно понять его философию этого времени, надо прежде всего учесть, что его «примирение» не было переходом на сторону помещиков и реакции. Критик сам называл его «вынужденным». И в этот период он ненавидел николаевскую действительность и характеризовал ее как «ужасное чудовище». Но, видя забитость и невежество крестьян,

не находя в стране сил, способных пересоздать общественный строй, он делает вывод, что крепостное право еще не изжило себя полностью. Вместе с тем Белинский выражает надежду, что правительство постепенно освободит крестьян, а дворянство благодаря отсутствию майората «издыхает... само собою» (3, 11, 149). Это свидетельствует о том, что и в период «примирения» критик оставался принципиальным противником крепостничества и дворянства.

И все же кажется парадоксом, что Белинский — «самая революционная натура николаевского времени» (Герцен) — «примирился» с действительностью, которую он сам некоторое время спустя назовет «гнусной». Как объяснить этот поворот в его идейном развитии? Герцен и некоторые другие друзья Белинского рассматривали «примирение» критика и его философию этого периода лишь как ошибку, совершенную под влиянием неправильно понятого Гегеля. Такая точка зрения утвердилась и у ряда авторов, писавших о Белинском впоследствии. По-инному подошел к его «примирению» Плеханов. Он положительно оценил этот период теоретических исканий критика за некоторые выводы, к которым тот тогда пришел. Отмечая ошибочные стороны его «примирительных» идей, Плеханов вместе с тем пишет: «И все-таки новая фаза философского развития Белинского представляет собою огромный шаг сравнительно с предыдущей» (37, 4, 441). Какая же из этих двух противоположных оценок философских идей Белинского периода «примирения» более соответствует действительности?

Остановимся прежде всего на вопросе о влиянии Гегеля. Конечно, оно в этот период было

значительным. Белинский уже тогда очень высоко оценивал немецкого философа, говоря, что действительность «в учении Гегеля осияла мир роскошным и великолепным днем» (3, 3, 433). В период «примирения» русский критик, как и Гегель, решал основной вопрос философии с позиций объективного идеализма. Он провозглашал первичной абсолютную идею, считая ее основой всего сущего. Иногда как синоним абсолютной идеи у него фигурировала «божественная идея». Природу, общество, человеческое сознание он рассматривал тогда как проявление абсолютной идеи, абстрактного высшего разума. Все это соответствовало объективному идеализму Гегеля.

Понимание критиком действительности, прежде всего в онтологическом смысле, тоже тогда отразило взгляды немецкого философа. Белинский считал ее воплощением идеи, или, по его собственной терминологии, «отелесившимся разумом». Вместе с тем его толкование действительности не совсем соответствовало гегелевскому. Хотя она и представлялась ему творением «миродержавного промысла» (3, 11, 153), все же он судил о ней прежде всего как о системе реально существующих фактов. Характерно, что, отмечая обращение к действительности всей современной ему передовой мысли — «действительность — вот пароль и лозунг нашего века», — он объяснял это объективными и даже экономическими условиями, тем, что XIX век — век «положительный и индустриальный» (3, 3, 432). Такой подход к действительности был преимуществом Белинского по сравнению с Гегелем.

Но критик делал шаг назад от него, игнорируя при рассмотрении категории действительно-

сти момент отрицания. Это ярко сказалось в понимании им известного гегелевского положения «все действительное разумно, все разумное действительно». У Гегеля понятие «действительное» не совпадает с тем, что есть, существует; действительно лишь то, что необходимо, жизнеспособно, развивается; разумное и действительное при одних условиях становится неразумным при других и обречено на уничтожение. «По всем правилам гегелевского метода мышления,— говорит Энгельс,— тезис о разумности всего действительного превращается в другой тезис: достойно гибели все то, что существует» (1, 21, 275).

Этот вывод, к которому неизбежно приводит диалектический метод, не был сформулирован самим Гегелем в такой определенной форме. Его положение о действительном и разумном могло быть истолковано и в консервативном плане. И вот Белинский в период «примирения» понял это положение как отождествление с действительным и разумным всего существующего. «Всё, что есть, всё то и необходимо, и законно, и разумно» (3, 3, 414),— решил критик и объявил разумным существовавший в России строй.

В факте «примирения» Белинского с действительностью, безусловно, проявилось влияние Гегеля. Здесь на русского критика оказали воздействие консервативные выводы немецкого философа, в крайней форме изложенные в «Философии права». В этом труде Гегель провозглашает примирение с действительностью и подчинение личности государству, которое в его изображении является «шествием бога в мире», примиряющим все противоречия (см. 17, 7, 16,

268). Белинский как раз в годы «примирения» познакомился через Бакунина с этой работой и воспринял ее односторонне, сосредоточив свое внимание преимущественно на консервативной гегелевской системе. В «Очерках Бородинского сражения» он называет всякое государство «установлением божьим» и пытается доказать необходимость для всех членов общества полного подчинения ему. Он заявляет, что между государством, являющимся «высшим моментом общественной жизни», и субъектом, стремящимся «к своему личному удовлетворению», неизбежно возникает борьба. Это борьба противоположностей: общего (государства, общества) и единичного (субъекта, личности). Однако каждый человек представляет собой не только единичное по своей личности, но и общее по своему духу (см. 3, 3, 340). Поэтому он смиряется перед тем, что является родным его духу — перед обществом и государством, и борьба противоположностей оканчивается примирением на основе подчинения единичного общему, субъекта государству.

Анализируя эти высказывания Белинского, советский философ М. М. Григорьян (см. 19) доказывает, что критик свои аргументы в пользу примирения личности и государства заимствовал из гегелевской концепции внутреннего тождества субъекта и объекта, сделав при этом отступление от диалектики Гегеля, утверждавшего, что примирение противоположностей есть их высший синтез с сохранением рациональных элементов обеих сторон. К этим правильным положениям Григорьяна следует добавить, что не только Белинский, но и сам Гегель в своей консервативной концепции государства отступил

от диалектики. Это впоследствии понял и русский критик. Отрекаясь от своих «примирительных» настроений, он назвал их «дикими убеждениями, занятыми по слухам у гегелизма, в котором и не перевернутом так много кастратского... противоположного и враждебного живой действительности» (3, 12, 38).

Из всего этого можно сделать вывод, что друзья Белинского, объяснявшие его «примирение с действительностью» влиянием неправильно понятого Гегеля, имели для этого основания.

Однако философские взгляды Белинского в период «примирения» не сводились к восприятию консервативной системы немецкого философа. Плеханов был прав, отмечая большой шаг вперед в развитии идей критика в это время. Этот шаг вперед заключался в разработке некоторых важных сторон диалектического метода, в чем сказалось положительное влияние Гегеля. Не меньшую роль сыграли здесь и самостоятельные научные поиски Белинского, который, хотя и пришел к «примирению» с действительностью, все же не переставал искать выход из нее.

Тут проявилось еще одно очень важное отличие в подходе к действительности Гегеля и Белинского. Немецкий философ рассматривал ее чисто теоретически, призывая лишь к умственной активности. Подобное отношение к ней нередко обнаруживает в годы «примирения» и русский критик. Но временами и в эти годы у него прорывается истинная направленность его миросозерцания, нацеленного на преобразование мира. Пока он говорит об этом умеренно. В октябре 1838 г. он пишет Бакунину: «У меня

надежда на выход не в мысли (исключительно), а в жизни, как в большем или меньшем участии в действительности, не созерцательно, а деятельно» (3, 11, 317). Следовательно, уже тогда Белинский обращается к действительности для того, чтобы знать, как действовать.

Как уже говорилось, критик и в период «примирения» совсем не идеализирует русскую действительность, но он приходит к правильной мысли, что не считаться с нею нельзя. «Действительность,— пишет Белинский,— есть чудовище, вооруженное железными когтями и огромною пастью с железными челюстями. Рано или поздно, но пожрет она всякого, кто живет с ней в разладе и идет ей наперекор» (3, 11, 288). И еще: «Действительность мстит за себя насмешливо, ядовито, и мы беспрестанно встречаем жертвы ее мести» (3, 11, 285). Таких жертв в мрачную николаевскую эпоху было более чем достаточно. Белинский не может не учитывать опыт декабристов. И он указывает на эфемерность стремлений к общему благу, если это «благо мечтательное, а не действительное» (3, 11, 286).

Видя неподготовленность крестьян к борьбе за изменение социального строя, Белинский развивает мысль о том, что нельзя игнорировать «господствующую идею общества», т. е. уровень общественного сознания. «...Есть коллизия,— пишет он,— род полиции или смиренного дома судьбы, которая наказывает за отпадение от господствующей идеи общества» (3, 11, 285). И критик делает вывод, имеющий большое научное значение: нельзя исходить лишь из личных стремлений к свободе; надо считаться «с внешнею необходимостью, вытека-

ющею из жизни общества» (3, 11, 285). Тут же он выдвигает другое, связанное с первым и не менее замечательное положение: чтобы освободиться от «ужасного чудовища», от страшной действительности есть только «одно средство — сознать ее» (3, 11, 288). Итак, задача состоит не в сочинении «абстрактного идеала», который в предыдущие годы выдвигался критиком на первый план; задача состоит в том, чтобы познать действительность и, опираясь на «необходимость», изменить ее.

Эти глубокие мысли Белинского были большим достижением в его философских поисках. Но они сочетались и с серьезной ошибкой критика: он не увидел в России усиливающегося разложения крепостной системы, не увидел ничего, что могло бы потрясти «железную действительность». Отсюда его «примирительные» идеи.

Но в области теории его поиски продолжают и снова приводят его к очень важным выводам. Стремясь познать действительность, Белинский ищет научные методы ее познания. На первый план он выдвигает в эти годы идею развития. Он пытается представить современную ему действительность в историческом аспекте, философски осмыслить опыт истории России и других стран. В толковании истории он допускает серьезные ошибки (идеализация роли самодержавия и пр.), и все же исторический подход к современной ему общественной жизни содействует совершенствованию его методологии. Идея развития занимает все большее и большее место в его философских, социологических, эстетических взглядах, в его мировоззрении в целом.

В этом отношении эволюция его идей совершается в том же направлении, что и в мировой философии его времени, главным достижением которой, как отметил Энгельс, была идея развития, пришедшая на смену метафизике XVIII века. Белинский был знаком с достижениями в этой области современной ему передовой западной мысли — философской, исторической и естественнонаучной. Он критикует метафизику и механицизм французских материалистов, заявляя, что у них мироздание выглядит мертвым скелетом, а не живым организмом, развивающимся диалектически (см. 3, 3, 328). Положительный отзыв получают у него французские историки времен реставрации (Гизо, Тьерри и др.), проводившие в своих сочинениях идею развития (см. 3, 2, 467). Особенно же высоко он ценит гениальные мысли Гегеля о диалектике. Вслед за ним критик стремится осмыслить развитие диалектически. Его привлекает идея саморазвития, «возможность внутреннего (имманентного) развития из самого же себя» (3, 3, 421). Он ищет причины возникновения и изменения вещей в них самих и говорит, что «всякое явление действительности, из самого себя возникшее, рождается и развивается органически» (3, 3, 327—328).

Особенно интересует Белинского эволюция общества. Он называет историю «священной книгой человечества» (3, 3, 394) и призывает учиться у нее. Размышляя над вопросом о возникновении и развитии общества, он приходит к выводу, что эти процессы совершаются по причинам, заложенным в самом существе общественной жизни. «Общество... — пишет Белинский, — есть само себе цель... Оно развивается

не механически, но динамически, т. е. собственной самодеятельностью жизненной силы, составляющей его сущность, не чрез налипание и сращение извне, но внутренно (имманентно) из самого себя, органически, как дерево из зерна» (3, 3, 338).

Общественное сознание Белинский также представляет себе как процесс саморазвития, самодвижения. Он говорит, что пережитое человечеством не исчезает в вечности «как звук, теряющийся в пустыне», а становится законным владением в сознании последующих поколений (3, 3, 394). Критик приходит к мысли о зависимости духовной жизни общества от исторических условий. «Дух свободен,— пишет он,— но и он развивается в границах времени: Гегель мог явиться только в наше время, а не в XV или XVI веке» (3, 11, 219). Эти подступы к пониманию зависимости хода идей от хода вещей были серьезным достижением в философских исканиях Белинского.

Размышляя над проблемой развития всего сущего, Белинский приходит к выводу, что оно совершается «по законам необходимости». Он считает, что ей подчиняется не только природа, но и общество. «Возникновение и падение царств и народов не случайно, а внутренно необходимо» (3, 3, 414). Русский мыслитель рассматривает необходимость как существующую независимо от воли людей. С этих позиций он критикует французских энциклопедистов XVIII в., их философию просветительства, их убеждение, будто «мнения правят миром» (см. 3, 11, 326, 332—333). Он отвергает субъективный метод, доказывая, что он не может служить основой научных теорий. «Субъективность... в

сфере знания превратится в ограниченность и произвольность понятий» (3, 3, 339). Критик иронически называет субъективистов «маленькими великими людьми», которые «таращатся выполнить свою случайную волю» (3, 3, 393). Высмеивая их пренебрежение к объективному ходу вещей, он говорит, что, по их мнению, «напрасно солнце ни раза не взошло вечером и не скрылось утром, ни раза не вышло с запада и не закатилось на востоке» (3, 3, 393).

Белинский считает несостоятельными современные ему утопические теории. Он доказывает, что нельзя искусственно создать новое общество, как нельзя сочинить язык. «Начиная от времен, о которых мы знаем только из истории, до нашего времени не было и нет ни одного народа, составившегося и образовавшегося по взаимному сознательному условию известного числа людей, изъявивших желание войти в его состав, или по мысли одного какого-нибудь, хотя бы и гениального человека» (3, 3, 328).

Борьба против субъективизма, признание объективной необходимости в развитии мира были большими достижениями не только в философских поисках самого Белинского, но и в общем развитии русской прогрессивной философии. В значительной мере тут сказалось влияние Гегеля. Заслугой Белинского в понимании великого немецкого философа было то, что он сумел в гегелевской диалектике увидеть главное — учение о саморазвитии, о внутренне необходимом движении. В. И. Ленин указывает, что именно в этом заключается суть диалектики Гегеля. «Эту суть надо было открыть, понять, hinüberretten*, вылущить, очистить, что́ и сде-

* Спасти.

лали Маркс и Энгельс» (2, 29, 127). Белинский не мог «очистить» суть диалектики Гегеля — это осуществили лишь основоположники марксизма. Но он сумел понять, что эта суть заключается именно в идее самодвижения.

Однако в этот период Белинский не связал еще эту идею с учением о единстве и борьбе противоположностей. Хотя у него были суждения на эту тему, но он еще не видел в единстве и борьбе противоположностей источник самодвижения. В этом отношении он пока еще отставал от Гегеля.

Вместе с тем русский мыслитель делает первые шаги, еще им самим не осознанные, к тому, чтобы в гегелевской идее универсального саморазвития центр тяжести из духовной сферы перенести в реальный мир.

Гегель не только в логике, посвященной абсолютизированному процессу мышления, но и в философии природы, и в философии духа, анализирующей преимущественно вопросы общественной жизни, трактует развитие мира как движение понятий. И хотя он, по определению Ленина, в диалектике понятий гениально угадывает диалектику вещей (см. 2, 29, 178—179), все же его универсальное саморазвитие подчинено его логической схеме. Он не всегда считается с эмпирическими фактами развития природы и общества. Маркс как-то сказал о нем: «В философии истории Гегеля, как и в его натурфилософии, сын порождает мать, дух — природу, христианская религия — язычество, результат — начало» (1, 2, 185). Для Белинского же, несмотря на провозглашение им первичности идеи, главное — факты реальной жизни, действительная история, действительная современность. Он

сам видит это только еще намечающееся расхождение с Гегелем и заявляет, что он не является учеником немецкого философа в полном смысле этого слова. Он пишет Бакунину в октябре 1838 г.: «Глубоко уважаю Гегеля и его философию, но это мне не мешает думать... что еще не все приговоры во имя ее неприкосновенно святы и непреложны» (3, 11, 313).

Реалистический подход Белинского к действительности и расхождение его с Гегелем в этот период ярче всего проявляются в эстетике. «Когда дело идет об искусстве... я смел и дерзок,— заявляет он,— и моя смелость и дерзость в этом отношении простираются до того, что и авторитет самого Гегеля им не предел» (3, 11, 313). Хотя у Белинского встречаются суждения об искусстве в соответствии с учением Гегеля как об осуществлении божественной идеи (см. 3, 3, 399), все же он все больше и больше толкует его как «зеркало жизни». «Искусство есть воспроизведение действительности» (3, 3, 415),— говорит критик.

Выдвижение на первый план вместо отвлеченного мышления реалистического начала привело Белинского к расхождению с некоторыми русскими последователями Гегеля. Наиболее ярким примером этого является его полемика с Бакуниным. Последний тоже был тогда объективным идеалистом и даже раньше Белинского пришел к «примирению с действительностью». По видимости их объединяла общая точка зрения; на самом же деле между ними были принципиальные расхождения в понимании действительности.

Расхождение друзей-противников ярко проявилось в их более чем двухлетней переписке

(с лета 1837 до весны 1840 г.) (см. 8). Признавая способности Бакунина в области спекулятивного мышления, Белинский вместе с тем называл его «абстрактным героем» (3, 11, 385, 541) и указывал на его «добровольное отторжение от живой действительности в пользу отвлеченной мысли» (3, 11, 289). Характеризуя метод Бакунина как «фантастический скачок через действительность», критик обращал его внимание на необходимость связи с живой жизнью, «такта действительности». Он писал, что истина существует для него не в науке, а в жизни. Бакунин раньше Белинского начал отходить от «примирительных» настроений, чему способствовал, по свидетельству Герцена, его «революционный такт». Несмотря на это, идейные расхождения между Белинским и Бакуниным привели к разрыву их отношений на ряд лет. Уже после отъезда Бакунина в Германию, узнав о его участии там в революционном движении, критик признался, что напрасно подозревал своего друга в «сухости и мертвенности натуры» (3, 12, 120). Однако в дальнейшем, уже в конце жизни Белинского, их новая, более глубокая дискуссия подтвердила, что Белинский был прав, упрекая Бакунина в неумении отражать в теории действительную жизнь. Poleмика 30-х годов имела и другое значение: она показала отход Белинского от гегелевского понимания действительности.

В период «примирения» наряду с достижениями в области философии у Белинского были и серьезные недостатки. Они вытекали из его главной методологической ошибки — из игнорирования момента отрицания. Правильное суждение критика о развитии по законам необходимости всего сущего, включая и общественную

жизнь, переросло в абсолютизирование этой необходимости, в отрицание активной роли людей в историческом процессе. В результате Белинский пришел к ошибочному выводу о бессмысленности, бессмысленности борьбы против существовавших общественных отношений, более того — к осуждению революций.

Исключение отрицания из процесса общественного развития отразилось и на эстетической теории Белинского в этот период. Он выдвинул идею «объективного искусства», т. е. такого искусства, в котором «автор не вносит ничего своего — ни понятий, ни чувств» (3, 3, 11). Считая, что нельзя «требовать от искусства спешествования общественным целям» (3, 3, 397), что «поэзия... сама себе цель» (3, 3, 431), критик отверг «всякое судопроизводство со стороны поэта» (3, 3, 442). Такая точка зрения привела Белинского к серьезным ошибкам в литературной критике. В этот период он осудил творения ранее так любимого им Шиллера «за абстрактный героизм, за прекрасную душу с действительностью» (3, 11, 385). Тогда же он выступил с резкой критикой стихотворений Полежаева за активное авторское отношение к изображаемому, утверждая, будто такое отношение — «смерть поэзии» (3, 3, 25). Белинский отрицательно отнесся к комедии «Горе от ума» за то, что Грибоедов в ней «не возвысился до спокойного и объективного созерцания жизни» (3, 3, 485). Однако это не помешало критику уже тогда отнести Грибоедова «к самым могучим проявлениям русского духа» (3, 3, 485).

В дальнейшем Белинский отказался и от отрицательных оценок этих литературных произ-

ведений, и от своей теории «объективного искусства».

Итак, период «примирения с действительностью», несмотря на ряд серьезных ошибок и заблуждений, был для Белинского периодом больших философских исканий и находок. Его мысль работала в том же направлении, что и передовая мысль других стран, откликаясь одновременно на специфические потребности русской действительности. Плеханов был глубоко прав, когда указывал на заслугу Белинского, отвергнувшего в этот период веру просветителей во всемогущество человеческого разума, в «абстрактный идеал», оторванный от действительности, и вставшего на точку зрения развития, объективного хода вещей (см. 37, 4, 362, 457, 466). Нельзя, однако, согласиться с мнением Плеханова, будто для этого критику необходимо было примириться с действительностью, так как в те годы якобы еще не было объективных предпосылок для ее изменения. На самом деле такие предпосылки в виде глубоких экономических и социальных противоречий уже имели место, и «примирение» критика с существующим положением вещей не было правомерным. Друзья Белинского, осуждая его за «примирительные» настроения, были в общем правы, хотя они и не поняли, что эти настроения были лишь ошибочной формой его глубоких и верных по своему направлению теоретических исканий. Сам же Белинский, отрекшись вскоре от «примирительных» заблуждений, не перечеркнул своих достижений этих лет в области философии.

ОТКАЗ ОТ «ПРИМИРЕНИЯ С ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬЮ» И РАЗВИТИЕ ДИАЛЕКТИКИ

В октябре 1839 г. Белинский переехал в Петербург и стал основным сотрудником журнала «Отечественные записки», издававшегося А. А. Краевским. Критик проработал в этом журнале до апреля 1846 г., превратив «Отечественные записки» в самый передовой орган русской печати.

В первое время сотрудничества в этом журнале Белинский опубликовал в нем статьи, в которых наиболее ярко выразились его «примирительные» настроения. Но вскоре начался новый этап в развитии его мировоззрения (1840—1845 гг.). Белинский осудил свои «примирительные» взгляды, оправдание самодержавия, отрицание революций, свои ошибочные литературные оценки. В письме к Боткину от 4 октября 1840 г. он прямо писал: «Проклинаю мое гнусное стремление к примирению с гнусною действительностью!» (3, 11, 556).

Чем же объяснить отказ Белинского от «примирительных» настроений? Главную роль тут сыграла сама действительность. Еще в период «примирения» критик неоднократно говорил, что его взгляды формируются под воздействием реальной жизни. Он писал Бакунину в октябре 1838 г.: «...никогда не буду предпочитать ко-

нечной логики своей своему бесконечному созерцанию, выводов своей конечной логики бесконечным явлениям действительности» (3, 11, 318). И еще: «...если моя мысль... стучается о факты — я велю ее мальчику выметать вместе с сором» (3, 11, 315). Вот «примирительные» взгляды Белинского и «стукнулись о факты», в особенности в Петербурге, где «гнусная действительность» николаевской эпохи проявляла себя наиболее ярко.

Но дело было не только в самой «гнусной действительности», ведь критик и до этого был знаком с ней достаточно хорошо. Главное влияние на него оказали наметившиеся изменения в общественной жизни страны. В 40-х годах противоречия крепостного хозяйства привели его к кризису. В результате несколько усилились крестьянские волнения. Вновь возродились и распространились среди передовых людей антикрепостнические идеи, казалось, придавленные разгромом движения декабристов. Конечно, и в 40-х годах деспотизм пытался давить все живое, но это ему теперь не всегда удавалось. Герцен говорит об этой эпохе: «...если фасад острога остался тот же, то внутри многое изменилось» (18, 17, 95). Правительство не могло уловить «открытую, огромную конспирацию, проникавшую в душу без присяги... В этой конспирации участвовало все, не только не сговариваясь, но и не подозревая того,— так наливаются в одно и то же время, под влиянием одной и той же атмосферы, не зависимые друг от друга почки, составляющие общий характер весны» (18, 17, 95—97).

Подъем общественного сознания особенно ярко дал себя знать в литературе. Для нее

40-е годы были замечательным десятилетием: вышли в свет «Мертвые души» Гоголя, «Герой нашего времени» и полные гражданского пафоса стихотворения Лермонтова, первые произведения Тургенева, Некрасова, Достоевского, Гончарова. В области русской философии эти годы были ознаменованы появлением работ Герцена «Дилетантизм в науке» и «Письма об изучении природы». Эти сдвиги в общественном сознании нашли яркое отражение и во взглядах Белинского.

Сыграли тут свою роль и его страстные споры с Герценом и его друзьями, принявшие особенно резкую форму осенью 1839 г. и закончившиеся, как уже отмечалось, разрывом. Надо сказать, что эти споры имели положительное значение для обеих сторон: Белинскому они помогли освободиться от его «примирительных» настроений, а его противникам приняться за серьезное изучение Гегеля и понять детерминированный характер истории. В результате временный разрыв критика с Герценом был ликвидирован.

Герцен так описывает их встречу (вероятно, осенью 1840 г.), приведшую снова к их сближению: «Наша встреча сначала была холодна, неприятна, натянута, но ни Белинский, ни я — мы не были большие дипломаты, в продолжение ничтожного разговора я помянул статью о «бородинской годовщине». Белинский вскочил с своего места и, вспыхнув в лице, пренаивно сказал мне:

— Ну, слава богу, договорились же, а то я с моим глупым нравом не знал, как начать... Ваша взяла; три-четыре месяца в Петербурге меня лучше убедили, чем все доводы. Забудем-

те этот вздор. Довольно вам сказать, что на днях я обедал у одного знакомого, там был инженерный офицер; хозяин спросил его, хочет ли он со мной познакомиться? «Это автор статьи о бородинской годовщине?» — спросил его на ухо офицер.— «Да».— «Нет, покорно благодарю»,— сухо ответил он. Я слышал все и не мог вытерпеть,— я горячо пожал руку офицеру и сказал ему: «Вы благородный человек, я вас уважаю...» Чего же вам больше?

С этой минуты и до кончины Белинского мы шли с ним рука в руку» (18, 9, 27—28).

На этом новом этапе своего развития Белинский переходит на революционно-демократические позиции. Он готов на борьбу с той самой действительностью, с которой недавно «примирялся». «Не прятаться, а идти навстречу этой гнусной действительности буду я» (3, 11, 483). В этот период Белинский становится убежденным социалистом. Его демократические взгляды сливаются с идеями утопического социализма.

Тогда же происходят существенные изменения и в философских воззрениях Белинского. Отказавшись от «примирения с действительностью», критик пересматривает свое отношение к Гегелю. «Я давно уже подозревал,— пишет он 1 марта 1841 г. Боткину,— что философия Гегеля — только момент, хотя и великий, но что абсолютность ее результатов ни к [...] не годится, что лучше умереть, чем помириться с ними» (3, 12, 22). Белинский видит, что, мирясь «с расейской действительностью», он отдавал дань консервативной системе Гегеля и поэтому, по его собственным словам, имеет «особенно важные причины злиться на него». Он осуждает Гегеля за то, что тот одобрял существовав-

шие в Германии реакционные порядки, оправдывая «палачей свободы и разума», возводил в идеал прусское правительство, в котором представлены «подлецы, тираны человечества» (см. 3, 12, 24).

Белинский отвергает также систему Гегеля за ее отрыв от практики, за то, что в ней «много кастратского, т. е. созерцательного». Он называет ее книжной философией, знающей только самое себя и равнодушной к миру. «Глупцы врут, говоря, что Гегель превратил жизнь в мертвые схемы; но это правда, что он из явлений жизни сделал тени, сцепившиеся костяными руками и пляшущие на воздухе, над кладбищем» (3, 12, 22). Белинский осуждает немецкого философа за игнорирование интересов живой человеческой личности. Он говорит, что Гегеля интересует только общее, но «это общее является у него в отношении к субъекту Молохом» (3, 12, 22). И критик резко отвергает его консервативную систему, раскланивается, по его выражению, с «философским колпаком» немецкого идеалиста. Страстная тирада Белинского, обращенная к Егору Федоровичу, т. е. к Гегелю, показывает глубокое различие в направленности идей двух мыслителей. «Мне говорят: развивай все сокровища своего духа для свободного самонаслаждения духом, плачь, дабы утешиться, скорби, дабы возрадоваться, стремись к совершенству, лезь на верхнюю ступень лестницы развития, а споткнешься — падай — чорт с тобою — таковский и был сукин сын... Благодарю покорно, Егор Федорыч, — кланяюсь вашему философскому колпаку; но со всем подобающим вашему философскому филистерству уважением честь имею донести вам, что если бы мне и удалось

влезть на верхнюю ступень лестницы развития,— я и там попросил бы вас отдать мне отчет во всех жертвах условий жизни и истории, во всех жертвах случайностей, суеверия, инквизиции, Филиппа II и пр. и пр.: иначе я с верхней ступени бросаюсь вниз головою. Я не хочу счастья и даром, если не буду спокоен насчет каждого из моих братьев по крови,— костей от костей моих и плоти от плоти моя» (3, 12, 22—23).

В отличие от Гегеля, который своей философией хотел объяснить мир, Белинский ищет в философских идеях не только объяснений, но и средств для преобразования крепостнической России.

«Разрыв» критика с Гегелем в первой половине 40-х годов не был полным. После этого «разрыва» он не сразу освобождается от концепции объективного идеализма. Еще некоторое время он продолжает считать абсолютную идею первоосновой бытия. В своей работе «Идея искусства», написанной почти в одно время с тем письмом, в котором он «раскланивается» с Гегелем, Белинский говорит: «Все сущее, все, что есть, все, что называем мы материею и духом, природою, жизнью, человечеством, историею, миром, вселенною,— все это есть мышление, которое само себя мыслит» (3, 4, 586). Подобные высказывания встречаются время от времени в произведениях критика, относящихся к первой половине 40-х годов. Но эта идеалистическая концепция приходит во все большее противоречие с реалистической сущностью философских идей Белинского. Постепенно изменяется толкование критиком термина «абсолютная идея». Она уже фигурирует у него не как синоним

«божественной идеи», а как философская категория «общего». Характеризуя в начале 40-х годов понятие «судьба», как его толковали древние греки, Белинский пишет, что оно на нашем языке именуется разумной необходимостью, законами действительности, соотношением между причиной и следствием. По существу «абсолютная идея», «абсолютное мышление» и пр. употребляются критиком в этот период в том же смысле. Недалек тот день, когда он, перейдя уже к материализму, заявит, что абсолютная идея только привычное название закона природы (см. 3, 12, 330).

Так под идеалистической формой у Белинского вопреки Гегелю развиваются материалистические тенденции.

Главное, что критик до конца своих дней продолжает ценить в философии Гегеля,— это его метод. В 1843 г. в работе «История Малороссии» он подчеркивает колоссальное значение метода Гегеля. Он называет его «строгим и глубоким», открывающим «большую дорогу сознанию человеческого разума», избавившим его «от извилистых окольных дорог», на которых сознание человечества так часто «сбивалось с пути».

Отречение от «примирения с действительностью» было необходимой предпосылкой для новых философских исканий и находок русского мыслителя. Самым большим достижением его в этот период является дальнейшая разработка диалектического метода. Белинский вносит ценное положение в саму постановку вопроса о методе. Приближаясь к мысли, что научный метод не может быть произвольным, что он должен отражать объективные закономерности, критик

говорит, что мы не должны мерить жизнь «на свой аршин, но у ней же самой должны брать этот аршин» (3, 4, 354).

Признав свои ошибки периода «примирения», Белинский вместе с тем сохраняет и развивает ряд сделанных им тогда выводов, имеющих научное значение. Даже по поводу своей статьи «Очерки Бородинского сражения» он пишет, что ее идея «верна в своих основаниях» (3, 11, 576). Он имеет в виду идею саморазвития и объективной необходимости. Этой идее он и теперь уделяет исключительное внимание. Он разрабатывает ее в своих произведениях «Идея искусства», «Руководство по всеобщей истории. Сочинение Фридриха Лоренца», «Стихотворения Е. Баратынского» и в ряде других.

Критик по-прежнему указывает на огромную заслугу Гегеля в разработке учения о всеобщем развитии. Но вместе с тем он толкует эту проблему по-иному, чем немецкий философ. В отличие от Гегеля, который в своем основном труде «Наука логики» дает детальный анализ развития абсолютной идеи, логически существовавшей будто бы еще до появления мира, Белинский говорит о ней только вскользь и только как о возможности бытия. Дух сам по себе «есть только возможность бытия, но не его действительность; чтобы стать (werden) бытием действительным, он должен был явиться тем, что мы называем миром, и прежде всего стать природою» (3, 4, 588). Итак, у русского мыслителя реальный мир, природа — это действительное бытие, а не «инобытие духа», как у Гегеля. В этом аспекте он и рассматривает развитие мира, хотя и ссылается иногда на абсолютный дух и пр

Свою теорию развития Белинский обогащает новыми положениями. Он связывает ее с учением о единстве всего существующего. Подобно Гегелю, он понимает единство не как одинаковость явлений, а как их взаимообусловленность и взаимодействие. Но в отличие от Гегеля, для которого единство осуществляется в мышлении, в чисто логическом процессе, Белинский видит в этой категории реальные связи действительного мира. Например, он так представляет себе мироздание: «...нет числа небесным телам, и все они делятся на миры, подчиненные один другому, и каждое из них есть часть целого, составляющего как бы живое органическое тело, и находится во взаимном отношении и взаимной зависимости от всякого другого...» (3, 4, 599).

Белинский признает бесконечность мира в пространстве и времени. Нет конца вселенной, утверждает он и добавляет, что «все это пространство без границы, вся эта величина без измерения, все это множество без исчисления» (3, 4, 599) родилось само из себя, заключая в себе и свои законы, на основе которых и происходит развитие. В отличие от Гегеля Белинский считает, что природа развивается не только в пространстве, но и во времени. Он делает этот вывод, опираясь на достижения современных ему естественных наук. «Естествоведение,— говорит он,— есть история творящей природы, повествование о восходящей лестнице ее явлений...» (3, 6, 95).

Обращаясь к возникновению и развитию нашей планеты, критик отмечает, что она «образовалась не вдруг, а постепенно, перейдя через множество превращений, претерпев множество

переворотов, но так, что всякий последующий переворот был ступенью к ее совершенству» (3, 4, 588). В противоположность Гегелю, отвергавшему эволюционные идеи естествознания, Белинский говорит о возникновении и саморазвитии органического мира, о появлении все новых родов и видов, о соединении «живым звеном» растительного царства с животными, о постепенном переходе от низших организаций к высшим и, наконец, о происхождении человека, которого он называет «венцом природы». Характеризуя возникновение людей как высшую ступень в развитии мира, Белинский вместе с тем отмечает, что человек подчинен общим законам природы, что в человеческом организме совершаются «все стихии природы», все ее процессы (см. 3, 4, 73). Развивая ранее признанную им идею объективной необходимости, господствующей в общественной жизни, Белинский понимает ее теперь как закономерность. Он еще не знает, в чем суть этой закономерности, но он твердо уверен, что в «развитии общественности» господствуют «неизменные», т. е. объективные, законы (см. 3, 8, 277). Он считает, что общество, развиваясь, переходит от низших форм к высшим, сохраняя при этом правильную постепенность, строгую логическую последовательность (см. 3, 4, 589).

Утверждая, что «в природе и в истории властвует не слепой случай, а строгая, непреложная внутренняя необходимость» (3, 4, 591), критик вместе с тем далек от фатализма. В свое понимание диалектического развития мира Белинский вводит практику, активные действия общественного человека. Он пишет, что «действующие силы природы неизменны», т. е. что

человек не может отменять одни из них и вводить другие, но, «сообразуясь с ними и действуя через них же, он изменяет климаты, осушает болота... соединяет разъединенные природою моря, озера и реки... он царь природы, повелевавший ею...» (3, 6, 274—275).

Особенно ценным в философских исканиях Белинского в этот период является связь его учения о развитии с идеей отрицания, которая отсутствовала в его концепции во время «примирения с действительностью». Большой интерес критика к этой проблеме объясняется его переходом на революционно-демократические позиции. Теоретическая разработка проблемы отрицания переплетается у него с поисками путей преобразования России. В письме к Боткину от 3 октября 1840 г., осуждая свою статью о Бородинской годовщине за оправдание русского самодержавия, он выдвигает на первый план «идею отрицания, как исторического права... без которого история человечества превратилась бы в стоячее и вонючее болото» (3, 11, 576). «Отрицание — мой бог!» — восклицает он в другом письме (3, 12, 70). Белинский снова придает большое значение борьбе в развитии общества. Но теперь он понимает ее не только как борьбу идей — он признает закономерность и необходимость революций. «Я начинаю любить человечество маратовски», — заявляет он (3, 12, 52).

В одном из своих писем к Боткину Белинский говорит, что смешно думать, будто переход к новому обществу «может сделаться само собою, временем, без насильственных переворотов, без крови» (3, 12, 71). Несколько позже он пишет, что новый общественный строй «утвердился на земле не сладенькими и восторженными

фразами идеальной и прекраснородушной Жиронды, а террористами — обоюдоострым мечом слова и дела Робеспьеров и Сен-Жюстов» (3, 12, 105). Белинский уже не отрицает активную роль людей в историческом процессе. Свои симпатии он отдает борцам со старыми порядками. «В истории мои герои — разрушители старого — Лютер, Вольтер, энциклопедисты, террористы, Байрон («Каин») и т. п.» (3, 12, 70).

Придавая огромное значение идее отрицания, Белинский развивает ее на другой философской основе, чем в первый период своих исканий. Предпосылки отрицания он ищет теперь не в абстрактном идеале, а в действительности. Его первые попытки в этой области связаны с разработкой эстетической теории и относятся к концу «примирительного» периода. В своей статье ««Горе от ума». Сочинение А. С. Грибоедова» (в конце 1839 г.) Белинский заявляет о праве писателя изображать не только положительные, но и отрицательные стороны жизни. Эти отрицательные стороны он называет «призрачностью», или «призрачной действительностью», противопоставляя ей «разумную действительность». К «разумной действительности» он относит все то, «в чем только есть движение, жизнь, любовь», к «призрачной» — «все мертвое, холодное, неразумное, эгоистическое» (3, 3, 438). Главным для него в «разумной действительности» в противовес мертвой «призрачности» является движение, жизнь, т. е. развитие. Первую он толкует как утверждение жизни, а вторую — как отрицание жизни. Уже в некоторых статьях тех лет критик начинает применять понятие призрачности к общественному строю России.

Деление явлений жизни на «разумные» и «призрачные» помогло Белинскому правильное понятие гегелевскую формулу о действительном и разумном. Если в годы «примирения» он понимал под «действительным» все то, что есть, то в новый период своего творчества он дает ему более глубокое толкование. В 1841 г. он пишет: «...что действительно, то разумно, и что разумно, то и действительно: это великая истина; но не все то действительно, что есть в действительности...» (3, 4, 493). По существу критик приходит к мысли, что отжившее, неразвивающееся является неразумным, недействительным и обречено на гибель.

Для Белинского это не только философская абстракция. Он все более и более убеждается в «неразумности», в «недействительности» крепостного строя России, в необходимости его отрицания, уничтожения. Он размышляет над возможностью революционного преобразования страны. Как диалектик, он понимает, что для отрицания существующего строя необходимы объективные предпосылки, что без них революция невозможна. Он с горечью констатирует, что в крепостной России такие предпосылки еще не созрели, и характеризует свою эпоху как переходную. Белинский пишет П. Н. Кудрявцеву: «...я принадлежу к несчастному поколению, на котором отяжелело проклятие времени, дурного времени! Жалки все переходные поколения — они отдуваются не за себя, а за общество» (3, 11, 521). В письме к В. П. Боткину он называет «истинно трагическим» положение современного ему русского общества, «принужденного тернистым путем идти... к очеловечению» (3, 11, 526).

Но вместе с тем критик предвидит, вернее, угадывает, что этот «тернистый путь» ведет к ликвидации крепостничества. Он ищет и находит симптомы его отрицания. Белинский еще не может обосновать это отрицание материалистически, но он вскрывает те сдвиги в общественном сознании, которые предвещают грядущие перемены. В этом отношении особый интерес представляет его работа «Речь о критике А. Никитенко». Белинский констатирует появление «демона сомнения», «духа неуважения», скептицизма по отношению к старым воззрениям. Он пишет: «Во времена переходные, во времена гниения и разложения устаревших стихий общества, когда для людей бывает одно прошедшее, уже отжившее свою жизнь, и еще не наступившее будущее, а настоящего нет,— в такие времена скептицизм овладевает всеми умами, делается болезнью эпохи» (3, 6, 333). Имея в виду прежде всего Россию, Белинский указывает, что такое состояние умов находит яркое отражение в искусстве и в критике. Они определяются духом времени и являются «сознанием эпохи»: искусство есть «сознание непосредственное», а критика — «сознание философское». К последней русский мыслитель относит критику не только искусства и литературы, но и науки, истории, нравственности и пр. Так, Вольтер был критиком феодальной Европы, добавляет Белинский, явно намекая на формирование антикрепостнических идей в России.

Доказывая, что идея отрицания овладела и русской литературой, что в ней отразились общественные «скорби и недуги», Белинский называет ее провозвестницей новых великих истин. Растущий дух отрицания критик ярко

показывает в своих работах о Лермонтове и Гоголе. Лермонтова он особенно ценит за «исполнительскую энергию благородного негодования», за «грозу духа, оскорбленного позором общества», за осуждение своего поколения, «дремлющего в бездействии». Белинский свидетельствует, что духом отрицания проникнуты произведения Гоголя, в особенности его «Мертвые души». Анализируя страстную полемику, развернувшуюся вокруг этого произведения, он делает вывод, что она имеет не только литературное, но и общественное значение: «То сшибка духов времени, то борьба старых начал с новыми» (3, 6, 323). Белинский доказывает, что поэма Гоголя — произведение «социальное, общественное и историческое» (3, 6, 217), что в нем все комическое является истинной трагедией, свидетельствующей о том, что русская жизнь «разлагается и отрицается». Определяя значение подобной литературы, критик говорит, что сатира «есть высший суд над павшим обществом, его предсмертный, раздирающий душу вопль...» (3, 6, 91).

Выдвигая на первый план идею отрицания, русский мыслитель ставит вопрос о ее научном, философском понимании. К решению этого вопроса он подходит как диалектик, видя в отрицании момент развития. Белинский указывает на связь между отрицаемым и отрицающим: старое не просто отвергается новым, а является условием его развития. Отрицание, говорит он, было бы пустым, мертвым и бесплодным актом, если бы оно состояло только в уничтожении старого (см. 3, 6, 459). Новое, чтобы быть действительным, должно развиваться из старого (см. 3, 4, 79). Критик доказывает, что ничто не

является вдруг, ничто не рождается готовым, но все развивается диалектически, переходя с низшей ступени на высшую (см. 3, 6, 582—583). Особенностью этого перехода Белинский считает сохранение всего ценного, что было в прошлом: «...высшее необходимо заключает в себе низшее» (3, 4, 485). Такой диалектический характер развития он называет «непреложным законом», который действует и в природе, и в человеке, и в обществе, и в искусстве. О человеческих обществах Белинский пишет, что их настоящее «есть результат прошедшего, на основании которого должно осуществиться и их будущее» (3, 6, 92).

Одновременно критик не упускает и другой стороны проблемы отрицания: подчеркивая принципиальное отличие нового от старого, он говорит об обществе: «Хотя его завтра и всегда заключено в его вчера, однако завтра никогда не походит на вчера...» (3, 6, 457). Белинский указывает на противоречие между старым и новым, на сопротивление, которое старое оказывает движению вперед, и он концентрирует внимание на необходимости упорной борьбы нового с отжившим. В этих суждениях Белинского видно влияние Гегеля. И все же он подходит к проблеме отрицания по-своему. Для русского революционного демократа оно служит теоретическим оружием преобразования жизни России на демократических началах и помогает ему осмыслить не только ее прошлое и настоящее, но и будущее.

С идеей отрицания у Белинского связано представление о развитии как о поступательном движении, совершающемся по спирали. В своем произведении «Римские элегии, сочинение Гёте»

он пишет: «Человечество действительно движется крúгом (т. е., идя вперед, беспрестанно возвращается назад), но крúгом не простым, а спиральным, и в своем ходе образует множество кругов, из которых последующий всегда обширнее предшествующего» (3, 5, 235—236). В «Руководстве к всеобщей истории Фридриха Лоренца» Белинский снова утверждает, что человечество развивается не по прямой линии и не зигзагами, а спиральными кругами. В этом движении по спирали имеют место и повороты «не вверх, а вниз», но они нужны лишь для того, «чтобы очертить новый, более обширный круг и стать в новой точке, выше прежней...» (3, 6, 94). В истории, говорит Белинский, бывают «попятные движения назад», но лишь для того, «чтобы с большею силою ринуться вперед» (3, 6, 94). Они относятся к отдельным странам, а не к человечеству в целом, так как все пережитое народами хоть и не возрождается, но и не исчезает без следа, а остается для жизни и сознания последующих поколений.

Итак, по Белинскому, движение по спирали означает прогрессивное движение, переходы к более «обширным кругам», к «новой точке, выше прежней». В противоположность гегелевской консервативной системе русский мыслитель выдвигает положение о беспредельном развитии человечества по восходящей линии: «Развитие человечества есть непрерывное движение вперед...» (3, 5, 235). Белинский утверждает, что жизнь человеческого общества неисчерпаема. Неистошимо и познание людей, а также искусство, которое «неисчерпаемо и неистошимо, как сама действительность» (3, 6, 90). В отличие от Гегеля, который относит расцвет искусства

к прошлому, Белинский считает, что оно будет развиваться безгранично. Мысли критика о диалектическом характере отрицания, о развитии по спирали помогают ему в постановке (если не в решении) насущных вопросов русской жизни. Он ищет предпосылки будущего развития России в ее прошедшем и настоящем.

О развитии диалектического метода Белинского свидетельствует эволюция его взглядов и на некоторые другие философские категории. Внимание критика привлекает проблема единичного, особенного и всеобщего. Его суждения по этому вопросу противоречивы. Как диалектик, Белинский подчеркивает единство этих категорий. Но, отдавая дань объективному идеализму, он в этот период выдвигает всеобщее на первый план: «Все общее есть источник и причина существования всего особого и частного» (3, 5, 311). Это звучит совсем по Гегелю. Но в противоположность немецкому идеалисту, для которого всеобщее есть идея, духовное начало, Белинский видит в нем связь реальных явлений. Он говорит, что в природе от минерала и былинки до человека общим является род или вид, который сосредоточивает в себе признаки, общие множеству единичных предметов или существ. Вместе с тем каждый род находит свое выражение в этих единичных предметах и существах. Эти высказывания Белинского подчеркивают, что, с его точки зрения, всеобщее и единичное в природе взаимосвязаны. То же он видит и в истории человеческого общества. Он требует от историка умения «возвыситься до созерцания общего в частном» (3, 7, 53).

Особенно большое значение категории единичного, особенного и всеобщего имеют, по мне-

нию критика, для искусства. С ними у него тесно связано понимание проблемы типического. Разрабатывая эстетические вопросы, критик приходит к выводу, что без единичного и особенного не может быть и всеобщего. Он резко осуждает искусствоведов, утверждающих, будто предметом подлинного искусства может быть не временное, отдельное, а лишь «вечное» и «безусловное». В противовес им Белинский выдвигает диалектическое положение, имеющее общепhilosophическое значение: «вечное» выражается во времени, «безусловное» ограничивается формой проявления, «бесконечное» делается доступным созерцанию в конечном. Он считает, что отрицать это — «значит смотреть на «вечное» и «безусловное» как на отвлеченные понятия, чуждые всякого содержания, как на логические построения, лишенные всякой жизненности» (3, 6, 585). Это суждение Белинского по существу направлено не только против представителей русской реакционной эстетики; оно знаменует начало борьбы против «логических построений» объективного идеализма.

Примером того, как совершенствовался метод Белинского, является эволюция его взглядов на необходимость и случайность. Утверждая, что все существующее развивается по законам «непременной необходимости», он никогда не отрицал случайность и говорил, что его понимание развития «допускает и случайность и произвол» (3, 7, 53). На предыдущих этапах своих философских исканий Белинский просто противопоставлял случайность необходимости. Он отождествлял необходимость с разумностью, а случайность — с бессмысленностью (см. 3, 3,

212). Затем он высказал мысль, что случайность иногда принимает характер необходимости (см. 3, 3, 438). И наконец, он приходит к выводу, что необходимость и случайность нельзя противопоставлять, что необходимость проявляется в различных случайных формах. Характерна в этом отношении его маленькая, но замечательная рецензия на сочинение Ф. Ансильона (см. 3, 4, 273—275). Разбирая вопрос о реформации, Белинский высмеивает рассуждения автора о том, «что бы случилось, если бы не сделалось так, как сделалось», и не было бы Лютера. Русский мыслитель доказывает, что реформация была исторической необходимостью, что она была вызвана развитием среднего сословия и городов, открытием Америки, изобретением пороха и книгопечатания. Появление же даже такого великого человека, как Лютер, было случайностью: и без него реформация неизбежно совершалась бы, хотя, возможно, и в другой форме. «...Форма событий всегда случайна... но причина событий всегда необходима», — делает вывод Белинский (3, 4, 274). Здесь ясно видна правильная мысль критика о том, что необходимость проявляется в форме случайности. Но выражена эта мысль не совсем удачно: получается, что всякая форма случайна, а Белинский так не считал.

Анализируя категории формы и содержания, Белинский указывает на их взаимозависимость при определяющей роли содержания. Он показывает это на примере цветка и говорит, что его форма, его чудные краски, его аромат «вышли изнутри растения» — там его «самодеятельная лаборатория жизненности», но «все внутреннее так тесно и неразрывно слито с внешнею фор-

мою, что одно замыкает в себе другое...» (3, 4, 202, 203).

Особенно большое внимание Белинский отводит проблеме формы и содержания в своей эстетической теории. Он неоднократно повторяет, что у великих художников идея органически связана с формой, сквозит через форму как солнечный луч через граненый хрусталь. «В художественном произведении, — говорит критик, — идея с формой должна быть органически слянна, как душа с телом, так, что уничтожить форму значит уничтожить и идею, и наоборот» (3, 5, 316).

Отводя первенствующую роль содержанию, Белинский придает большое значение и форме. Он утверждает, что ложная идея не может осуществиться в прекрасной форме, так же как прекрасная форма не может быть выражением ложной идеи. Эти суждения критика, относящиеся к сфере искусства, имеют и общепhilosophическое значение. Однако Белинский видит, что в искусстве и в жизни проблема формы и содержания решается все же по-разному. Он считает, что сущность искусства — это «уравновешение» содержания и формы. В жизни же они часто находятся в противоречии. Он начинает говорить об этом, правда несколько расплывчато, вскоре после отказа от «примирительных» настроений. «Действительность прекрасна... по своему содержанию, а не по форме» (3, 4, 491). Через несколько лет он высказывается на эту тему уже как диалектик. Он развивает мысль о том, что содержание, сущность явлений часто скрывается за формой, которая, противореча сущности, маскирует ее. «...Единство скрыто в многообразии и разнообразии, необходи-

мость — в свободе, разумность — в случайности» (3, 7, 106).

Уделяя все большее и большее внимание вопросу о внутренних противоречиях, заключенных в явлениях, Белинский приближается к пониманию закона единства и борьбы противоположностей. Он и в прежние годы высказывался на эту тему, но тогда, следуя за Гегелем, делал акцент на примирении противоположностей, на достижении гармонии между ними. Теперь же он признает главной движущей силой развития противоречия и борьбу. «Все живое,— пишет он,— тем и отличается от мертвого, что в самой сущности своей заключает начало противоречия» (3, 6, 588). Противоречия неминуемо приводят к борьбе, которой Белинский отводит исключительную роль: «...важно и велико только то, что... мужает и растет в борьбе, что утверждается живою победою над живым сопротивлением» (3, 6, 323). Белинский считает это «мировым законом жизни», которому подчиняются и природа, и общество, и искусство. Критик подчеркивает огромное значение не только борьбы противоположностей, но и их единства. Указывая на взаимную связь и обусловленность противоположных сторон и тенденций, он утверждает, что «живая истина состоит в единстве противоположностей» (3, 6, 588). Он высмеивает мнение, будто один и тот же предмет не может вмещать и хорошее и дурное.

Растущие противоречия между диалектическим методом и идеализмом Белинского заставляют его пересмотреть свои взгляды на основной вопрос философии. Начинается новый, и последний, этап его философского развития.

ПЕРЕХОД К МАТЕРИАЛИЗМУ И АТЕИЗМУ

Материалистические тенденции в философии Белинского, постепенно усиливавшиеся еще в первой половине 40-х годов, не были тогда им осознаны. Открыто он переходит к материализму в середине этого десятилетия. Переход критика к материалистическому мировоззрению был обусловлен тем, что тогда окончательно сформировались его революционно-демократические взгляды, слитые с идеями утопического социализма. Большую роль здесь опять сыграла западная философия. Это не значит, однако, что ее влияние было главной причиной победы материализма в философской концепции русского мыслителя, как это представлено в ряде произведений русских дореволюционных и современных западных авторов. Для него и в эти годы была характерна самостоятельность мышления.

По-прежнему относясь с большим уважением к Гегелю, Белинский вместе с тем все больше осознает слабые стороны его учения и окончательно отказывается от идеализма. Уже в 1843 г. в статье «История Малороссии» он отмечает, что ответы, которые дает гегелевская философия «на вопросы всеобщей жизни», иногда принадлежат уже прошедшему. В 1844 г. в работе о сочинениях В. Ф. Одоевского он сно-

ва говорит, что «теперь даже философия Гегеля относится в Германии к учениям, уже совершившим свой круг...» (3, 8, 318). Вместе с тем Белинский продолжает исключительно высоко ценить метод Гегеля. Особенно интересны его высказывания об этом в той самой статье «История Малороссии», в которой он говорит об устарелости некоторых сторон философии немецкого мыслителя. Отвергая их, Белинский вместе с тем пишет: «Зато ее строгий и глубокий метод открыл большую дорогу сознанию человеческого разума и навсегда избавил его от извилистых и окольных дорог, по которым оно дотоле так часто сбивалось с пути к своей цели. Гегель сделал из философии науку, и величайшая заслуга этого величайшего мыслителя нового мира состоит в его методе спекулятивного мышления, до того верном и крепком, что только на его же основании и можно опровергнуть те из результатов его философии, которые теперь недостаточны или неверны: Гегель тогда только ошибался в приложениях, когда изменял собственному методу» (3, 7, 49—50). Указывая, что в то время в лице Гегеля философия достигла высшего своего развития, Белинский говорит, что вместе с ним она и кончилась — кончилась именно «как знание таинственное и чуждое жизни». Критик высказывает глубокую мысль о том, что эта отчужденность гегелевской философии от «докучного шума» жизни, являясь ее слабой стороной, в то же время была закономерной: ей надо было удалиться от него, «чтобы наедине и в тиши познать самое себя» (3, 7, 50).

Не только немецкую классическую, но и всякую созерцательную философию Белинский

критикует за ее отрыв от жизни, за то, что она является «книжной философией» и производит только «школьные партии». Он презрительно отзывается о философе, который на кафедре «Промефей», герой истины, «а в жизни — это человек... живущий в ладу со всякою действительностью». Удивительно ли, спрашивает критик, что жизнь так же не хочет знать философию, как и она не хочет знать жизнь (см. 3, 6, 384).

Внимание Белинского привлекают новые лица в философской жизни Германии — последователи Гегеля. В 1841 г. он писал Боткину, имея в виду в первую очередь немецкого теоретика искусства Г. Т. Рётшера, принадлежавшего к правому крылу гегельянцев: «Пигмеи все эти гегелята» (3, 12, 54). Теперь в своей «Истории Малороссии» он говорит с большим сочувствием о левом гегельянстве как о философии возмужавшей, окрепшей, возвратившейся к жизни. «Начало этого благодатного примирения философии с практикою совершилось в левой стороне нынешнего гегелианизма. Примирение это обнаружилось и жизненностию вопросов, которые занимают теперь философию, и тем, что она оставляет понемногу свой тяжелый схоластический язык, доступный одним адептам ее, и тем, что она возбудила против себя ожесточенных врагов уже не в одних школах и в книгах. Теперь уже это не школьная, не книжная философия, знающая только самое себя и уважающая только собственные интересы, холодная и равнодушная к миру, которого сознание составляет ее содержание» (3, 7, 50). Эти высказывания Белинского о левых гегельянцах являются переработкой мысли Энгельса из его сочинения

«Шеллинг и откровение», конспективно изложенных В. П. Боткиным во вступлении к статье «Германская литература».

Белинского привлекают революционные и атеистические выводы, которые младогегельянцы делали из философии Гегеля. Он противопоставляет «правой стороне гегелизма» левую его сторону, которая «свой прогресс полагает в живом примирении философии с жизнью, теории с практикой» (3, 8, 502). Положительное отношение Белинского к младогегельянцам не означает, что по своим взглядам он был близок к ним. В отличие от них он уже перешел к материализму, а его революционные и атеистические воззрения были гораздо более последовательны, чем у этих идеологов радикальной немецкой буржуазии.

Большое влияние на формирование материалистической концепции Белинского оказала книга Фейербаха «Сущность христианства». П. В. Анненков в своих воспоминаниях особо отмечает большое впечатление, произведенное книгой на Белинского, для которого был сделан перевод нескольких ее глав (см. 4, 274). Все это не значит, однако, что основной причиной перехода критика к материализму было сочинение Фейербаха, как утверждали многие авторы, писавшие о Белинском. Этот переход нельзя представлять как единичный акт, происшедший под влиянием внешнего толчка; он совершался постепенно.

Воздействие философии Фейербаха на Белинского обусловило некоторые общие черты их материализма, и прежде всего наличие антропологических моментов. Но кроме этих общих черт в философии двух мыслителей имеются и

существенные различия. В отличие от Фейербаха Белинский, порвав с идеализмом Гегеля, остался диалектиком. Изживал он постепенно и элементы антропологизма в своем материализме. Хотя в области социологии критик остался идеалистом, все же он высказал ряд материалистических суждений об обществе и попытался соединить материализм с диалектикой.

Большим преимуществом Белинского перед Фейербахом была действительность его философии. Еще в 1841 г. он писал Боткину: «Я теперь совершенно сознал себя, понял свою натуру: то и другое вполне может быть выражено словом Tat *, которое есть моя стихия» (3, 12, 13—14).

Переход критика к материализму, как и вся эволюция его философских идей, совершался под влиянием практических проблем русской действительности. Герцен, называя Белинского «мощной, гладиаторской натурой», писал о нем: «Для него истины, выводы были не абстракциями, не игрой ума, а вопросами жизни и смерти... В каждом его слове чувствуешь, что человек этот пишет своей кровью, чувствуешь, как он расточает свои силы и как он сжигает себя»... (18, 7, 236, 238).

То, что переход Белинского от идеализма к материализму не был единичным актом, подтверждается постепенным нарастанием материалистических тенденций в его философии. Еще в 1840 г., обратившись к разработке педагогических проблем, он вслед за Дидро признает существование в человеке природных задатков, толкуя их материалистически. «Всякий человек,— пишет критик,— еще не родившись на

* Действие.

свет, в самом себе носит уже возможность той формы, того определения, какое ему нужно. Эта возможность заключается в его организме, от которого зависит и его темперамент, и его характер, и его умственные средства, и его склонность и способность к тому или другому роду деятельности, к той или другой роли в общественной драме — словом, вся его индивидуальная личность» (3, 4, 80). Отвергая представление о душе младенца как о *tabula rasa*, Белинский считает, что воспитание «должно быть помощником природе — не больше» (3, 4, 83). Здесь уже ясно видны материалистические элементы, связанные с антропологическими представлениями.

В 1843 г. Белинский, осуждая «односторонности» материализма и идеализма, пишет: «...в понятии о природе человека существуют преданные отвлечениям идеалисты, которые за душою не замечают организма, и материалисты, которые за массою тела не могут провидеть душу» (3, 6, 587). В работе «Общее значение слова литература» (вероятно, в 1844 г. *) Белинский высказывается уже в явно материалистическом духе: «На образование субстанции народа имеют большее или меньшее влияние географические, климатические и исторические обстоятельства; но тем не менее очевидно, что первая и главная причина субстанции всякого народа, как и всякого человека, есть физиологическая, составляющая непроницаемую тайну непосредственно творящей природы» (3, 5, 638).

* Работа эта имела две редакции. Первая редакция относилась к 1842 г., вторая — к 1844 г. Затем обе редакции были объединены.

Это уже материализм, но материализм, в котором доминирует, несмотря на признание роли «исторических обстоятельств», антропологический подход. Белинский и позже возвращается к вопросу о сущности органической жизни. В статье «О жизни и сочинениях Кольцова» он пишет: «Нам известны средства жизни, ее органы, их отправления; но физиологическая жизнь все-таки для нас тайна» (3, 9, 530). Критик понимал, что найти ответ на вопрос о сущности органической жизни при состоянии современной ему науки еще не было возможности. Вместе с тем он с большим интересом относился к научным поискам в этой области, в частности в эмбриологии.

Дальнейшие высказывания Белинского свидетельствуют об окончательной победе материализма в его философской концепции. В работе «Взгляд на русскую литературу 1846 года» он пишет: «Вы, конечно, очень цените в человеке чувство? — Прекрасно! — так цените же и этот кусок мяса, который бьется в его груди, который вы называете сердцем и которого замедленное или ускоренное биение верно соответствует каждому движению вашей души.— Вы, конечно, очень уважаете в человеке ум? — Прекрасно! — так останавливайтесь же в благоговейном изумлении и перед массой его мозга, где происходят все умственные отправления, откуда по всему организму распространяются, через позвоночный хребет, нити нерв, которые суть органы ощущений и чувств и которые исполнены каких-то до того тонких жидкостей, что они ускользают от материальных наблюдений и не даются умозрению. Иначе вы будете удивляться в человеке следствию мимо причины или — что еще

хуже — сочините свои небывалые в природе причины и удовлетворитесь ими» (3, 10, 26). В рецензии на книгу А. Ф. Постельса Белинский углубляет эту свою мысль, заявляя, что самые отвлеченные представления есть «результат деятельности мозговых органов, которым присущи известные способности и качества» (3, 10, 145).

Это суждение критика в известной степени направлено против объективного идеализма Гегеля, против абсолютизации им понятий. И уже явно противостоит гегелевскому абсолютному разуму следующее положение Белинского: «Ум без плоти, без физиономии, ум, не действующий на кровь и не принимающий на себя ее действия,— есть логическая мечта, мертвый абстракт» (3, 10, 27). Критик указывает на неразрывную связь физического и психического, на их материальное единство и заявляет о несостоятельности психологии, не опирающейся на физиологию.

Белинский видит необходимость рассматривать человека как продукт общества. Все же иногда он отдает дань антропологизму, пытаясь объяснить общественные явления «натурой» человека. Даже в его поздней работе «Взгляд на русскую литературу 1846 года» есть утверждение, что «источник всякого прогресса, всякого движения вперед заключается... в человеческой натуре, так же, как в ней же заключается и источник уклонений от истины, коснения и неподвижности» (3, 10, 32). Но такие суждения Белинского являются исключением. Он понимает, что законы общественной жизни нельзя объяснить биологическими свойствами людей, что «единичный человек (индивидуум) и народ — не одно и то же» (3, 6, 457). Через его

произведения красной нитью проходит мысль о том, что человеческая личность формируется под влиянием общества, что человек относится к обществу, в котором он живет, как часть к целому, как растение к почве. «Отсюда происходит, что каждый человек живет в духе этого общества, выражая собою его достоинства и недостатки, разделяя с ним его истины и заблуждения» (3, 8, 282).

Особый интерес представляет критика Белинским основоположника позитивизма Огюста Конта, который объявил себя создателем новой философии, сторонником исключительно позитивных, т. е. положительных, знаний и пытался встать выше и материализма, и идеализма. Выступление Белинского против Конта относится к 1847 г. и ярко показывает, в каком направлении развивались философские взгляды русского мыслителя в конце его жизни. Он рассматривает философию Конта как реакцию на теологическое вмешательство в науку. Отдавая должное большим фактическим знаниям французского философа, критик вместе с тем показывает, что Конт не может стать основателем той новой философии, в которой нуждается человечество: «Далеко кулику до Петрова дня!» Белинский видит, что Конт остается на старых идеологических позициях, только заменив новыми терминами старую терминологию, что он «пробавляется стариною, думая созидать новое» (3, 12, 330). Попытка Конта освободить философию от теологии и трансцендентализма, по мнению Белинского, не удалась. Конт, считает он, уничтожает метафизику не как науку трансцендентальных нелепостей, но как науку законов ума. Критика отталкивает от французского философа его

стремление принизить значение теоретического мышления, отрицание им способности человека понять объективные закономерности в развитии мира.

Белинский совершенно не приемлет социологическую концепцию Конта, его попытки сблизить историю с биологией. «Конт не видит,— пишет критик,— исторического прогресса, живой связи, проходящей живым нервом по живому организму истории человечества. Из этого я вижу, что область истории закрыта для его ограниченности» (3, 12, 331). Особенно возмущает русского мыслителя желание Конта свести все человеческие знания к физиологии. «Для него,— говорит о Конте Белинский,— последняя наука, наука наук — физиология. Это доказывает, что область философии так же вне его натуры, как и область истории, и что исключительно доступная ему сфера знания есть математические и естественные науки» (3, 12, 331). Из всего этого критик делает вывод, что Конт «слишком узко построен», чтобы быть основателем новой философии.

Критика Конта послужила для Белинского отправной точкой для дальнейшего развития его собственных материалистических взглядов. Он предупреждает против вульгарного понимания некоторых проблем материализма, в частности отношения между физиологией и интеллектуальной деятельностью человека. Белинский подчеркивает специфический характер этой деятельности, не сводящейся к физиологии. «Что действия, т. е. деятельность, ума, есть результат деятельности мозговых органов — в этом нет никакого сомнения; но кто же подсмотрел акт этих органов при деятельности нашего ума?»

Подсмотрят ли ее когда-нибудь?» (3, 12, 331) — пишет критик. Белинский развивает мысль о том, что духовную природу человека нельзя отделять от его физической природы, но вместе с тем их надо отличать друг от друга. «Законы ума должны наблюдаться в действиях самого ума», — говорит он, доказывая, что это дело не физиологии, а логики, которая должна идти своей дорогой, не забывая, однако, что предмет ее исследований — «цветок, корень которого в земле», т. е. духовное, порожаемое физическим.

Белинский ставит вопрос о необходимости создания новой философии. Он предчувствует ее возникновение, указывая на философские поиски, предсказывающие «близость умственной революции». Критик считает, что осуществить такую умственную революцию будет под силу только гению. Ближайшие задачи этого переворота он формулирует следующим образом: «Освободить науку от призраков трансцендентализма и *théologie*, показать границы ума, в которых его деятельность плодотворна, оторвать его навсегда от всего фантастического и мистического — вот, что сделает основатель новой философии...» (3, 12, 331).

Перейдя к материализму, Белинский не отказался от диалектики, как это утверждается в некоторых дореволюционных и современных зарубежных сочинениях о нем. Это не значит, что он соединил материализм с диалектикой. У Герцена была плодотворная, хотя и незавершенная, попытка, опираясь на достижения естествознания, материалистически осмыслить логику Гегеля как «эмбрион» общенаучной методологии (см. 11). Белинский в этом отношении уступал

Герцену; он перед собой такой задачи не ставил. Однако у него были попытки, иногда тоже небезуспешные, хотя и незавершенные, соединить материализм с диалектикой в области некоторых социальных проблем, и в особенности в области эстетики. Здесь он опережал автора «Писем об изучении природы».

Отстаивая материализм и диалектику, Белинский подверг резкой критике философию славянофилов. По вопросу о славянофилах в советской литературе 60-х годов возникла широкая дискуссия (см. 15). Некоторые советские авторы, пытаясь обосновать прогрессивную, по их мнению, роль славянофилов, утверждали, будто Белинский относился к ним в общем положительно. На наш взгляд, такая точка зрения противоречит фактам. В действительности между критиком и славянофилами развернулась ожесточенная полемика, предметом которой стали проблемы философии и социологии, русская история и русский народ, Запад и Россия. В основе этой полемики лежала борьба революционно-демократической идеологии, отражавшей интересы крестьянства, с идеологией либеральных помещиков.

Отвергая мировоззрение славянофилов, Белинский не принимает прежде всего их философию. Он указывает на мистицизм философии «славянолюбов», на ее связь с религией, на «теологическое» направление славянофильской литературы. Желанию славянофилов «сорвать маску с материалистов Западной Европы» (3, 10, 196) критик противопоставляет свое мнение о важности материалистического объяснения мира. Приводя слова главного теоретика славянофильства А. С. Хомякова о ложности большей части

наук, Белинский показывает разрыв славянофилов с научным миропониманием.

Белинский видит, что метод «славянолюбов», несмотря на основательное знакомство многих из них с Гегелем, является не диалектическим, а догматическим. На их примере он дает яркую характеристику догматизма вообще. Критик указывает на огромную силу, которую имеет даже над здравомыслящим человеком «дух системы», «обаяние готовой идеи», принятой за непреложную истину еще до изучения фактов. «Дух системы и доктрины,— пишет он,— имеет удивительное свойство омрачать и фанатизировать даже самые светлые умы» (3, 10, 47). Особенностью метода догматика является то, что он под свою идею, которую он считает непреложной, подводит все факты, а если они не подходят под нее, то он их «гнет, колотит, уродует».

Сущность догматического метода, в частности славянофильского, Белинский показывает, характеризуя Вагнера — персонажа из гётевского «Фауста». Вагнеры, говорит критик, видят в науке не науку, а свою мысль. Они принимают за нее с готовыми выводами, с определенной целью и обращаются с нею как с лошадью, которую заставляют насильно везти себя, куда им угодно и зная наперед, куда она их привезет. Отмечая общие родовые признаки всех Вагнеров (ограниченность, пошлость и задорливость), Белинский пишет, что ко всем этим прекрасным качествам присовокупляется еще способность впасть в манию какого-нибудь дикого убеждения, т. е. в фанатизм. Вагнер «делается разъяренным, когда он говорит или пишет о своей заветной идее, на которой помешался. Все про-

тивники этой идеи — личные враги Вагнера, хотя бы они жили за сто или за тысячу лет до его рождения; все они, мертвые и живые, по его мнению, люди слабоумные, глупые, низкие, злые, презренные, способные на всякое дурное дело... Идея его — истинна и непреложна: он ее доказал, утвердил, сделал яснее солнца» (3, 9, 182).

В противоположность «славянолюбам» с их фанатизмом Белинский высказывается за свободу мнений и заявляет, что славянофильство, как и всякое убеждение, заслуживает уважения. Он считает, что можно не соглашаться с ученым мнением другого и опровергать его, но нельзя преследовать за мысли. Он вообще убежден, что невозможно заставить всех думать одинаково и искусственным образом «соглашать людей в деле убеждения» (3, 10, 235). Это не значит, что критик пытается сгладить свои принципиальные разногласия со славянофилами или с кем бы то ни было. «Гадки и пошлы ссоры личные, но борьба за «понятия» — дело святое, и горе тому, кто не боролся!» — заявляет он (3, 12, 120).

Можно ли сказать, что Белинский проповедовал терпимость к чужим мнениям? В своей последней программной статье «Взгляд на русскую литературу 1847 года» он говорит определенно: «Пусть каждый выскажет свое мнение, не беспокоясь о том, что другие думают не так, как он. Надо иметь терпимость к чужим мнениям» (3, 10, 358—359). Вместе с тем 28 февраля 1847 г., т. е. за несколько месяцев до последней статьи, Белинский пишет Боткину, отвечая на его упреки в слишком резком тоне, допущенном в рецензии на «Выбранные места из переписки

с друзьями» Гоголя: «Терпимость к заблуждению я еще понимаю и ценю, по крайней мере в других, если не в себе, но терпимости к подлости я не терплю» (3, 12, 340). Причисляя нетерпимость к числу «великих и благородных источников силы и достоинства человеческого», критик далее говорит, что он останется «гордо и убежденно нетерпимым» (3, 12, 340). Итак, с одной стороны, надо иметь терпимость к чужим мнениям, а с другой — нетерпимость — великий и благородный источник силы и достоинства человека. Что это — противоречие? По форме — да, по существу — нет. Логику и последовательность этих как будто противоречивых суждений русского мыслителя раскрывают слова Герцена о том, что Белинский и его друзья противопоставили славянофилам «безграничную любовь к свободе мысли и такую же сильную ненависть ко всему, что ей препятствует» (18, 7, 239).

Материализм в философии Белинского сочетался с атеизмом. Надо сказать, что отношение его к религии по-разному представлено в сочинениях о нем. Некоторые дореволюционные (Д. С. Мережковский) и современные зарубежные (В. В. Зеньковский) авторы изображали его как религиозного искателя. В советской литературе его отношение к религии либо замалчивалось, либо толковалось лишь как атеистическое. В последнее время в работах о Белинском показано, что этот вопрос не так прост.

Хотя Белинский, что тогда было обычно, воспитывался в детстве в религиозном духе, уже в студенческие годы он, как свидетельствует его юношеская драма, отвернулся от официального православия и церкви; уже тогда у него появи-

лись первые сомнения в существовании бога. Но некоторое время спустя у Белинского возник большой интерес к религиозным вопросам. Его просветительские идеи, начиная с «Литературных мечтаний», облакаются в религиозную терминологию. В период «примирения с действительностью» Белинский призывает «подражать апостолам Христа» — «быть апостолами просвещения» (3, 11, 151). В своих сочинениях он ссылается на «миродержавный промысел», на «благое провидение» и пр. Это не значит, что он разделяет догматы православной церкви; его религия особого рода. Он утверждает, что бог существует во всяком благородном порыве человека, во всякой его светлой мысли, что бога надо искать не в храмах, созданных людьми, но в своем сердце, в любви, в преданности науке и искусству (см. 3, 11, 145).

Видимо, под влиянием Гегеля Белинский высказывает мысль о соединении религии с наукой. Он пишет: «Германия... вот откуда придет снова Христос, но уже не гонимый, не покрытый язвами мучения, не в венце мученичества, но в лучах славы. Доселе христианство было истиною в созерцании, словом, было верою; теперь оно должно быть истиною в сознании — «философию»» (3, 11, 152).

Однако, отрекшись от своих «примирительных» настроений, Белинский пишет Боткину 8 сентября 1841 г.: «...мне отраднее кощунства Вольтера, чем признание авторитета религии, общества, кого бы то ни было!» (3, 12, 170). Критик признается, что, понимая «грандиозность религиозности средних веков», он отдает предпочтение XVIII веку — эпохе падения религии (см. 3, 12, 70).

Белинский приходит к атеизму самостоятельно. Это подтверждает Герцен, тоже сделавший для себя атеистические выводы примерно в одно время со своим другом. Он характеризует великого критика как человека, вооруженного «страстной диалектикой», свободного от постороннего влияния, ничего не старавшегося спасти от огня анализа и отрицания (см. 18, 7, 236). Все это помогло Белинскому пересмотреть свои взгляды на религию. Одновременно он увидел противоречия в философии Гегеля, увидел, что религия, разгромленная, по словам Герцена, «Феноменологией» и «Логикой», вновь возрождалась в философии религии. Он понял, что гегелевская философия «оставалась земной религией, религией без неба». И он заявил «богобоязненным» последователям Гегеля: «Ваш абсолютный дух, если он и существует, то чужд для меня. Мне незачем его знать, ибо ничего общего у меня с ним нет» (18, 7, 236—237).

Белинского привлекает борьба Фейербаха против религии. В соответствии с Фейербахом, считавшим, что бог есть «духовная сущность человека, которая, однако, обособляется от человека и представляется как самостоятельное существо» (44, 2, 320), Белинский говорит: «А что такое бог, если не понятие человека о боге?» (3, 12, 119). Как и Фейербах, критик видит в религии опору всякого угнетения.

К середине 40-х годов относится знакомство Белинского с идеями молодых Маркса и Энгельса. В начале 1945 г. до него дошел издаваемый А. Руге и К. Марксом «Немецко-французский ежегодник», опубликованный в феврале 1844 г. В этом выпуске содержались статьи Маркса «К еврейскому вопросу», «К критике гегелев-

ской философии права. Введение», статья Энгельса «Наброски к критике политической экономии» и др. Видимо, на Белинского особое впечатление произвели мысли Маркса о том, что религия есть опиум народа, что упразднение религии как иллюзорного счастья народа есть требование его действительного счастья. Критик писал Герцену, что он от журнала два дня «был бодр и весел». «Истину я взял себе — и в словах бог и религия вижу тьму, мрак, цепи и кнут, и люблю теперь эти два слова, как следующие за ними четыре» (3, 12, 250).

Перейдя к атеизму, Белинский не мог открыто бороться против религии. Лишь в письмах к людям своего круга и в беседах с ними он выступает против религиозных верований. В первую очередь он критикует православие, на которое опиралось самодержавие и с которым была тесно связана религиозно-мистическая концепция славянофилов. Обличения Белинским религии особой силы достигают в «Письме к Гоголю». Страстно критикуя Гоголя за его реакционные взгляды, изложенные в книге «Выбранные места из переписки с друзьями», он осуждает писателя и за то, что тот проповедует эти взгляды под покровом религии, во имя Христа и церкви. «Неужели Вы, автор «Ревизора» и «Мертвых душ», неужели Вы искренно, от души, пропели гимн гнусному русскому духовенству..?» (3, 10, 215) — гневно спрашивает Белинский. Он напоминает Гоголю, что православная церковь всегда была опорой кнута и угодницей деспотизма, льстецом власти, поборницей неравенства, что православное духовенство находится во всеобщем презрении у русского народа.

Белинский выступает не только против православия, но и против религии вообще. Он выражает сочувствие Вольтеру, «орудием насмешки» потушившему костры фанатизма и невежества. Критик опровергает мнение Гоголя, будто русский народ — самый религиозный в мире. «Ложь! — говорит он. — Основа религиозности есть пиэтизм, благоговение, страх божий. А русский человек произносит имя божие, почесывая себе задницу... Мистическая экзальтация вовсе не в его натуре; у него слишком много для этого здравого смысла, ясности и положительности в уме» (3, 10, 215). Белинский доказывает, что Россия видит свое спасение не в мистицизме, а в успехах цивилизации, что ей нужны не проповеди и молитвы, а пробуждение в народе чувства человеческого достоинства, права и законы, сообразные не с учением церкви, а со здравым смыслом и справедливостью. Это страстное выступление против религии направлено В. Г. Белинским и против славянофилов с их теорией особой православной культуры России и возвеличиванием религиозных начал, существующих будто бы в русском крестьянстве.

По религиозным вопросам Белинский разошелся и с западниками. Интересно его отношение к Чаадаеву. Когда появилось в печати «Философическое письмо», Белинский, как и Герцен, сразу положительно оценил выступление Чаадаева за резкую критику русских общественных порядков. Конечно, Белинский не мог выразить своего мнения в печати, но сохранилось замечательное свидетельство Герцена в «Былом и думах» об отношении критика к «Письму». Герцен рассказывает там, как однажды на какой-то лите-

ратурной вечеринке один «магистр в синих очках» * назвал выступление Чаадаева с его «Письмом» поступком «презрительным» и «гнусным». Герцен стал горячо возражать ему. «Вдруг мою речь подкосил Белинский. Он... подошел ко мне уже бледный, как полотно, и, ударив меня по плечу, сказал:

— Вот они, высказались — инквизиторы, цензоры — на веревочке мысль водить... и пошел, и пошел. С грозным вдохновением говорил он, приправляя серьезные слова убийственными колкостями.

— Что за обидчивость такая! Палками бьют — не обижаемся, в Сибирь посылают — не обижаемся, а тут Чаадаев, видите, зацепил народную честь — не смей говорить; речь — дерзость, лакей никогда не должен говорить! Отчего же в странах больше образованных, где, кажется, чувствительность тоже должна быть развитее, чем в Костроме да Калуге, не обижаются словами?

— В образованных странах, — сказал с неподражаемым самодовольством магистр, — есть тюрьмы, в которые запирают безумных, оскорбляющих то, что целый народ чтит... и прекрасно делают.

Белинский вырос, он был страшен, велик в эту минуту. Скрестив на больной груди руки и глядя прямо на магистра, он ответил глухим голосом:

— А в еще более образованных странах бывает гильотина, которой казнят тех, которые находят это прекрасным...

* Я. М. Неверов — педагог, писатель, член кружка Станкевича.

При слове «гильотина» хозяин побледнел, гости обеспокоились, сделалась пауза. Магистр был уничтожен...» (18, 9, 33—34).

Личное знакомство Белинского и Чаадаева состоялось в сентябре 1838 г. Критика привлекали антикрепостнические идеи Чаадаева, его мысли о необходимости единения России с другими народами, о создании такого общества, где будет достигнута гармония личных и общих интересов. Но многое во взглядах автора «Философического письма» Белинский не мог принять. Чаадаев, бывший в начале 20-х годов членом тайного декабристского общества, после разгрома декабристов разочаровался в революционных методах борьбы и видел средство к преобразованию общественных порядков в нравственном совершенствовании людей. Белинский сам придавал совершенствованию нравственности большое значение, но видел, что она зависит от общественных условий. Не мог критик одобрить и католицизм, к которому пришел Чаадаев в результате краха его надежд на преобразование русского общества и, возможно, под влиянием Шеллинга, с которым он был лично знаком и переписывался, хотя и не был шеллингианцем. М. Я. Поляков в своем исследовании «Виссарион Белинский» (см. 38), правильно отмечая, что взгляды Чаадаева оказали известное влияние на Белинского, утверждает, будто критик одно время разделял и его католицизм. Поляков ссылается на слова Белинского из его письма к Бакунину от октября 1833 г.: «Я даже примирился и с католическим периодом моей жизни» (3, 11, 322). Но эту фразу нельзя понимать буквально. Недаром критик особо выделил слово «католический», употребляя его в пе-

реносном смысле: этим термином он обозначает свою нетерпимость к чужим мнениям в тот период, о чем идет речь в этой части письма. О действительном отношении Белинского к католичеству свидетельствуют его слова из другого письма, в котором он пишет, что всегда «дикое ненавидел» католицизм (см. 3, 11, 385).

Белинский никогда не критиковал взгляды Чаадаева в печати, считая бесчестным выступать против человека, который из-за запрета печататься не мог ответить ему публично. Только Станкевичу он написал однажды, намекая на Чаадаева и свои расхождения с ним: «Есть люди, которые говорят, что в Шеллинге больше гениальности и величия, чем в Гегеле, в католицизме, чем в лютеранизме, в мистицизме, чем в рациональности (разумности)...» (3, 11, 387).

Критик расходился с автором «Философического письма» и по вопросу о религиозности народа. Чаадаев видел возможность прогресса в распространении религии в народе, а Белинский — в отсутствии в нем религиозности.

Религиозные вопросы явились первым камнем преткновения в отношениях критика и с другими западниками. На даче Герцена в Соколове, особенно в 1846 г., развернулись «злые споры» по вопросу о бессмертии души, касавшиеся в подтексте и проблем крепостничества. Белинский, Герцен и Огарев тщетно доказывали своим друзьям Т. Н. Грановскому, Е. Ф. Коршу и другим западникам, что наука опровергает веру в бессмертие и бога, но те решительно отвергли эту точку зрения. Дело дошло до внутреннего разрыва дружеских отношений. Идейные споры, начавшиеся с религии и продолженные потом по другим вопросам,

были первым шагом к размежеванию демократического и либерального направлений. Внешне это выразилось в том, что Белинский перешел в журнал «Современник», фактически возглавлявшийся Н. А. Некрасовым и И. И. Панаевым, порвав в апреле 1846 г. с «Отечественными записками», где продолжали сотрудничать западники.

В советской литературе А. И. Володин поставил вопрос об отношении Белинского к Христу. Правильно освещая сложную эволюцию его взглядов на религию, Володин по поводу последнего этапа этих взглядов выдвигает положение, с которым трудно согласиться: «...критикуя религию и отрицая бога, Белинский одновременно проповедует... учение Христа» (14, 54). Володин опровергает общепризнанное у нас мнение, что в произведениях критика этих лет ссылки на Христа как на проповедника всеобщего равенства (см. 3, 10, 301—302) являются приемом эзоповского языка. Он ссылается на тот факт, что и в свободном от цензуры «Письме к Гоголю» Белинский утверждал примерно то же.

Отмечая, что церковь всегда была поборницей неравенства и гонительницей братства между людьми, критик писал Гоголю: «Но Христа-то зачем Вы примешали тут? Что Вы нашли общего между ним и какою-нибудь, а тем более православною церковью? Он первый возвестил людям учение свободы, равенства и братства и мученичеством запечатлел, утвердил истину своего учения. И оно только до тех пор и было спасением людей, пока не организовалось в церковь и не приняло за основание принципа ортодоксии» (3, 10, 214). Володин делает из этого логичный вывод, что критика

действительно привлекало в учении Христа и в раннем христианстве гуманистическое начало. Все это правильно, но сказать, что Белинский проповедовал учение Христа, все же нельзя. Ведь оно не мыслится без важнейшего его догмата о непротивлении злу насилем. А этот догмат находится в резком противоречии с мировоззрением критика, любившего человечество «маратовски».

Действительное отношение критика к учению Христа проявилось в столкновении Белинского с Достоевским. Писатель рассказывает о протесте Белинского против «подставных ланит», т. е. против непротивления злу, и передает его слова: «Ваш Христос, если бы родился в наше время... так и стушевался бы при нынешней науке и при нынешних двигателях человечества» (21, 173). В воспоминаниях Достоевского о Белинском не все достоверно, но то, что там говорится об атеистических взглядах критика, вполне соответствует мировоззрению последнего.

Отношения Белинского и Достоевского были сложными и противоречивыми. Они начались с восторженного отзыва критика о «Бедных людях» — первом романе молодого писателя — и с восприятия последним под влиянием Белинского социалистических идей. Но противоположные взгляды на религию развели их. На каторге, куда Достоевский попал за чтение у петрашевцев письма Белинского к Гоголю, началось его отречение от социалистических идей. В дальнейшем, до конца жизни, в своих произведениях он вел полемику против Белинского по вопросам религии и социализма (см. 29).

В его художественных произведениях лица, осмелившиеся восстать против религии и ее догм,

приходят большей частью к моральному краху. Однако такого вывода по отношению к самому Белинскому писатель не делает, хотя и продолжает борьбу против его взглядов. В середине 70-х годов он пишет в своей записной книжке: «...за-рождающийся социализм и Белинский—да неуж-то и Белинский не сила? Именно это сила и даже страшно себя проявившая» (33, 628).

Белинский, таким образом, находится в центре борьбы с различными религиозными верованиями, являющейся одной из форм борьбы социальных идей.

ПОИСКИ НАУЧНОЙ СОЦИОЛОГИИ

Белинский всегда придавал большое значение социологическим проблемам. В последний же период творчества его интерес к ним еще более возрос. Белинский ставит вопрос о необходимости выработать научный взгляд на историю, создать философию истории. Критик утверждает, что в исторической науке «уже есть свои незыблемые основания, есть идеи, получившие значение аксиом» (3, 8, 275). К таким аксиомам он относит учение о закономерном развитии общества, утвердившееся в современной ему мировой науке. Критик утверждает, что в эпоху, когда стали известны связь и последовательность исторических фактов, когда философия открыла развитие и прогресс в обществе, тогда отрицание закономерности в истории стало абсолютно неправомерным.

Отмечая, что в историческом процессе великие причины мешаются с малыми, Белинский указывает на отличие необходимости от простой причинности. «В движении исторических событий,— пишет он,— кроме внешней причинности, есть еще и внутренняя необходимость, дающая им глубокий внутренний смысл: само движение событий есть не что иное, как движение из себя самой и в себе самой диалектически развиваю-

щейся идеи. И потому в общем ходе истории, в итоге исторических событий нет случайностей и произвола, но все носит на себе отпечаток необходимости и разумности» (3, 7, 53). Рассматривая закономерность общественного развития как «разумность», «разумную необходимость», Белинский отдает этим дань идеализму Гегеля, считавшего, что разум внутренне присущ историческому процессу. Критик здесь вслед за Гегелем вносит в философию истории телеологический принцип, который в дальнейшем ему удастся в некоторой степени преодолеть.

Доказывая господство необходимости в истории общества, Белинский не отрицает и случайности. Он считает, что в истории все мелкое, ничтожное, случайное могло бы быть и не так, как было; но ее великие события, имеющие влияние на будущность народов, не могут происходить, по их главному смыслу, иначе, чем они происходят. Критик требует от историка диалектического подхода к общественным явлениям: умения за случайным вскрыть необходимое, в частном увидеть общее.

Утверждая, что общество развивается закономерно, Белинский признает и активную роль людей в истории. Вслед за классиками немецкой идеалистической философии он рассматривает свободу как познанную необходимость. Но в отличие от них у Белинского она существует не в царстве духа, а в реальной жизни общества. Критик придает большое значение в истории действию как отдельных лиц, так и в особенности народных масс; однако он считает, что их действия обуславливаются исторической необходимостью. «Историческое лицо делает только то, что необходимо,— по крайней

мере, только необходимые из его действий производят результаты; все же принадлежащее его личному произволу, и доброе, и худое, существует временно, не оставляя никаких следствий и исчезая вместе с лицом» (3, 6, 53).

Для Белинского прежде всего характерен исторический подход к общественным явлениям, опирающийся на достижения современной ему мировой науки. «...Мы видим великий успех человечества в историческом направлении нашего века» (3, 8, 279),— говорит критик. Идея развития доминирует во всех его работах, говорит ли он об общих социологических вопросах, об отдельных эпохах или о конкретных исторических фактах. Отмечая в истории человеческого общества процесс непрерывного органического развития, он ищет живую связь между историческими эпохами.

В смене Римской империи средневековьем, средневековья капиталистическим обществом он видит непрерывный прогресс и предрекает переход человечества на еще более высокую ступень — к социализму. Каждую общественную форму Белинский тоже рассматривает в возникновении и развитии, а некоторые и в упадке; ради образности он иногда сравнивает периоды развития общественных форм с детством, юностью, зрелостью и старостью человека.

Характерно, что критик особо отмечает периоды упадка и гниения общества, причисляя, видимо, к ним и современную ему эпоху в истории России. «Бывают в жизни народов и человечества эпохи несчастные, в которые целые поколения как бы приносятся в жертву следующим поколениям» (3, 10, 283). Но и эти периоды, когда как бы совершается движение

назад, диалектик Белинский расценивает как необходимые звенья в прогрессивном развитии человечества. «...Прогресс,— пишет он,— не прерывается даже в эпоху гниения и смерти обществ, ибо это гниение необходимо, как приготовление почвы для цвета новой жизни, и самая смерть в истории, как и в природе, есть только возродительница новой жизни» (3, 8, 287).

В историческом аспекте Белинский рассматривает и отдельные факты прошлого, отыскивая причины каждого факта в условиях эпохи. Он указывает, например, что религиозное движение в Западной Европе в XI в. в соответствии с тем временем вызвало крестовые походы, а в XVI в., при других исторических условиях, оно закономерно привело к реформации. Белинский высмеивает литературного критика В. Н. Майкова за отсутствие историзма в его характеристике французских просветителей. Он пишет, что Майков «изловчился зацепить французских доктринеров и порядком отделать их за то, что они родились в свое, а не в наше время, и ровесники нашим отцам, а не нам, учили и многому научили нас, а не учились у нас» (3, 10, 185). Белинский говорит далее, что если теперь любой студент математического отделения знает по части астрономии гораздо больше Птолемея, то из этого вовсе не следует, чтобы каждый студент был гениальнее Птолемея. «Можно судить обо всем,— продолжает Белинский,— но ничего нельзя мерить на аршин своего времени: иначе род человеческий начнет только с нас, а его истории — как не бывало!» (3, 10, 185).

Для критика совершенно обязателен исторический подход и к современности. Он обращает-

ся к прошлому страны, чтобы понять ее современные особенности. Он открывает в современной ему России остатки прежних периодов ее развития. По его мнению, в ней сохранились следы даже татарского ига, положившего начало централизации России и вызвавшего «изменение народного характера в пользу азиатского элемента жизни» (3, 5, 486). Тем более, говорит Белинский, в современной России видны результаты последующих периодов.

Русский мыслитель видит в историческом подходе к общественным явлениям способ, помогающий не только объяснять настоящее, но и предвидеть будущее. «Мы вопрошаем и допрашиваем прошедшее, чтобы оно объяснило нам наше настоящее и намекнуло нам о нашем будущем» (3, 10, 18). Развитие общества критик в отличие от Гегеля считает беспредельным: «Нет предела развитию человечества, и никогда человечество не скажет себе: «Стой, довольно, больше идти некуда!»» (3, 8, 284). Указывая на постепенность исторического процесса, Белинский вместе с тем большую роль в нем отводит революциям. Герценовское понимание диалектики как «алгебры революции» не в меньшей степени присуще и великому критику. Он признает движущей силой истории борьбу противоположностей, утверждая, что все главные исторические явления есть результат борьбы, а все, что возникает без нее, мертво (см. 3, 8, 412). Белинский придает большое значение не только борьбе, но и единству противоположностей. Он видит в противоположных сторонах общественной жизни взаимную обусловленность. Критик доказывает, что в одном и том же общественном явлении «добро и зло идут

бок о бок» и что «без борьбы между ними не было бы движения, развития, прогресса, жизни» (3, 9, 83).

Теперь для Белинского добро и зло не умозрительные понятия, а реальные противоречия жизни, борьба противоположностей, прежде всего борьба классов. У него нет научного определения классов, но все же он связывает их с определенными формами собственности. Возникновение классов и классовой борьбы он рассматривает как явление прогрессивное. «...Разделение на классы было необходимо и благотворно для развития всего человечества» (3, 10, 369). Борьбу между патрициями и плебеями в древнем Риме он называет «живоначальным источником римской истории и причиною ее колоссального и грандиозного развития» (3, 5, 409). Критик пишет о «разумном развитии» феодального общества как о результате классовой борьбы, которую он связывает с земельной собственностью. Он показывает глубокие классовые противоречия капиталистического общества и с сочувствием относится к революционным выступлениям народа в Европе.

В центре внимания Белинского стоят отношения между крепостными крестьянами и крепостниками-помещиками в России. Этой проблемы критик ухитряется касаться и в подцензурной литературе. Белинский указывает не только на личное бесправие крестьян, но и на их тяжелое материальное положение. Он пытается осмыслить проблему благосостояния масс теоретически и называет ее «великой политико-экономической задачей современного мира» (3, 6, 569). Он видит, что в отношении рус-

ских крестьян разрешение этой проблемы связано с вопросом о земле, что камнем преткновения между двумя классами русского общества является аграрный вопрос и «зло обязательной ренты» (3, 12, 439), т. е. барщина и оброк.

Об антагонизме между помещиками и крестьянами Белинский говорит во весь голос в своем письме к Гоголю. Он пишет, что Россия «представляет собою ужасное зрелище страны, где люди торгуют людьми, не имея на это и того оправдания, каким лукаво пользуются американские плантаторы, утверждая, что негр — не человек... где, наконец, нет не только никаких гарантий для личности, чести и собственности, но нет даже и полицейского порядка, а есть только огромные корпорации служебных воров и грабителей» (3, 10, 213).

Белинский провозглашает уничтожение крепостного права, отмену телесных наказаний и выполнение хотя бы тех законов, которые есть, самыми первыми, живыми национальными задачами России. Эти его требования представляют программу-минимум русской революционной демократии. Но критик не ограничивается ими. Он мечтает о радикальном преобразовании общественного строя России. В связи с этим развертывается ожесточенная борьба между Белинским, Герценом и другими демократами, с одной стороны, и славянофилами — с другой. Критик знает, конечно, о некоторой оппозиции славянофилов николаевскому режиму, об их отрицательном отношении к крепостному праву и т. д. Но он видит также, что коренного изменения строя России они не желают. За их рассуждениями о смирении, религиозности, преданности

русского народа властям, за уверениями в их монополюной любви к крестьянству он обнаруживает интересы помещиков. Славянофил, говорит критик, — это барич, «который изучал народ через своего камердинера» (3, 10, 262), барин, «неловко костюмировавшийся крестьянином» (3, 10, 259). В своем памфлете «Тарантас» Белинский пишет, что явный крепостник мог бы сказать любому славянофилу: «...как ни заносись, мой милый, а действительность возьмет свое,— и быть тебе не рыцарем, не философом, не реформатором, а помещиком...» (3, 9, 94).

Белинский высмеивает реакционную концепцию русской истории «славянолюбов», осуждение ими реформ Петра I, идеализацию допетровских времен, той «блаженной эпохи, когда за употребление табака резали носы». Указывая на внеисторический характер их концепции, критик говорит, что славянофилы, вычерчивая настоящее, посредством какого-то невозможного салто-мортале хотят выдвинуть давно прошедшее прямо в будущее. Подчеркивая ретроградный смысл их стремления «подновить старое, воскресить давно умершее» (3, 8, 444), Белинский сравнивает славянофильство с «романтической партией в Германии, стоявшею за средние века» (3, 10, 90). В идеализации старого он видит попытку оправдать существующее положение вещей и называет славянофилов «витязями прошлого и обожателями настоящего» (3, 12, 351).

Белинский понимает реакционный смысл учения славянофилов о «самобытном» пути развития России. Он протестует против отрицательного отношения многих из них к западной

цивилизации. Его отталкивают националистические черты во взглядах славянофилов, их мистическая теория об особой роли православной России в судьбе других народов. Русский мыслитель чутко улавливает любые, даже едва намечающиеся, тенденции подобного рода, где бы они ни проявлялись. Так, характеризуя «Мертвые души» как гениальное произведение, он одновременно говорит о «некоторых, к счастью, немногих, хотя, к несчастью, и резких — местах, где автор слишком легко судит о национальности чужих племен и не слишком скромно предается мечтам о превосходстве славянского племени над ними. Мы думаем, что лучше оставлять всякому свое и, сознавая собственное достоинство, уметь уважать достоинство и в других...» (3, 6, 222).

В ответ на обвинение его «славянами» в отсутствии патриотизма Белинский пишет, что любовь к родине доказывается не словами, а делами и что фантастическая теория об особой роли России не является патриотизмом. Стремление славянофилов отгородить русский народ от других наций, их боязнь иностранного влияния критик считает обидными для русских. «Бедна та народность,— говорит он,— которая трепещет за свою самостоятельность при всяком соприкосновении с другою народностью! Наши самозванные патриоты не видят, в простоте ума и сердца своего, что, беспрестанно боясь за русскую национальность, они тем самым жестоко оскорбляют ее» (3, 7, 436). Критик постоянно подчеркивает свою глубокую любовь к России: «Мы знаем Россию и любим ее больше всякой другой страны» (3, 10, 197). Преданность интересам русского народа сочетается

у Белинского с критическим отношением к нему; он доказывает, что истинные патриоты бывают обычно нетерпимыми к недостаткам, существующим в родной стране. «Терпеть не могу,— заявляет он,— восторженных патриотов, выезжающих вечно на междометиях или на квасу да каше; ожесточенные скептики для меня в 1000 раз лучше, ибо ненависть иногда бывает только особенною формою любви» (3, 12, 433).

Не менее, чем «квасной патриотизм», Белинский осуждает космополитизм. «Без национальностей,— говорит он,— человечество было бы мертвым логическим абстрактом, словом без содержания, звуком без значения. В отношении к этому вопросу я скорее готов перейти на сторону славянофилов, нежели оставаться на стороне гуманических космополитов... Но, к счастью, я надеюсь остаться на своем месте, не переходя ни к кому» (3, 10, 29).

Резко полемизируя со «славянолюбями», Белинский отмечает и положительные стороны их воззрений: их справедливую критику слепого подражания Западу и космополитизма, их обращение к самым важным вопросам русской действительности, хотя и решаемым ими неправильно. Окончательный вывод критика о значении славянофильства следующий: «...рассмотревши его ближе, нельзя не увидеть, что существование и важность этой литературной котерии чисто отрицательные, что она вызвана и живет не для себя, а для оправдания и утверждения именно той идеи, на борьбу с которой обрела себя» (3, 10, 17).

В поисках возможных путей преобразования России Белинский обращается к проблеме диа-

лектической связи различных сторон общественной жизни. Для него очевидно существование этой связи, он рассматривает общество как единый организм. Перед ним встает вопрос, хотя им и не сформулированный, но подразумеваемый: какая же из сторон социальной жизни определяет остальные? Что является главным, решающим в историческом процессе? Критик, как и раньше, отводит колоссальную роль общественному сознанию. Но он уже пришел к мысли, что само сознание людей определяется условиями их существования. Белинский пытается выбраться из этого круга. Он нередко задумывается над тем, не играет ли главную роль в жизни каждого народа географическая среда. Но против такого решения проблемы Белинский приводит серьезные аргументы. Он указывает на «противодействия человека, существа мыслящего, немыслящим силам природы» (3, 3, 197) и спрашивает: «Чье действие могущественнее и решительнее?.. Человек ли изменяет климат или климат изменяет человека?» (3, 3, 198). Белинский не дает окончательного ответа на этот вопрос. Но все же ясно, что, придавая географическим условиям большое значение, он не считает их влияние решающим.

Хотя до конца жизни Белинский первенствующую роль в истории оставляет за сознанием, все же он высказывает о закономерностях общественного развития ряд догадок в материалистическом духе. Еще в 1843 г. Белинский пишет, что заслуга Англии перед человечеством состоит в покорении сил природы на службу обществу, в развитии промышленности, в победе над материей, пространством и временем.

При этом он прямо называет промышленность «основной общественной стихией», «краеугольным камнем здания общества» (3, 6, 615). В 1844 г. Белинский снова обращается к вопросу о материальной стороне общественной жизни. Характеризуя общество как многосложный организм, он указывает на тесную связь духовной жизни с материальной: «...*нравственная сторона должна быть тесно слита с практической и интересы духовные — с выгодами материальными*» (3, 8, 286). Белинский утверждает, что успехи нравственности невозможны без успехов в области материальной жизни. «...Исходный пункт нравственного совершенства,— говорит он,— есть прежде всего материальная потребность... Материальная нужда есть великий рычаг нравственной деятельности. Если бы человек не нуждался в пище, в одежде, в жилище, в удобствах жизни,— он навсегда остался бы в животном состоянии» (3, 8, 287). Белинский указывает, что человек побеждает материю ее же собственными средствами. Он называет паровые машины, железные дороги, телеграф победой духа над грубой материей, предвестником «близкого освобождения человека от материальных работ, унижающих душу и сокрушающих волю, от рабства нужды и вещественности!» (3, 8, 284).

Объясняя некоторые исторические факты, Белинский подходит к ним и как материалист, и как диалектик. Попытка соединить материализм с диалектикой ярко проявляется при анализе Белинским капиталистического строя. По вопросу о капитализме и буржуазии в 1847 г., во время пребывания критика за границей, возникла дискуссия, продолженная затем

в переписке. Возникла эта дискуссия в связи с герценовскими «Письмами из Avenue Marigny», в которых автор подверг резкой критике капиталистический строй и буржуазию. Западники (Галахов, Боткин, Корш, Анненков и даже Грановский), поняв, что эта критика связана с вопросом о будущем России, осудили «Письма» Герцена. Белинский же выступил в защиту Герцена, хотя и высказал некоторое несогласие с его взглядами. Спор с западниками знаменовал дальнейшее размежевание демократического и либерального направлений в русской общественной мысли.

Белинский подошел к вопросу о капитализме и буржуазии всесторонне, особое внимание уделив экономике капиталистического общества. Он высказывался о нем и раньше, в частности в произведении «Стихотворения Е. Баратынского» и в рецензии на роман Эжена Сю «Парижские тайны». В ходе дискуссии он изложил свою точку зрения в письме к Боткину от 2—6 декабря 1847 г. Критик указал на ряд противоречий капитализма. Он характеризовал буржуа как «человека-собственника», одержимого гением стяжательства, у которого только один стимул — «ненасытный волчий голод по золоту», для которого «война или мир значат только возвышение или упадок фондов» (3, 12, 449).

Четко выделяя пролетария из других слоев трудящихся, критик пишет о нем как о «вечном работнике собственника и капиталиста», живущем только на заработную плату. Белинский отмечает формальный характер равенства при капитализме. Он видит ту особенность эксплуатации рабочего класса буржуазией, которая на марксистском языке называется экономическим

принуждением. Капиталист, указывает Белинский, не может заставить рабочего насильно работать на себя, «но он может не дать ему работы и заставить умереть с голода», «прижимает страхом голодной смерти», «сечет его голодом». Критик пишет о страшном обнищании рабочих, когда «голодная смерть для бедных самое возможное и нисколько не необыкновенное дело» (3, 8, 172), о самоубийствах на почве пауперизма, о работе детей в рудниках (см. 3, 8, 471) и о других язвах капитализма. При этом он подчеркивает, что зло порождается не отдельными законами, а коренится «во всем устройстве общества» (3, 8, 174). «Я допускаю,— говорит Белинский, полемизируя с либералами,— что вопрос о bourgeoisie — еще вопрос, и никто пока не решил его окончательно, да и никто не решит — решит его история, этот высший суд над людьми. Но я знаю, что владычество капиталистов покрыло современную Францию вечным позором...» (3, 12, 447).

Белинский не соглашается и с Бакуниным, тоже принявшим участие в дискуссии. Рассматривая буржуазию как абсолютное зло, Бакунин требует немедленного ее уничтожения. «Я с этим соглашусь только тогда,— возражает ему критик,— когда на опыте увижу государство, благоденствующее без среднего класса, а как пока я видел только, что государства без среднего класса осуждены на вечное ничтожество, то и не хочу заниматься решением априори такого вопроса, который может быть решен только опытом» (3, 12, 452). Белинский требует исторического подхода к буржуазии. Он напоминает, что буржуазия — явление не случайное, а

вызванное историей, она явилась не вчера, «словно гриб выросла», что она имела «свою блестящую историю, оказала человечеству величайшие услуги» (3, 12, 448). Говоря о «блестящей истории» буржуазии, Белинский имеет в виду низвержение на Западе феодального строя, когда «она не отделяла своих интересов от интересов народа» и «выхлопотала право не одной себе, но и народу» (3, 12, 449). Но тут же критик добавляет, что надо отличать буржуазию, борющуюся с феодализмом, и буржуазию «торжествующую», которая «ассервировала народ голодом и капиталом» (3, 12, 449).

Подходя к капитализму как к единству противоположностей, Белинский делает вывод, что развитие капиталистической промышленности, несущей столько бед трудящимся, является вместе с тем необходимой предпосылкой для освобождения человечества от тяжких работ. «Если наш век и индустриален по преимуществу, то это нехорошо для нашего века, а не для человечества: для человечества же это очень хорошо, потому что через это будущая общественность его упрочивает свою победу над своими древними врагами — материею, пространством и временем» (3, 6, 470). Капиталистическая промышленность, по Белинскому, — источник великих зол, но и великих благ для общества. «Собственно, она только последнее зло в владычестве капитала, в его тирании над трудом» (3, 12, 452). Так русский мыслитель приближается к правильному ответу на вопрос об историческом месте капитализма. Это не значит, что он решил данную проблему: он не определил ни основного противоречия капитализма, ни его законов, ни исторической роли пролетариата.

Но, подойдя к капиталистическому строю как диалектик и как материалист, он увидел, что этот строй создает условия, необходимые для «будущей общественности» — для социализма.

Вопрос об историческом месте капитализма был связан с важнейшей для России проблемой о путях ее развития. Белинский правильно решает эту проблему. Бакунин, пишет он Анненкову, «доказывал мне еще, что избави-де бог Россию от буржуазии. А теперь ясно видно, что внутренний процесс гражданского развития в России начнется не прежде, как с той минуты, когда русское дворянство обратится в буржуазию» (3, 12, 468). Так Белинский признал неизбежность и относительную прогрессивность капиталистического пути для России. Он был единственным из великих русских революционных демократов, правильно определившим ближайшее направление развития страны. Не только Бакунин, но также Герцен и Огарев, а затем Чернышевский и Добролюбов отстаивали некапиталистический путь. Это их ошибочное мнение сделалось потом одним из основных догматов народничества. Из демократов только Писарев продолжил в дальнейшем традиции Белинского. Признание критиком неизбежности капиталистического пути не означало его перехода на либеральную точку зрения, как это часто изображается в дореволюционной русской и современной зарубежной литературе. Ведь он рассматривал капитализм как необходимый этап в движении к социализму.

Утопический социализм стал составной частью мировоззрения Белинского с начала 40-х годов. До этого, плохо зная учение западных социалистов-утопистов, он вслед за Гегелем

относился к ним отрицательно. Но вот в сентябре 1841 г. Белинский пишет Боткину: «Итак, я теперь в новой крайности, — это идея социализма, которая стала для меня идеею идей, бытием бытия, вопросом вопросов, альфой и омегой веры и знания. Всё из нее, для нее и к ней. Она вопрос и решение вопроса. Она (для меня) поглотила и историю, и религию, и философию» (3, 12, 66).

В 1842—1846 гг., познакомившись с трудами Сен-Симона, Фурье, а также Прудона, Кабэ, Леру, Луи Блана и др., Белинский эзоповским языком пропагандирует их идеи в своих произведениях. Он пишет об обществе, «на разуме и натуре человека основанном», об уничтожении там «ложных и неразумных» начал общественной жизни и пр. Он представляет себе социализм как общество, основанное на братстве людей, где не будет богатых и бедных, царей и подданных, где осуществится нравственное и физическое совершенство человека. Уже тогда социалистические идеи Белинского, как и других русских демократов, отличались от взглядов на социализм западных утопистов. Эти отличия, которые уже не раз отмечались в нашей литературе, заключаются в слиянии его социалистических идей с демократическими и в признании им необходимости революционного переворота для победы нового строя.

Одна из характерных черт социалистических воззрений Белинского состояла в том, что он никогда не был сторонником общинного социализма. Он высмеивал учение славянофилов об «особенностях славянского общинного начала», заложенного будто бы в русском народе (см. 3, 10, 265), и доказывал, что общины су-

ществовали во всех странах в патриархальный период. Критик говорил, что славянофильские представления об общинных инстинктах русских крестьян — «целиком взятые у французских социалистов и плохо понятые понятия о народе, абстрактно примененные к нашему народу» (3, 12, 435). Отсутствие идеализации общины отличало Белинского не только от славянофилов, но и от Герцена, выдвинувшего, уже после смерти критика, свою теорию общинного социализма, принятую затем и Чернышевским. Конечно, взгляды Герцена и Чернышевского на общину существенно отличались от славянофильских: их теория общинного социализма была лишь ошибочной формой, в которой выступала их борьба за переход земли в руки крестьян, тогда как «славяне» не предполагали передавать крестьянам помещичью землю. Белинский же смотрел на общину более реалистично по сравнению не только со славянофилами, но и с Герценом и даже с Чернышевским.

В конце жизни критика учение западных социалистов-утопистов перестало его удовлетворять. Он понял и неприменимость его к России. Имея в виду западный утопический социализм, Белинский пишет: «Теперь Европу занимают новые великие вопросы. Интересоваться ими, следить за ними нам можно и должно, ибо ничто человеческое не должно быть чуждо нам, если мы хотим быть людьми. Но в то же время для нас было бы вовсе бесплодно принимать эти вопросы как наши собственные. В них нашего только то, что применимо к нашему положению; все остальное чуждо нам, и мы стали бы играть роль донкихотов, горячась из них. Этим мы заслужили бы скорее насмешки европейцев,

нежели их уважение. У себя, в себе, вокруг себя, вот где должны мы искать и вопросов и их решения» (3, 10, 32). Вера в социализм у Белинского сохраняется до последних дней; он считает, что можно «предвидеть основание будущей эпохи, ибо само отрицание указывает на требование» (3, 8, 289). Но он доказывает, что надо исходить не из своих фантазий и желаний, а из «примет настоящего». Опираясь на эти «приметы», он приходит к мысли, что одной из особенностей социализма будут развитые промышленность и транспорт, машины, освобождающие человека от тяжелых работ и рабства нужды. Он видит, что в крепостной России в отличие от капиталистического Запада их еще нет, и угадывает, что путь к будущему обществу в России лежит через развитие буржуазных отношений.

Б. Ф. Егоров, открывший в 1973 г. в наших журналах полемику о русских революционных демократах, утверждает, что Белинский после путешествия по России в 1846 г., убедившись в неподготовленности крестьян к активной борьбе, снова пережил «переворот» в своих воззрениях. Этот переворот во взглядах критика состоял, по мнению Егорова, во-первых, в возникновении критического отношения к утопическому социализму и, во-вторых, в «отчаянной вере в то, что если в настоящее время в правительственных кругах обсуждается вопрос об отмене крепостного права... то законодательные меры «сверху» могут быть единственной в данный момент реальной возможностью освобождения крестьян» (23, 122).

С этим утверждением Егорова согласиться нельзя. Достаточно вспомнить, что именно в

этот период написано «Письмо к Гоголю», которое уж никак не вяжется с верой его автора в царское правительство. Он действительно внимательно следит, насколько это возможно, за правительственными проектами, но он относится к ним довольно скептически, называя уже принятые правительственные постановления о крестьянах «робкими и бесплодными полумерами в пользу белых негров» (3, 10, 213). Попытка Егорова приписать Белинскому веру в правительство уже подвергнута критике в нашей литературе (см. 39). Что же касается критического отношения к западному утопическому социализму, то Егоров правильно отмечает наличие его у Белинского в последние годы жизни. Однако критик пришел к этому не в результате «переворота»; оно постепенно утверждалось у него со времен отказа от «абстрактного идеала». Кроме того, антиутопическая направленность взглядов Белинского касается не существовавшего тогда в России крепостного права, в реальности уничтожения которого он не сомневался, а социалистических идей.

Достоевский называл Белинского «самым торопившимся человеком в России». Действительно, критик весь был устремлен в будущее, боролся за него, жил для него, верил в грядущий социализм. Но это не значит, что он пытался забежать вперед, опередить эпоху, не считаясь с реальными возможностями. Признавая последовательность и постепенность в развитии общества, он еще в прежние годы заявлял, что посредством химического раствора можно ускорить развитие растений, но для гражданственности и общественности такого раствора нет. Эта мысль в последний период приобретает для

него особое значение. ...Я люблю русского человека и верю великой будущности России. Но... я ничего не строю на основании этой любви и этой веры, не употребляю их, как неопровержимые доказательства» (3, 12, 433),— пишет он в ноябре 1847 г. К. Д. Кавелину и добавляет с горечью: нам хочется поскорее, а России торопиться нечего.

Размышления Белинского на эту тему были вызваны, в частности, его полемикой со старым другом-противником Бакуниным, считавшим возможным осуществить тогда в России социалистическую революцию. Белинский с его «чутьем гениального социолога» (Плеханов) предугадывал тот вред, который может принести преждевременный переворот. Характерно, что в 1850 г., т. е. почти в то же время, что и русский критик, на вред преждевременной революции указал Энгельс в своей работе «Крестьянская война в Германии». Он писал о трагедии вождя, который окажется у власти еще до того, как для этого созреют условия: такой вождь не сможет выполнить то, что обещал своему классу, а вынужден будет поступать в интересах чуждого ему класса, для господства которого уже создались необходимые предпосылки, и «отделяться от своего класса фразами, обещаниями и уверениями в том, что интересы другого класса являются его собственными» (1, 7, 423). По существу эти высказывания были направлены и против Бакунина, хотя непосредственно против него Энгельс выступил перед этим в другом своем произведении — «Демократический панславизм», показав там, что в концепции Бакунина «о действительности... вообще нет речи» (1, 6, 291).

У Белинского же реалистический подход к действительности, который всегда преобладал, в последние годы еще усилился. Значение вопроса о готовности революции Белинский не мог раскрыть с такой глубиной, как Энгельс, но он решал его правильно. Он понял, что для России социализм еще преждевременен и что непосредственной, вполне назревшей ее задачей является ликвидация крепостничества. В понимании вреда переворота, для которого еще не созрели условия, Белинский опередил Герцена, который только 20 лет спустя пришел примерно к такому же выводу, что и критик, вступив по этой проблеме в полемику не только с Бакуниным, но и с Огаревым. Представление, которое разделял и Плеханов (см. 37, 4, 493), будто Белинский в последние годы жизни возложил все надежды на реформы сверху, связывается обычно с последним письмом критика к Анненкову, где он писал, что Бакунин и славянофилы помогли ему «сбросить с себя мистическое верование в народ» и что «России нужен новый Петр Великий» (3, 12, 467—468). Для того чтобы правильно понять эти слова Белинского, надо обратиться к его взглядам на роль народа и выдающихся личностей в истории.

Решающую роль в историческом процессе критик, безусловно, отводит народным массам. Он называет народ почвой, которая порождает все общественные явления, в том числе и выдающихся деятелей. Последним он тоже придает большое значение, но рассматривает их как выразителей стремлений народа, хотя бы эти стремления и были еще скрытыми. Он заявляет, что имя гения — миллион, потому что в груди своей он носит страдания, радости и надежды

миллионов. Белинский показывает, что народные массы имеют несравненно большее значение, чем личность, хотя бы и гениальная. «...Как бы ни велик был человек, народ всегда выше его, и соединенные усилия многих людей всегда превзойдут в своих результатах его усилия» (3, 8, 279).

Вместе с тем русский мыслитель не идеализирует народ. Он хорошо знает крестьянские массы России, глубоко сочувствует им и считает, что они являются «стержнем» русской жизни. Белинский отмечает прекрасные задатки в русском народе и называет его «гениальным ребенком».

Но одновременно он видит характерные для крестьян того времени забитость, отсталость, невежество, неорганизованность. Особенно удручает критика косность крестьян, и он пишет, слишком расширительно толкуя это их свойство: «Масса всегда живет привычкою и разумным, истинным и полезным считает только то, к чему привыкла» (3, 10, 31). Еще задолго до путешествия по югу России Белинский высказывается об отсталости крестьян с беспощадной резкостью, видя в этом общественную трагедию (см. 3, 11, 148). И вот он встречается со славянофильской версией о стремлении русских крестьян самостоятельно перейти к общинному строю и с теорией Бакунина об их готовности к социалистической революции. Критик видит абсурдность обеих точек зрения; отсюда его слова о том, что Бакунин и славянофилы помогли ему сбросить «мистическое верование в народ» (3, 12, 467).

Что это? Отречение от народной революции? Конечно, нет. В этих высказываниях Бе-

линского отражаются его мучительные поиски реальных для того времени методов преобразования России. Он жаждет крестьянской революции. Напекая на нее, он пишет в подцензурной печати, что у народа бывают «минуты великой мудрости и великой силы в действии» (3, 10, 369). В беседах с друзьями он называет крепостной строй «злокачественным нарывом» на теле страны, который народ должен «сам грубо проткнуть», т. е. уничтожить революционным путем. «Когда это совершится,— заявляет критик,— мои кости в земле от радости зашевелиятся» (36, 191).

Но какие бы надежды он ни возлагал на революцию, он знал, что ее нельзя вызвать искусственно. «Жизнь народа не есть утлая лодочка, которой каждый может давать произвольное направление легким движением весла» (3, 10, 19). Поэтому Белинский считает, что нельзя сбрасывать со счета и реформы сверху. Он видел, что режим Николая, как это обычно бывает в глухие и мрачные периоды истории, требует не талантов, а ничтожных, бездарных и косных чиновников. И он противопоставил таким деятелям Петра I (которого, кстати сказать, он всегда идеализировал). Это вовсе не значит, что он в это время повернул свои взоры к царскому трону. Как раз в это время в «Письме к Гоголю» Белинский дал уничтожающую характеристику самодержавию. В Петре он видел в данном случае не самодержца, а новатора. Характеризуя роль гениальных личностей, он говорил, что они, выполняя «требования духа времени» (3, 6, 53), олицетворяют собой новое и возбуждают массы на борьбу со старым. Белинский справедливо считал, что Россия нуж-

далась в таком гениальном человеке, который бы возглавил ее преобразование.

Итак, последние годы жизни критика не были периодом отказа от революционных традиций. Они стали периодом его новых достижений в области теории общественного развития, попыток преодоления идеалистического подхода к истории, верного определения ближайших исторических перспектив России.

ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ

В философии Белинского значительное место занимают гносеологические проблемы, при решении которых ярко проявилась диалектичность его мышления. Он и сам говорил, что диалектика — «средство дойти до знания истины» (3, 8, 507). Достижения Белинского в области гносеологии относятся к 40-м годам.

В первых работах критик, как уже отмечалось, отводил решающую роль в познании бессознательному художественному творчеству. В дальнейшем Белинский посвящает теории познания статью «Опыт системы нравственной философии А. Дроздова», относящуюся к осени 1836 г. Статья эта написана в последовательно идеалистическом направлении. Отмечая, что «есть два способа исследования истины: *a priori* и *a posteriori*, то есть из чистого разума и из опыта» (3, 2, 239), Белинский далее излагает сущность рационализма и эмпиризма. Уже в самом этом изложении он подчеркивает свое отрицательное отношение к эмпиризму, говоря, что для его защитников разум есть «поденщик, раб мертвой действительности, принимающий от нее законы и изменяющийся по ее прихоти...» (3, 2, 239). Эту же мысль он развивает в одном из писем. «Опыт,— говорит Белинский,— ведет

не к истине, а к заблуждению, потому что факты разнообразны до бесконечности и противоречивы до такой степени, что истину, выведенную из одного факта, можно тотчас же пришить другим фактом; найти же внутреннюю связь и единство в этом разнообразии и противоречии фактов можно только в духе человеческого, следовательно, философия, основанная на опыте, есть нелепость» (3, 11, 152).

Но уже в ранний период творчества Белинский начинает осознавать недостаточность, односторонность рационализма и постепенно отходит от чисто умозрительного направления. Он заявляет, что ненавидит отвлеченную, оторванную от жизни мысль, что он по природе своей враждебен такому мышлению (см. 3, 11, 245). Бакунину он пишет, что тому «помогает уловить истину» отвлеченная логика, а ему, Белинскому, открывает ее жизнь. «Что ж мне делать,— спрашивает критик,— когда для меня истина существует не в знании, не в науке, а в жизни?» (3, 11, 271). «Есть для меня всегда будет выше знаю» (3, 11, 318),— развивает он эту же мысль.

Подчеркивая коренное различие своих гносеологических взглядов и взглядов Бакунина, Белинский заявляет: «...ты в жизни рационалист,— я эмпирик» (3, 11, 272). Но Белинский предупреждает, что его «эмпирический опыт... не совсем эмпирический» (3, 11, 315). Он протестует против обвинения его Бакуниным, будто он отказался от отвлеченного мышления в процессе познания.

Белинский приближается к правильному решению вопроса о рационализме и эмпиризме в 1843 г. в своей статье «Сочинения Державина». Он характеризует рационализм и эмпиризм как

«односторонности, равно чуждые истины», и видит истину «в свободном примирении обеих этих крайностей» (3, 6, 588). Говоря о задачах исторической науки в работе «История Малороссии», относящейся к тому же периоду, критик пишет, что историку надо с честью пройти между двумя крайностями: «...между опасностью затеряться и запутаться в многосложности событий и, за их частностию, потерять их диалектическую связь между собою, их отношение к целому и общему (идее), и между опасностью произвольно натянуть события на какую-нибудь любимую идею, заставив их лжесвидетельствовать в пользу или односторонней, или и вовсе ложной доктрины» (3, 7, 53).

Еще более определенно Белинский высказывается о рационализме и эмпиризме в последние годы своей жизни. Он осуждает отвлеченные теории, априорные построения, игнорирующие факты, а еще больше — такие теоретические построения, которые насилуют факты для оправдания той или иной точки зрения. Критик указывает, что такие теории гораздо ниже и бесполезнее простого знакомства с фактами; в современную эпоху они с каждым днем теряют свой кредит и уступают место в науке направлению, основанному на знании фактов. Вместе с тем Белинский отмечает, что и одно знание фактов без философского взгляда на них таит в себе опасность затеряться в частности, тогда как задача науки состоит в том, чтобы проникнуть в суть вещей, найти в них общее, открыть законы их развития. Так Белинский, перейдя к материализму, отвергает крайности рационализма и эмпиризма и ратует за сочетание в процессе познания опыта и умозрения.

Как же представляет себе Белинский процесс познания? Он считает, что познание начинается с ощущений, которые он понимает материалистически. «Каждый человек, — говорит критик, — начинает с того, что непосредственно поражает его ум формой, краскою, звуком; а природа полна форм, красок, звуков» (3, 6, 13). Мысль, по мнению Белинского, рождается из ощущений. Он солидаризируется с положением Локка: «Ничего не может быть в уме, чего не было в чувстве» (3, 8, 510), расходясь с гегелевской формулировкой: «...ничего не может быть в уме, чего не было бы в чувстве, кроме самого ума». Отвергая добавление Гегеля «кроме самого ума», Белинский пишет: «Но эта прибавка едва ли не подозрительна, как порождение трансцендентального идеализма. Человек не прямо же, не чистым мышлением дошел до сознания, что у него есть ум, а заметил это прежде всего из собственных действий, в которых отразился его ум, но которые он опять-таки только через чувства сознал своим умом» (3, 10, 145). При этом критик добавляет, что даже самые отвлеченные представления являются результатом деятельности мозга.

Интересно отметить, что, характеризуя возникновение мысли из ощущений, критик обращается к произведениям Лермонтова, читая которые, «кажется, сопутствуешь духом таинству мысли, рождающейся из ощущения, как рождается бабочка из некрасивой личинки» (3, 5, 452). Белинский считает, что ощущение «есть только приготовление к духовной жизни» (3, 7, 166), но еще не духовная жизнь, которую он определяет как чувство, имеющее в основе своей мысль. Сознание человека Белинский

рассматривает как единство мысли и чувства. Он пишет: «В мысли без чувства и в чувстве без мысли виден только порыв к сознанию, половина сознания, но еще не сознание: это машина, кое-как действующая половиною своих колес, и потому действующая слабо и неверно» (3, 8, 278). Критик ставит мысль выше чувства, однако только тогда, когда чувство является непосредственным, когда оно еще не имеет в своей основе мысль. Подчеркивая свою веру в силу разума, Белинский и чувству отводит не менее важную роль в познании, утверждая, что без него «разум есть ложь», более того, «разум есть сознавшее себя чувство» (3, 4, 237). Он считает, что разум и чувство «родственны, односущны» друг другу (см. 3, 5, 220) и оба имеют решающее значение в познании.

В 1841 г. Белинский анализирует сущность представлений и понятий, подчеркивая различия между ними. В трактовке этих категорий видно влияние как диалектики, так и идеализма Гегеля. Подобно немецкому философу, критик ставит представление ниже понятия и считает его простой эмпирической формой, не охватывающей главного — перехода от одного явления к другому. Понятие Белинский называет философской мыслью, или идеей. Он рассматривает его как нечто живое, способное к органическому развитию и заключающее в себе две стороны, которые представляют собой единство противоположностей и борются друг с другом. Каждая из этих сторон имеет свою долю истины и свою долю лжи, а искомая истина заключается в их примирении, в их слиянии, результатом чего становится новое понятие. Здесь Белинский рассуждает почти по Гегелю, рассматривавшему

понятие как движение, как «переход» на основе единства и борьбы противоположностей. Но если для Гегеля исследование процесса движения понятий было преобладающей задачей, то для Белинского главным было установление их связи с жизнью.

Останавливаясь на различных методах познания, Белинский характеризует аналитический метод и отмечает его большое значение. Он говорит, что для познания истины необходимо «разъединение идеи от формы, разложение элементов, образующих собою данную истину или данное явление. Это действие разума отнюдь не отвратительный анатомический процесс, разрушающий прекрасное явление для того, чтобы определить его значение. Разум разрушает явление для того, чтобы оживить его для себя в новой красоте и в новой жизни... От процесса разлагающего разума умирают только такие явления, в которых разум не находит ничего своего и объявляет их только эмпирически существующими, но не действительными» (3, 6, 270). Здесь форма идеалистична, но за ней скрывается правильная мысль о том, что путем анализа мышление не отходит от истины, а приближается к ней, отделяя ее от лжи и глубже проникая в суть явления.

На основе идеалистической диалектики Белинский разбирает и вопрос об абстракции как методе научного познания. «До постижения идеи,— говорит он,— мы доходим искусственным путем отвлечения: следовательно, идея сама по себе есть только одна сторона предмета, искусственно отделяемая нами от живой всецелости предмета, для того чтоб нам можно было отрешиться от непосредственного, эмпирическо-

го способа понимать этот предмет» (3, 6, 582). Но критик знает, что познание не может закончиться абстракцией. Еще в одном из писем Бакунину он писал, что знание всякой действительности, чтобы быть истинным, должно быть конкретным. Он и к понятию конкретного подходит диалектически и определяет его как единство всех сторон, всех элементов предмета.

Какую роль в теории познания Белинский отводит практике? Вся его философия пронизана идеей о единстве теории и практики. Он не рассматривает практику как материально-производственную деятельность людей, но он видит в ней форму общественной деятельности. Он приближается к пониманию, что наука, теория возникает и развивается на основе практических потребностей людей.

В своей ранней статье «Опыт системы нравственной философии А. Дроздова», в которой он превозносит априорное познание и отрицает значение эмпирического, критик пытается вместе с тем поставить вопрос об опыте, т. е. о совокупности фактов как о критерии истины. Он высказывает мысль о возможности «поверки умозрения опытом». «Если умозрение верно, то опыт непременно должен подтверждать его в приложении... Если факты поняты верно, они непременно должны подтверждать умозрение...» (3, 2, 243). Однако этот правильный тезис обосновывается критиком в чисто идеалистическом духе: он утверждает, что само «опытное знание» есть умозрительное, что факт имеет значение не сам по себе, а по тому понятию, которое мы к нему прилагаем. В более зрелых своих произведениях Белинский говорит о единстве теории и практики в процессе познания,

причем первенствующую роль отводит практике. «Так как человек не только существует, но еще и мыслит, то всякий предмет, в отношении к нему, существует не только практически, но и теоретически, и человек только тогда вполне владеет предметом, когда схватывает его с этих обеих сторон. Но одно практическое обладание предметом еще значит что-нибудь, тогда как одно теоретическое ровно ничего не значит» (3, 7, 391—392). Белинский называет ложным и пустым все, что «не подходит под мерку практического применения» (3, 7, 389). «Дело — в деле» (3, 7, 392), — заявляет он.

Белинский критикует современную ему философию за отрыв от жизни, от практики. Он ставит вопрос о необходимости при решении социологических проблем учитывать активное воздействие человека на природу (см. 3, 3, 197; 6, 274—275). Создавая революционно-демократическую эстетику, Белинский основой ее провозглашает художественную практику, считая, что эстетическая теория должна не учить художников творчеству, а выводить законы изящного из уже существующего искусства. Все это говорит о том, что Белинский видел огромную роль практики в процессе познания, но все же в его гносеологии практика так и не заняла нужного места ни как основа познания, ни как критерий истины.

Белинский на всех этапах своего развития безоговорочно признавал познаваемость мира. Осуждая агностицизм, он писал: «Величайшая слабость ума заключается в недоверчивости к силам ума» (3, 8, 274). Он утверждал, что «скептицизм отчаивается в истине и не ищет ее» (3, 6, 269). Критик считал, что существует и объек-

тивная и абсолютная истина. Истина, говорил он, есть «общее, необходимое, вечное» (3, 5, 231). Белинский подходил и к этой проблеме как диалектик. Наряду с абсолютной он признавал и относительную истину, считая, что условное и относительное составляют форму безусловного (см. 3, 7, 431). Заявляя, что все на свете относительно, он ставит риторический вопрос: «Как,— скажут нам,— истина и добродетель — понятия относительные?» — «Нет,— дает ответ Белинский,— как понятие, как мысль они безусловны и вечны; но как осуществление, как факт они относительны. Идея истины и добра признавалась всеми народами, во все века; но что непреложная истина, что добро для одного народа или века, то часто бывает ложью и злом для другого народа, в другой век» (3, 10, 23). Поэтому, делает вывод критик, не сомневаясь в существовании истины вообще, можно сомневаться в тех или иных истинах: «...истины преходящи, но истина вечна!» (3, 6, 473).

Подобно Гегелю, Белинский считает, что истина не рождается готовой, что она представляет собой процесс (см. 3, 8, 318). Он объясняет это тем, что мысль человеческая не в состоянии охватить всю абсолютную истину; поэтому, открывая часть ее, человек понимает, что не все еще познал, и стремится к новым открытиям. Белинский высмеивает те «робкие умы», которые верят только в абстрактную истину, раз навсегда данную и неизменяемую, возникающую совсем готовой, как «Паллада из головы Зевса». «По недостатку исторического такта,— говорит критик,— эти умы не могут понять, что истина развивается исторически, что она сеется, поливается потом и потом жнетса, молотится и веется и

что много шелухи должно отвеять, чтобы добраться до зерен» (3, 8, 318). Исторический характер истины Белинский показывает на примере немецкой классической философии. Он указывает на последовательную смену учений Канта, Фихте, Шеллинга и Гегеля, каждый из которых не доказывал бесплодность труда своего предшественника, а использовал этот труд как основание своей философии или плодотворный элемент, вошедший в нее. В результате этого мышление в Германии сделало огромный шаг вперед (см. 3, 8, 318).

Вопрос об абсолютной и относительной истине Белинский разрешает, рассматривая его не только в историческом, но и в социальном аспекте. Он указывает, что любой, даже великий, человек представляет собой существо ограниченное в смысле своих возможностей: будучи проницательным в одном, он часто не способен понимать другое. По-иному обстоит дело в человеческом обществе: «Ограничен разум человека, но зато безграничен разум человеческий, то есть разум человечества... В процессе общечеловеческой жизни все ложное и ограниченное каждого человека улетучивается, не оставляя по себе следа, а все истинное и разумное дает плод сторицею» (3, 8, 274). Познание человечеством истины критик представляет себе как непрерывный процесс, совершающийся по восходящей линии. В отличие от Гегеля, полагавшего, что процесс познания завершается достижением абсолютной истины, Белинский считал этот процесс бесконечным.

Познание, по Белинскому,— это борьба противоположностей: истины и заблуждения. Историческое развитие истины есть ее победа над

ложью, над заблуждением. Поэтому, говорит Белинский, нельзя жить старыми преданиями, противоположными «новым истинам, открытым наукою, выработавшимся из исторических движений» (3, 6, 285). Здесь он явно намекает на господство в России старых «истин» крепостнической идеологии, опровергаемых и наукой, и «историческими движениями», т. е. объективным ходом вещей.

Развивая свои мысли о борьбе истины с ложью, с «заблуждениями эпохи», Белинский подчеркивает необходимость выявления зла, его обнаружения. «Ложь гораздо опаснее и страшнее, когда существует невидимкою и призраком: чтобы уничтожить ее, должно не мешать ей дойти до своей последней крайности, впасть в нелепость, сделаться смешною... Когда преследуешь зло, надо видеть его перед собою, чтобы можно было показать его и другим» (3, 5, 305).

Имея в виду прежде всего крепостническую и славянофильскую идеологии, Белинский выступает с резкой критикой догматизма. Он противопоставляет догматику ученого, который страстно ищет истину, «тревожимый внутренними вопросами, мучимый страшными сомнениями» и готовый всегда признать свои ошибки, если он допустит их в этих поисках. «Только тот не ошибался в истине,— говорит критик,— кто не искал истины, и только тот не изменял своих убеждений, в ком нет потребности и жажды убеждений» (3, 7, 106).

Серьезный вклад в теорию познания представляют идеи Белинского о познавательной роли искусства. В этом вопросе тесно переплетаются между собой теория познания и эстетика

великого критика. В познании мира Белинский отводит искусству и литературе огромное место. В ранний период своего творчества он предполагал, как уже отмечалось, что литература в этом отношении имеет даже преимущества перед наукой, которая будто бы может только анализировать явления, тогда как литература способна к синтезу. В дальнейшем Белинский отказался от этой ошибочной точки зрения, но до конца жизни считал, что в познании мира искусство играет огромную роль, что оно представляет собой особую форму познания истины.

Он неоднократно указывал на общность науки и литературы, заключающуюся в стремлении к истине. На первый взгляд иногда кажется, что Белинский отождествлял содержание литературы и науки. Он высказывался в этом духе неоднократно, заявляя, что наука и искусство отличаются друг от друга только формой, в которой выражается одно и то же содержание. Для искусства характерна образная форма, а для науки — понятия и силлогизмы. В своей работе «Сочинения Державина» Белинский утверждает, что «со стороны содержания поэтическое произведение — то же самое, что и философский трактат», что «в этом отношении нет никакой разницы между поэзией и мышлением» (3, 6, 591). Но философия действует прямо через разум и на разум, чувство и фантазия играют здесь лишь вспомогательную роль, в поэзии же, напротив, фантазия является главной действующей силой. «Поэзия рассуждает и мыслит — это правда, ибо ее содержание есть так же истина, как и содержание мышления; но поэзия рассуждает и мыслит образами и картинами, а не силлогизмами и дилеммами» (3, 6,

591). В одном из своих последних произведений — «Взгляд на русскую литературу 1847 года» — Белинский развивает эту мысль еще более определенно. «Видят,— пишет он,— что искусство и наука не одно и то же, а не видят, что их различие вовсе не в содержании, а только в способе обрабатывать данное содержание. Философ говорит силлогизмами, поэт — образами и картинами, а говорят оба они одно и то же... Один доказывает, другой показывает, и оба убеждают, только один логическими доводами, другой — картинами» (3, 10, 311).

Казалось бы, вопрос ясен: Белинский отождествляет содержание науки и искусства. Однако в действительности это не совсем так. Прежде всего надо учесть, что, сближая таким образом науку и искусство, Белинский имеет в виду не точные, а только гуманитарные науки: философию, историю, политическую экономию, на что он указывает сам. Кроме того, возникает вопрос: что подразумевает критик под общим содержанием науки и искусства? Если внимательно проследить его высказывания на эту тему, то можно убедиться, что речь идет не о конкретном содержании, а о самых общих понятиях, прежде всего об истине. «Содержание науки и литературы одно и то же — истина...» (3, 9, 157). Эту мысль он повторяет неоднократно, заменяя иногда понятие истины другими общими понятиями — бытие, действительность.

Сближая содержание науки и искусства в таком общем, отвлеченном плане, Белинский совершенно прав. Ему это сближение потребовалось для того, чтобы подчеркнуть право поэта на мышление. Критик напоминает, что было

время, когда общее мнение отнимало у поэта ум, а у философа сердце. «Поэзия считалась откровением каких-то исступленных вдохновений, а поэтическое произведение—чем-то вроде изречений Пифии, в судорогах кривляющейся на священном треножнике» (3, 7, 49). Отвергая такой подход к художественному творчеству, Белинский заявляет, что «поэт нашего времени есть в то же время и мыслитель» (3, 7, 50), и называет «Фауста» и «Прометея» Гёте философской поэзией. «Дух анализа, неукротимое стремление исследования, страстное, полное вражды и любви мышление сделалось теперь жизнью всякой истинной поэзии» (3, 7, 344), — утверждает критик.

Это не значит, однако, что Белинский считает тождественным конкретное содержание научных исследований и художественного творчества. Что, по мнению критика, может быть предметом поэтического произведения? Он утверждает, что поэт совершенно свободен в выборе этого предмета, что для него тут нет ограничений. «Всякая поэзия должна быть выражением жизни, в обширном значении этого слова, обнимающего собой весь мир, физический и нравственный» (3, 7, 319). Любые явления, по мнению Белинского, могут быть предметом поэтического изображения. Он ссылается при этом на Пушкина, на его удивительную способность делать поэтическими самые прозаические вещи. Пушкин, говорит он, брал первый попавшийся ему под руку предмет, «и все у него являлось поэтическим» (3, 7, 337).

Углубляя свое понимание содержания искусства, критик говорит, что оно не допускает идей отвлеченных, и тем более рассудочных, а

берет лишь идеи поэтические. Первые являются плодом ума, мысли, вторые — не только мысли, но и любви, страсти, пафоса (см. 3, 7, 311—312), а также художественной интуиции. В научном познании главную роль играет мысль, в поэтическом — чувство. А это значит, что наука и искусство, даже познавая один и тот же предмет, рассматривают его под разным углом зрения. Искусство отражает действительность через духовный мир человека, что не присуще науке. Следовательно, их содержание различно. Белинский не формулирует это положение, но такой вывод логически следует из основных суждений критика об искусстве и его познавательной роли. Белинский наглядно показывает особое содержание художественных произведений, открытие ими таких «тайн» жизни, которые не могут быть познаны ни непосредственным восприятием, ни наукой.

Особенно большое значение, по мнению Белинского, поэзия имеет для познания внутреннего мира человека. «Для искусства нет более благородного и высокого предмета, как человек» (3, 5, 303). Критик видит великое значение искусства в том, что «поэт освещает пламенником своей фантазии все сердечные изгибы своих героев, все тайные причины их действий...» (3, 10, 42). Раскрытие внутренней жизни человека, по мнению Белинского, является особенно трудной задачей, которая решается именно искусством. Эта задача трудна потому, что «непостижимо сердце человеческое»; «сердце наше — вечная тайна для нас самих» (3, 7, 349). Вот эти-то тайны и открывают великие поэты: сколько обнаженных тайн человеческой природы у «глубокого сердцеведа» Шекспира, у Пушкина, побуж-

дающего нас «вдумываться... в тайное святилище собственной души» (3, 5, 535), у Гоголя, заставившего своих персонажей открыть «такие сокровенные изгибы их натур, в которых они не сознались бы сами себе под страхом смертной казни» (3, 6, 428). Белинский напоминает о многочисленных, невыразимых без творческой силы поэзии чувствах, которые благодаря ей «выпархивают на свет», становятся достоянием не одного, а многих людей.

Что же, по мнению критика, необходимо для художника, чтобы превратить свои произведения в мощное средство познания действительности? Прежде всего изображение ее такой, какая она есть. «Только жалкие писаки подбеливают и подрумянивают жизнь... Истина выше всего» (3, 6, 35). Однако это не значит, что художественные произведения должны быть простой копией явлений жизни. «Списывают с природы не живописцы, а маляры, и их списки — чем вернее, тем безжизненнее для всякого, кому неизвестен подлинник» (3, 5, 567). Истинно художественные творения, говорит Белинский, точнее отображают жизнь, чем зеркало. В них действительность больше походит на действительность, чем она походит сама на себя (см. 3, 3, 460). Так на портрете, сделанном великим живописцем, человек особенно похож на самого себя, «ибо великий живописец резкими чертами вывел наружу все, что таится внутри того человека и что, может быть составляет тайну для самого этого человека» (3, 6, 526—527). Чтобы образно показать эту могучую познавательную силу искусства, Белинский говорит, что оно воспроизводит жизнь, как выпуклое стекло. Это является следствием того, что художник, изо-

бражая предмет, не только воспроизводит его как явление, но и раскрывает его сущность. Так, определив роль искусства в познании мира, критик исходит из диалектики философских категорий сущности и явления.

Но что такое сущность факта, по мнению Белинского? Критик говорит, что она заключается не в самом частном факте, а в его общем значении. Когда поэт озаряет факт «светом общего значения», тогда он открывает его сущность. Следовательно, не только наука, но и искусство в процессе познания в частном выявляет общее. Белинский утверждает, что «в поэтическом произведении устраняется все случайное и постороннее, а представляется одно необходимое и знаменательное...» (3, 7, 54).

Однако выявление общего в частном происходит в искусстве по-иному, чем в науке. Характерным для него является выражение общего в частном путем создания типических образов. Типизация связана с тем, что поэт берет самые характерные черты описываемых им лиц, а все случайное опускает. Эстетическая категория типического представляет собой одну из форм философских категорий единичного и общего. «В типе,— пишет Белинский,— заключается торжество органического слияния двух крайностей — *общего* и *особного*» (3, 5, 318—319). Критик сравнивает отношение типических образов к явлениям действительности с отношением родов к видам и говорит, что эти образы, при всей своей индивидуальности, заключают в себе общие родовые черты. Поэтому каждое лицо в художественном произведении есть представитель бесчисленного множества лиц одного рода. Особенно удачным критик считает тип Хлеста-

кова из «Ревизора». При этом Белинский показывает более широкое и важное значение типизации; типичное — это обобщение не только человеческих характеров, но и общественных явлений. Белинский заявляет, что Хлестаков — это «общая идея, обособившаяся в художественно созданном лице, это *лицо* и вместе — *идея...*» (3, 5, 319). Критик имеет здесь в виду в первую очередь хлестаковщину, пронизавшую собой жизнь николаевской России. Ведь и Герцен писал, что Хлестаков — это «вечный тип... повторяющийся от волостного писаря до царя» (18, 2, 267).

По мнению Белинского, в художественном произведении отражается личность самого художника. Он называет это субъективным началом в поэзии, без которого нет истинного искусства. К такому мнению критик пришел не сразу. В первые два периода своего творчества он требовал от художника полного беспристрастия и видел в этом беспристрастии один из главных признаков таланта. Но с начала 40-х годов он резко изменил свой подход к этому вопросу. В своей рецензии на «Мертвые души» он заявил, что видит их величайшее достоинство в том, что в них *ощутимо* проступает субъективность автора. «Здесь мы разумеем не ту субъективность, которая, по своей ограниченности или односторонности, искажает объективную действительность изображаемых поэтом предметов; но ту глубокую, всеобъемлющую и гуманную субъективность, которая в художнике обнаруживает человека с горячим сердцем, симпатичною душою и духовно-личною самостию, — ту субъективность, которая не допускает его с апатическим равнодушием быть чуждым миру,

им рисуемому, но заставляет его проводить через свою *душу живу* явления внешнего мира, а через то и в них *вдыхать душу живу»* (3, 6, 217—218).

В дальнейшем Белинский дает еще более глубокое толкование субъективности. Он доказывает, что художник не может не отразиться в своем произведении как человек, как характер, как натура, следовательно, как определенная личность. Даже если поэт имеет способность изображать явления без всякого отношения к самому себе, то это тоже есть выражение его натуры, но эта способность не безгранична. В качестве примера критик приводит Шекспира, кажущегося равнодушным к изображаемому им миру, но не избежавшего того, что его личность просвечивает сквозь его творения. Углубляя понятие субъективности в искусстве, Белинский доказывает, что через отражение личности в художественном произведении отражается также дух народа и эпохи, так как всякий художник — гражданин своей страны и сын своего времени.

Теория познания Белинского, в которой ярко проявился его диалектический метод и постепенно побеждали материалистические тенденции, является одним из важных завоеваний его философской мысли.

ПОЭЗИЯ И ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ

Белинский был основоположником русской материалистической революционно-демократической эстетики. К анализируемым им эстетическим проблемам, которые переплетаются с общепhilosophическими вопросами, относится прежде всего вопрос об отношении искусства к действительности — одно из главных достижений Белинского в области эстетики.

В мировоззрении Белинского материалистические тенденции проявились прежде всего в его «философии изящного». Отличие эстетики Белинского от гегелевской, ценные элементы которой были им восприняты, заключается прежде всего в преодолении идеализма. Если для Гегеля искусство есть лишь первая форма самораскрытия абсолютного духа, то, по Белинскому, оно представляет собой «воспроизведение действительности, повторенный, как бы вновь созданный мир» (3, 10, 305). Материалистическому решению эстетических проблем критиком мешало его идеалистическое понимание общественной жизни. Однако можно согласиться с советскими философами А. А. Галактионовым и П. Ф. Никандровым, что через одно из конкретных общественных явлений, т. е. через эстетику, Белинский приближался к материалистическому истолкованию общества (см. 16, 304).

Решая вопрос об отношении искусства к действительности материалистически, русский мыслитель пытался соединить здесь материализм с диалектикой. Духом диалектики пронизана вся его эстетика. Диалектический подход к «философии изящного» выразился у него уже в определении ее задач. «Задача истинной эстетики,— пишет Белинский,— состоит не в том, чтоб решить, чем должно быть искусство, а в том, что такое искусство. Другими словами: эстетика не должна рассуждать об искусстве, как о чем-то предполагаемом, как о каком-то идеале, который может осуществиться только по ее теории: нет, она должна рассматривать искусство, как предмет, который существовал давно прежде ее и существованию которого она сама обязана своим существованием» (3, 6, 585). Еще Плеханов отметил глубокий смысл этого положения, выдвинутого Белинским, понимание им диалектической зависимости движения идей от развития объективного мира. Критик утверждает, что корни настоящего искусства находятся в действительности (см. 3, 9, 40), что жизнь «всегда выше искусства, потому что искусство есть только одно из бесчисленных проявлений жизни» (3, 7, 305) и т. д.

Характеризуя искусство «как зеркало действительности», Белинский особое значение придает отражению социальных проблем. «В наше время,— говорит он,— искусство и литература больше, чем когда-либо прежде, сделались выражением общественных вопросов, потому что в наше время эти вопросы... сделались для всех интересом первой степени, стали во главе всех других вопросов» (3, 10, 306). Критик заявляет, что «мерой достоинства поэти-

ческого произведения» является правильное отражение жизни, и под этим углом зрения анализирует творчество каждого писателя. «Чем выше поэт,— говорит критик,— тем более выражается в нем... дума его времени» (3, 6, 124).

Считая, что одним из главных свойств поэта является «такт действительности», что без него нет оригинального художника, т. е. нет художника вообще, Белинский резко критикует современную ему бездарную литературу за искажение ею жизни. Он противопоставляет ей Пушкина, который «в высшей степени обладал этим тактом действительности» (3, 7, 333). Подобным «тактом действительности» обладал, по определению Белинского, и Гоголь. «Все сочинения Гоголя посвящены исключительно изображению мира русской жизни, и у него нет соперников в искусстве воспроизводить ее во всей ее истинности» (3, 10, 294).

Проблема взаимоотношения действительности и искусства не сводится Белинским к вопросу о воспроизведении действительности в художественных произведениях. Он приходит к выводу, что искусство есть не только «зеркало жизни», но и ее порождение. «...Действительность,— пишет он,— относится к искусству и литературе, как почва к растениям, которые она возвращает на своем лоне» (3, 6, 527). Исходя из диалектического понимания взаимосвязи всего сущего, Белинский утверждает, что поэзия тесно связана не только с другими сферами общественного сознания, но и с историей своего народа, что она испытывает на себе влияние «времени и местности». Он выдвигает вопрос о создании исторической критики, т. е. такой критики, которая исходила бы из анализа эпо-

хи, породившей художника, и выясняла бы его значение для этой эпохи. Считая, что в истории искусств все так же преемственно, как и в истории человечества, Белинский, продолжая традиции Гегеля, подходит к художественному творчеству исторически. Смену его этапов, направлений, жанров он рассматривает как исторический процесс. Преобладание того или иного направления в каждый период истории он объясняет особенностями времени. Отмечая односторонности романтизма и классицизма, он выявляет одновременно то положительное, что они дали искусству, и доказывает закономерность смены их реализмом.

В отличие от Гегеля, который относил расцвет искусства к прошлому и считал, что теперь оно находится в упадке, критик доказывает, что современное искусство, становясь реалистическим, переживает подъем. В противоположность немецкому философу Белинский заявляет, что искусство «неисчерпаемо и неистощимо, как сама действительность» (3, 6, 90).

Большое значение Белинский придает национальным особенностям искусства и объясняет отличие друг от друга английской, немецкой, французской и американской литератур особенностями истории каждой страны. Весьма глубоко его суждение о том, что к каждой национальной литературе надо подходить с особой меркой, что, например, французскую литературу, где каждый выдающийся писатель «имеет право на место... и в истории Франции», нельзя рассматривать с позиций немецкой эстетики, которая «вышла из ученого кабинета» (3, 9, 453).

Большое внимание он уделяет особенностям русской литературы. К ее истории он обращает-

ся во многих своих произведениях, начиная с «Литературных мечтаний». Действительным и первым ее историком он становится в 40-х годах, в особенности в своих блестящих статьях о Пушкине (1843—1846 гг.). Здесь особенно ярко проявляется исторический метод Белинского. Стремясь понять историю литературы как закономерный процесс, он показывает преемственность в творчестве крупных русских писателей, зависимость творений каждого из них от исторических условий и дает историю отечественной литературы на основе истории русского общества. Сам он так характеризует метод, применяемый им при изучении этой истории: «Наблюдая за ходом отечественной литературы, мы, естественно, часто должны были в прошедшем отыскивать причины настоящего и прозревать в историческую связь явлений» (3, 7, 106).

Так же диалектически Белинский подходит и к творчеству каждого отдельного художника. «Два обстоятельства,— говорит он,— творят великих поэтов—натура и история» (3, 6, 123). Он пишет, что личность поэта не стоит особо, вне всяких влияний, что он гражданин своей земли и сын своего века, что в его творениях отражаются особенности его народа и дух времени. Высмеивая «эмпирическую критику», которая пыталась объяснить мрачный характер поэзии Байрона тем, что он был «несчастен в жизни» и имел «раздражительный характер», Белинский утверждает, что «подобные малые причины не могут иметь своим результатом такие великие явления, как поэзия Байрона» (3, 6, 586). Чтобы разгадать ее тайну, говорит далее критик, надо сначала разгадать «тайну эпохи, им выраженной», а для этого надо «факелом фило-

софии осветить исторический лабиринт событий», по которому шло человечество, и «определить философски градус широты и долготы того места пути, на котором поэт застал человечество в его историческом движении» (3, 6, 586).

Белинский никогда не упрощает проблему связи художника с его эпохой. Он видит, что расцвет искусства не всегда совпадает с расцветом общества. Белинский выдвигает мысль, что значение и неувядаемость поэзии каждого исторического периода зависят от значения этого периода для истории человечества. К показателям же значительности эпохи критик относит и наличие в ней противоречий и борьбы как двигателей исторического процесса. Он высказывает свое несогласие с немецкой эстетикой, считавшей необходимыми условиями для художественного творчества гармонию, тишину и примирение. Белинский называет представителей этой эстетики «отживающими свой век» (3, 10, 94) и ищет в противоречиях общественной жизни источник процветания поэзии. Объясняя творчество Шекспира глубокими конфликтами его времени, Белинский указывает, что появление его именно в Англии не было случайностью, так как эта страна являлась тогда средоточием мировых противоречий. Все это создало предпосылку для общечеловеческого, «мирообъемлющего» содержания творений Шекспира.

К выводу о том, что общественные противоречия могут порождать расцвет искусства, Белинский пришел не только изучая Шекспира, но и размышляя над бурным развитием современной ему русской литературы. Он останавливается и на противоречиях другого рода, которые не содействуют расцвету литературы, а тормо-

зят ее развитие,— на антагонизмах между обществом и художником. Так, называя Державина «богатырем нашей литературы», он вместе с тем констатирует, что этот поэт не создал ни одного по-настоящему художественного произведения из-за исторического положения современного ему общества, которое требовало от художника только «высокопарности» (см. 3, 7, 118, 266). И о Батюшкове критик пишет, что его «превосходный талант был задушен временем» (3, 7, 248). На это же намекает его полное гнева, прикрытого сарказмом, сообщение Кетчеру о гибели Лермонтова (см. 3, 12, 61).

Анализируя зависимость творчества каждого художника от противоречий его времени, Белинский подмечает, что даже один и тот же литературный образ у разных поэтов приобретает различные черты, обусловленные их эпохой. Тут критику помогает его талант переводить художественные образы на язык философских категорий. Так, он показывает, что образ демона, являющийся поэтическим воплощением отрицания, по-разному толкуется поэтами в зависимости от места и времени.

«Гёте,— пишет критик,— схватил его только за хвост в своем Мефистофеле, а в лицо только слегка заглянул ему. Зато колоссальный Байрон... гордо мерялся с ним силою духа и, как равный равному, подал ему руку на вечную дружбу» (3, 6, 478). Особенно интересует Белинского разная интерпретация демона Пушкиным и Лермонтовым. Он считает, что в ней отразилось различие не только их поэзии, но и их эпох. Нет двух поэтов, столь существенно различных, как Пушкин и Лермонтов (см. 3, 7, 36), говорит Белинский и объясняет это разли-

чие тем, что лермонтовская поэзия выросла на почве гордого и беспощадного отрицания, которое еще не было таким сильным в эпоху Пушкина. Поэтому в своем маленьком стихотворении «Демон» Пушкин изобразил его простым отрицанием истины, красоты и блага. Лермонтовский же демон, по мнению Белинского, — синоним «движущей силы духа человеческого и исторического» (3, 6, 477), которая отрицает для утверждения и разрушает для созидания. «Это демон движения, вечного обновления, вечного возрождения» (3, 7, 555).

Отмечая связь великих художников с их временем, Белинский говорит, что эта связь является необходимым условием для жизни их творений в будущем. Это особенно ярко показано им при анализе творчества Пушкина. Критик называет великого поэта представителем впервые пробудившегося общественного самосознания, первым на Руси народным поэтом, выразившим интересы всего современного ему русского общества. Это и послужило предпосылкой неувядаемого значения поэта для будущих поколений. Критик объясняет это не только тем, что в произведениях великого поэта проявились во всем блеске акустическое богатство, мелодия и гармония русского языка, не только совершенством формы, находящейся в органическом единстве с содержанием, но и глубиной этого содержания, тайны которого раскрываются не сразу.

Материалистически критик подходит и к эстетическим категориям трагического и комического. Трагедию в искусстве он рассматривает как отражение трагедии в жизни. Он видит трагическое уже в биологических основах человеческого существования, в смертности челове-

ка. «Возможность трагического,— говорит он,— заключается в условиях ограниченности нашей личности, которой бытие отделяется от небытия едва заметною и слабою нитью, волосом, готовым порваться от дуновения ветра, и порваться невозвратно...» (3, 6, 19). Обращаясь к трагическому в нравственной и социальной областях и к его отражению в литературе, критик видит, что характер трагедии в искусстве изменяется вместе с историей общества. Белинского особенно интересует отражение в литературе трагической судьбы человека в самовластном, тираническом государстве. Трагедию современной ему русской жизни он видит в противоречии между назревшей потребностью изменить общественный строй России и отсутствием социальных сил, способных эту задачу осуществить. Он указывает на то, что эта трагедия находит свое отражение не только в специальных драматургических произведениях, но и в других литературных жанрах. Остановившись на трагическом положении Онегина, Печорина, Бельтова, Белинский объясняет его невозможностью для них делать то, что они могли бы и что нужно было делать. Критик считает, что все они осуждены были томиться никогда не удовлетворяемой жадной деятельностью и тоской бездействия. Белинский отмечает, что особым даром вскрывать трагическое в действительности обладал Достоевский. Он говорит, что главную силу таланта этого писателя составляет глубокое понимание и художественное воспроизведение трагической стороны жизни (см. 3, 10, 364). Смысл трагического в русской действительности особенно виден в той характеристике «Бедных людей», которую Белинский устно дал пришедшему к

нему Достоевскому: «Да ведь этот ваш несчастный чиновник — ведь он до того заслужился и до того довел себя уже сам, что даже и несчастным-то себя не смеет почесть от приниженности и почти за вольнодумство считает малейшую жалобу, даже права на несчастье за собой не смеет признать, и когда добрый человек, его генерал, дает ему эти сто рублей — он раздроблен, уничтожен от изумления, что такого, как он, мог пожалеть «их превосходительство», не его превосходительство, а «их превосходительство», как он у вас выражается! А эта оторвавшаяся пуговица, а эта минута целования генеральской ручки, — да ведь тут уж не сожаление к этому несчастному, а ужас, ужас! В этой благодарности-то его ужас! Это трагедия!» (22, 541—542). Трагедию русской жизни, отраженную в творчестве Достоевского, Белинский видит в приниженности человека, в отсутствии у него человеческого достоинства, в том страшном отпечатке, который наложило на него вековое рабство.

Большое значение Белинский придает эстетической категории комического. Он называет комедию цветом цивилизации, плодом развившейся общественности. Сущность комедии, по мнению Белинского, — это противоречие жизни с ее назначением; поэтому жизнь, такая, как она есть, отрицается в комедии. Критик считает, что показ жизни с отрицательной стороны нужен для того, чтобы побудить нас к ее изменению, чтобы помочь нам понять, какой она должна быть. Он говорит о юморе как о «могущественном элементе творчества, посредством которого поэт служит всему высокому и прекрасному, даже не упоминая о них, но только верно воспро-

изводя явления жизни, по их сущности противоположные высокому и прекрасному...» (3, 9, 547). Презрительно отзываясь о тех комедиях, которые затрагивают лишь внешнее, мелкое, ничтожное, критик пишет, что настоящая комедия и сатира — это громовое негодование, «гроза духа, оскорбленного позором общества» (3, 4, 522). Белинский отмечает, что комизм, юмор, ирония не всем доступны, что они понятны только глубокому и сильно развитому уму. Он говорит, что тем более «толпа», т. е. обыватель, не понимает «иронии исторической жизни». «...Смотря на верно воспроизведенные явления пошлой ежедневности, она не видит из-за них незримо присутствующие тут же светлые образы» (3, 8, 90).

Белинский отмечает исключительное значение комедий Грибоедова и Гоголя. Юмор Гоголя является для него могучим оружием борьбы с «гносной расейской действительностью». Он не может говорить об этом открыто, но эта мысль пронизывает все его многочисленные высказывания о Гоголе. Он отмечает особенности гоголевского юмора и вскрывает за ним трагизм русской жизни того времени. Приводя слова самого Гоголя о том, что его комедии — это «видимый миру смех и невидимые миру слезы», Белинский показывает удивительную способность великого русского писателя сливать воедино трагическое и комическое. Критик говорит, что из всех произведений европейской литературы примером подобного слияния является только «Дон-Кихот» Сервантеса. Но Гоголь пошел еще дальше: в «Старосветских помещиках» и в «Шинели» он сумел открыть трагическое в пошлости жизни.

В эстетике Белинского значительное место занимает вопрос о поэзии как искусстве. Он говорит, что художественное творчество может осуществляться лишь на основе «законов изящного», которые нельзя безнаказанно нарушать. Идеи критика об этих законах мы не будем разбирать: в задачу данной работы это не входит. Отметим лишь, что, разрабатывая этот вопрос, Белинский использовал опыт мировой и русской литературы, в особенности творчество Пушкина, «вооруженного всеми чарами поэзии» (3, 7, 318).

Считая, что искусство требует прежде всего органического единства содержания и формы, критик указывает, что Пушкин создал такую поэтическую форму, без которой настоящая поэзия в России не могла бы возникнуть. «Какая легкость, какая прозрачность! На каждом стихе, даже отдельно взятом, так и виден след художнического резца, оживлявшего мрамор!» (3, 7, 328). Но заслуга Пушкина заключается не только в создании совершенной формы. Он своим творчеством показывает сущность поэзии в философском смысле. Белинский говорит, что великий поэт открыл ему «тайну» поэзии, помог «уразуметь поэзию в ее внутренней сущности» (3, 7, 320). Эта «тайна» состоит в том, что первоисточник поэзии находится в действительности. «Поэзия,— говорит критик,— прежде всего есть жизнь, а потом уже искусство» (3, 7, 52). И еще: «Поэзия не в одних книгах: она в дыхании жизни, в чем бы ни проявлялась эта жизнь — в природе, в истории или в частном быте человека» (3, 7, 94).

Русский мыслитель рассматривает поэзию как оптимистическую сторону бытия, как «улыб-

ку жизни». Он считает, что именно Пушкин умел воспринимать эту «улыбку жизни», как никто. Даже грустные стороны жизни отражались в его восприятии поэтически; грусть звенит у него всегда, «не заглушая гармонии других звуков души» (3, 7, 295). Гениальность Пушкина Белинский видит в глубокой поэтичности его натуры, в ее «артистическом изяществе». Он пишет, что творец «Евгения Онегина» созерцал природу и действительность под особым поэтическим углом зрения и поэтому не нуждался в выборе предметов для своих произведений: у него все предметы, даже самые прозаические, содержали в себе поэзию. «Не только стих, но каждое ощущение, каждое чувство, каждая мысль, каждая картина исполнены у него невыразимой поэзии» (3, 7, 323).

Чем же поэзия отличается от красоты? Иногда у Белинского эти понятия сливаются, иногда же он отличает их друг от друга. Поэзия — это красота, полная жизни, «сопутствующая харитой любви», вызывающая в нас «гармонию счастья» (3, 7, 321, 322).

Взгляд Белинского на важнейшую эстетическую категорию — категорию прекрасного — изменялся вместе с эволюцией его философии. В первый период он рассматривал проблему красоты с субъективистских позиций. В 1835 г. он писал: «Описание красот природы создается, а не списывается; поэт из души своей воспроизводит картину природы или воссоздает виденную им; в том и другом случае эта красота выводится из души поэта, потому что картины природы не могут иметь красоты абсолютно; эта красота скрывается в душе, творящей или созерцающей их... Жизнь и красота приро-

ды таятся в сокровищнице души нашей» (3, 1, 368). В последующем критик стал трактовать эстетическую категорию прекрасного в духе объективного идеализма. В 1842 г. в статье «Речь о критике А. Никитенко» он пишет, что нам нужна «красота мира идеального, мира бесплотного, мира разума, где от века заключены все прототипы живых образов...» (3, 6, 276). Но еще ранее, разбирая стихотворения Аполлона Майкова «Октава» и «Искусство», Белинский говорит в реалистическом духе о красоте природы, выражающейся в гармонии форм, красок и звуков и дающей неисчерпаемое содержание для творчества поэта.

В дальнейшем у Белинского устанавливается материалистический взгляд на красоту. Он говорит о красоте небосвода, солнечного луча, волнующейся нивы и пр. как об объективной реальности. Он отмечает, что в стройном ходе небесных светил «Пифагор видел не одну математику в факте, но и слышал гармонию миров...» (3, 7, 321). В отличие от Гегеля, ставившего красоту в искусстве выше красоты в природе, Белинский признает первичность прекрасного в природе. Он говорит, что даже великий художник, творя идеальную красоту, нуждается в «образце действительности». Критик доказывает, что природа бывает «колыбелью поэзии» не только для отдельных лиц, но и для целых народов. «Природа — вечный образец искусства», — утверждает Белинский и добавляет: «...а величайший и благороднейший предмет в искусстве — человек» (3, 10, 300). Он ищет красоту в явлениях «высшего мира — мира нравственного, мира судеб человека, народов и человечества» (3, 6, 21).

Русский мыслитель далек от натуралистического понимания красоты. Он видит сочетание объективного и субъективного в категории прекрасного. Красота, по его мнению, по-разному воспринимается различными людьми или совсем не воспринимается, если у человека не развито эстетическое чувство. Одна и та же красота может различно пониматься даже большими художниками. Белинский указывает, что у Жуковского природа была романтической, что поэт вкладывал в нее романтическую жизнь. Пушкин же воспринимал природу реалистически. Восприятие природы у Пушкина и Гёте тоже было различно. Пушкин, говорит Белинский, созерцал ее удивительно верно, но не углублялся в ее тайный язык; она была для него «полная невыразимого, но безмолвного очарования живая картина» (3, 7, 351). Для Гёте природа была раскрытой книгой идей; подходя к ней пантеистически, он заставлял ее высказывать свои сокровенные тайны. Белинский показывает, как различно воспринимается красота мадонны Рафаэля: одними — как неземная красота, таинство которой открывается только внутреннему созерцанию; другими — как строго классическая красота (см. 3, 10, 308—309). Все это говорит о том, что критик не исключал субъективного фактора из своего понимания прекрасного.

Развивая свое учение о красоте, Белинский приходит к мысли, что ее понимание в том или ином обществе зависит от исторических условий, что оно меняется с изменением общественной жизни людей. Греки, говорит он, понимали женскую красоту только как красоту строго правильную, с изящными формами, оживлен-

ную грацией. В средние века искали главным образом красоты нравственных качеств, духовной красоты, которая была сосредоточена в лице, в глазах. Однако, добавляет критик, средневековые ценители красоты впали в другую крайность, и женщины на их картинах кажутся бестелесными. Белинский далее утверждает, что современное ему представление о женской красоте выше прежних представлений о ней: это понятие далеко и от идеала древних, который сводится только к физической красоте, и от бесплотного идеала средних веков.

Белинский размышляет над проблемой прекрасного и безобразного в искусстве и приходит к выводу, что художественное произведение вправе изображать не только красоту, но и ее антипод — безобразное, так как в действительности они существуют как единство противоположностей. При изображении только одной стороны этого единства жизнь не будет воспроизведена в ее истинности, а где нет истины, там нет и красоты. Красота же художественного произведения может состоять в таком изображении безобразного, которое означает его отрицание и порождает стремление к прекрасному.

Итак, всесторонний анализ категории прекрасного ведется Белинским под углом зрения примата действительности по отношению к искусству.

Белинский подвергает критике теорию «чистого искусства», утвердившуюся в немецкой идеалистической эстетике и начавшую распространяться в России. В начале своих теоретических исканий он сам одно время разделял эту теорию. «Мы сами,— пишет он,— были некогда

жаркими последователями идеи красоты, как не только единого и самостоятельного элемента, но и единой цели искусства» (3, 6, 275—276). Но уже в начале 40-х гг. он отказывается от этой теории и заявляет: «Изящество и красота еще не все в искусстве» (3, 6, 275). Критик говорит, что изменение его взглядов на художественное творчество является не изменой его прежним убеждениям, а переходом в познании этого предмета с низшей ступени на высшую. «Понятие об искусстве не алгебраическая формула, всегда мертво неподвижная. Заключая в себе много сторон, оно требует развития во времени каждой из них, прежде чем дастся в своей полноте и целостности» (3, 6, 276). Белинский видит, что теория «чистого искусства» стала средством борьбы против творчества передовых русских писателей, и опровергает ее. Сначала он пытается сделать это, утверждая, что «чистое искусство» не соответствует современным требованиям. Произведения, говорит он, не имеющие ничего общего «с историческою и философическою действительностью современности», не возбудят сочувствия, так как теперь искусство есть «осуществление в изящных образах современного сознания, современной думы о значении и цели жизни, о путях человечества, о вечных истинах бытия...» (3, 6, 280).

В статьях 1847 г. Белинский, подходя к проблеме как материалист, дает более глубокую критику теории «чистого искусства». Он доказывает ее научную несостоятельность, развивая мысль о том, что такого искусства никогда и нигде не было и не могло быть, что оно не может существовать как «чистое», изолированное от других сфер жизни. Критик подтверждает

это как раз теми фактами из истории искусства, на которые ссылались обычно его противники для обоснования своей точки зрения. Искусство древних греков, говорит Белинский, как будто бы близкое к идеалу «чистого», в действительности выразило собой все элементы религиозной, политической, государственной, гражданской и частной жизни эллинов; его нельзя понять, не зная исторической и внутренней жизни этого народа. Кажется, что к «чистому искусству» приближается живопись итальянских школ XVI в. Но и особенности этой живописи, по мнению Белинского, порождены той эпохой: картины, как и в средние века, написаны на библейские темы, однако их религиозное содержание уже «мираж». Еще более неудачной, говорит критик, является ссылка «рыцарей небывалого чистого искусства» на Гёте, который в действительности был вполне сыном своего века и своей страны. ««Фауст» есть полное отражение всей жизни современного ему немецкого общества. В нем выразилось все философское движение Германии в конце прошлого и в начале настоящего столетия. Недаром последователи школы Гегеля цитовали беспрестанно в своих лекциях и философских трактатах стихи из «Фауста»» (3, 10, 310).

Эстетика Белинского была теоретическим обоснованием того направления в искусстве, которое его противники именовали «натуральной школой» и которое потом вошло в историю литературы под названием критического реализма. Основоположником этого направления критик справедливо считал Гоголя, но и сам он сыграл огромную роль в его утверждении. Признавая закономерность существования в истории раз-

личных направлений в искусстве, Белинский указывает, что их развитие подготовило «натуральную школу» как соответствующую зрелому, возмужалому искусству. Критик неоднократно останавливается на характерных особенностях «натуральной школы». Он подчеркивает, что главным ее принципом является «верность действительности». Писатели этой школы, говорит он, «воспроизводят жизнь и действительность в их истине» (3, 10, 16); им чужда риторика, т. е. вольное или невольное искажение действительности, ее идеализация. Белинскому в особенности ненавистна та лживая риторическая литература, которая, прикрываясь патетической фразой, является по существу охранительной. Противопоставляя ей писателей «натуральной школы», критик говорит, что человек у них является таким, каков он есть на самом деле, — не украшенным, не идеализированным. Не украшая и общественную жизнь, эти писатели сосредоточивают внимание на отрицательных ее сторонах, потому что таково веление времени.

Белинский показывает, что «натуральная школа» — живое, глубоко национальное направление русской литературы, борющееся за ее народность, т. е. за обращение к жизни народа, за выражение лучших, высших сторон его духа. Указывая, что новое искусство взялось служить важнейшим общественным интересам, Белинский видит в этом его силу. Он отстаивает социальные функции литературы, ее преобразующую роль в жизни России. «Отнимать у искусства право служить общественным интересам, — пишет он, — значит не возвышать, а унижать его, потому что это значит — лишать его самой живой силы, т. е. мысли, делать его предметом

какого-то сибаритского наслаждения, игрушкой праздных ленивцев. Это значит даже убивать его...» (3, 10, 311).

Эти мысли Белинского были истолкованы некоторыми дореволюционными и современными иностранными писателями, например Боуманом (см. 47), как «утилитаристское мировоззрение», «вульгарный утилитаризм», как «порабощение искусства». С другой стороны, представители вульгарного социологизма в нашем искусствоведении пытались использовать глубокие суждения великого критика о зависимости искусства от действительности и о его активном влиянии на жизнь для обоснования своих схем. В действительности «философия изящного» Белинского не имела ничего общего с вульгарной точкой зрения, сводящей эстетическое к социально-экономическим отношениям и классовым интересам. Он всегда указывал на специфику искусства, на самоценный характер эстетического, на колоссальное значение проблемы искусства, как такового. «Без всякого сомнения,— пишет он,— искусство прежде всего должно быть искусством, а потом уже оно может быть выражением духа и направления общества в известную эпоху» (3, 10, 303). И еще: «Чтобы быть выражением жизни, поэзия прежде всего должна быть поэзией» (3, 7, 319). Если в произведении поднимаются важные вопросы, но оно «не ознаменовано печатью творчества и свободного вдохновения», то оно не будет служить идее, которой посвящено, и может дискредитировать ее. Из этого Белинский делает вывод, что критика должна быть не только исторической, но и художественной. Он утверждает, что первым делом критика должно быть определение эстетического

достоинства произведения, так как, не будучи художественным, оно не представляет ценности ни в каком отношении.

Указывая на связь искусства с действительностью, с общественной жизнью, Белинский не упрощает эту связь, как это делают вульгарные социологи. История искусства, по мнению критика, зависит от истории общества, но не детерминируется ею фатально. Он видит переплетающееся влияние разнообразных причин, порождающих то или другое литературное явление. Среди этих причин критик в своих статьях о Пушкине отмечает и принадлежность художника к определенному классу. Но Белинский далек от схемы, по которой классовая принадлежность определяет все творчество поэта. Так, говоря о Пушкине, он на первый план выдвигает общечеловеческое в его поэзии, народный характер его творений, их историческое значение, выходящее далеко за рамки эпохи.

Доказывая, что искусство играет активную роль в жизни общества, Белинский вместе с тем относится резко отрицательно к попыткам превратить его в «удобное средство для доброй цели» (3, 7, 319) — в средство для поучения людей. Он высмеивает «мертвое понятие о пользе поэтической формы для выражения моральных и других идей» (3, 7, 319), отрицает дидактическую поэзию как не соответствующую уровню современного состояния искусства. Критик считает, что настоящий художник не может быть подчинен интересам какой-либо литературной партии. Он пишет, что поэт «должен быть органом не той или другой партии или секты... но сокровенной думы всего общества, его, может быть, еще не ясного самому ему

стремления. Другими словами: поэт должен выражать не частное и случайное, но общее и необходимое, которое дает колорит и смысл всей его эпохе» (3, 10, 306). Белинский выступает за свободу творчества. Он доказывает, что литературное произведение, написанное по приказу, не может быть художественным. Он говорит, что поэзия, «помня свое божественное происхождение, не любит ливреи» (3, 6, 370).

Белинский ставит вопрос: как быть поэту, живущему в обществе, понятия которого диаметрально противоположны действительности? Он не согласен с теми художниками, которые, с отчаянием махнув рукой на эту «оскорбляющую чувство и разум действительность», убегают в себя и «поют себе как птицы». Критик выдвигает задачу — «примирить свободу творчества с служением историческому духу времени, с служением истине» (3, 6, 318). И он находит решение этой задачи. Он пишет: «Свобода творчества легко согласуется с служением современности: для этого не нужно принуждать себя, писать на темы, насиловать фантазию; для этого нужно только быть гражданином, сыном своего общества и своей эпохи, усвоить себе его интересы, слить свои стремления с его стремлениями; для этого нужна симпатия, любовь, здоровое практическое чувство истины, которое не отделяет убеждения от дела, сочинения от жизни. Что вошло, глубоко запало в душу, то само собою проявится вовне» (3, 6, 286).

* * *

Белинский принадлежит не только прошлому, но и настоящему. Сам он говорил, что «из всех критиков самый великий, самый гениальный,

самый непогрешительный — время» (3, 9, 549).
Время сказало о Белинском свое решающее слово: значение русского мыслителя не умерло вместе с ним. Недаром более столетия ведутся дискуссии вокруг его имени. Белинский заставляет и теперь задумываться над многими проблемами, которые его волновали, и помогает находить правильный путь к их решению.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Айхенвальд Ю. И. 17
 Аксаков К. С. 23
 Андросов В. П. 33
 Анненков П. В. 79, 113,
 116, 122
 Ансильон Ф. 73
 Бакунин М. А. 23, 31,
 32, 34—36, 42, 43, 50,
 51, 54, 96, 114, 116,
 121—123, 127, 132
 Батюшков К. Н. 151
 Блан Л. 117
 Боткин В. П. 23, 54, 57,
 64, 66, 78, 79, 80, 89,
 91, 113, 117
 Боуман Г. Е. 164
 Бродский Н. Л. 17
 Брут М. Ю. 21
 Бумгарин Ф. В. 24
 Володин А. И. 13, 98
 Вольтер Ф. М. 67, 94
 Галактионов А. А. 145
 Галахов А. Д. 113
 Гегель Г. В. Ф. 16, 23,
 34—36, 39—43, 46,
 48—50, 56, 57—63,
 69—71, 75, 76—80,
 83, 86, 88, 91—92, 97,
 102, 105, 116, 129—
 131, 134, 135, 145, 148,
 158, 162
 Герцен А. И. 7, 9, 10,
 12, 16, 22, 23, 33—35,
 38, 39, 51, 55, 56, 80,
 86—87, 90, 92—95,
 97, 107, 113, 116, 118,
 122, 143
 Гёте И. В. 139, 159,
 162
 Гизо Ф. П. Г. 46
 Гоголь Н. В. 30, 56, 68,
 90, 93, 94, 98, 99, 141,
 147, 155, 162
 Гончаров И. А. 56
 Грановский Т. Н. 97,
 113
 Греч Н. И. 24
 Грибоедов А. С. 52, 155
 Григорьян М. М. 42
 Державин Г. Р. 151
 Дидро Д. 80
 Добролюбов Н. А. 14,
 116
 Достоевский Ф. М. 56,
 99, 120, 153, 154
 Егоров Б. Ф. 14, 15,
 119, 120

- Жуковский В. А. 38,
159
- Зеньковский В. В. 90
- Иванов Д. П. 37, 38
Иовчук М. Т. 13
- Кабэ Э. 117
Кавелин К. Д. 121
Кант И. 23, 35, 135
Катков М. Н. 34
Кетчер Н. Х. 151
Конт О. 84—85
Корш Е. Ф. 97, 113
Краевский А. А. 54
Кудрявцев П. Н. 66
Кукольник Н. В. 24
- Лебедев-Полянский П. И.
13
- Ленин В. И. 6, 12, 16,
17, 20, 48, 49
- Лермонтов М. Ю. 56,
68, 129, 151
- Леру П. 117
Локк Дж. 129
Луначарский А. В. 13
Лютер М. 73
- Майков А. Н. 158
Майков В. Н. 104
Маркс К. 49, 92, 93
Мережковский Д. С. 90
- Надеждин Н. И. 22, 23,
33
- Неверов Я. М. 95
Некрасов Н. А. 8—9,
56, 98
- Никандров П. Ф. 145
Николай I 7, 33, 124
- Огарев Н. П. 7, 23, 97,
116, 122
- Одоевский В. Ф. 27, 34,
76
- Павлов М. Г. 22
Панаев И. И. 98
Петр I 108, 124
Писарев Д. И. 116
Плеханов Г. В. 6, 39, 43,
53, 122, 146
Поляков М. Я. 13, 96
Прудон П. Ж. 117
Птолемей К. 104
Пушкин А. С. 139, 147,
151, 152, 156, 157, 159,
165
- Радищев А. Н. 20
Рафаэль С. 159
Рётшер Г. Т. 78
Робеспьер М. 31
Руге А. 92
Рылеев К. Ф. 21
- Сен-Жюст Л. А. 65
Сенковский О. И. 24
Сен-Симон А. К. 117
Сервантес С. М. 155
Смирнова Э. В. 13
Станкевич Н. В. 23, 34,
35, 97
Сусанин И. О. 21
- Тургенев И. С. 12, 56
Тьерри О. 46
- Фейербах Л. 16, 79, 80,
92
- Фихте И. Г. 23, 31—
33, 135
Фурье Ш. 117
- Хомяков А. С. 87
- Чаадаев П. Я. 33,
94—97

Чернышевский Н. Г.
9, 12, 23, 29, 116,
118

Шекспир В. 140, 144,
150

Шеллинг Ф. В. 23,

26 — 29, 31, 34, 35, 96,
135

Шиллер Ф. 52

Шлегель А. В. 28

Энгельс Ф. 41, 46, 49,
78, 92, 93, 121, 122

ЛИТЕРАТУРА

1. *Маркс К. и Энгельс Ф.* Сочинения. Изд. 2, т. 1—49. М., 1955—1974.
2. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 1—55. М., 1958—1965.

* * *

3. *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч., т. 1—13. М., 1953—1959.

* * *

4. *Анненков П. В.* Литературные воспоминания. М., 1960.
5. *Бакунин М. А.* Избранные сочинения, т. 1—5. М.—Пг., 1919—1922.
6. «Белинский в воспоминаниях современников». М., 1962.
7. «Белинский и современность». М., 1964.
8. *Березина В. Г.* Белинский и Бакунин в 30-е годы. — «Ученые записки ЛГУ», 1952, № 158, серия филологических наук, вып. 17.
9. *Боткин В. П.* Германская литература. — «Отечественные записки», 1843, т. XXVI, № 1.
10. *Васецкий Г. С.* Белинский — великий мыслитель и революционный демократ. М., 1948.
11. *Володин А. И.* Гегель и русская социалистическая мысль XIX века. М., 1973.
12. *Володин А. И.* Герцен. М., 1970.
13. *Володин А. И.* Гегеля читают в России. — «Наука и религия», 1970, № 8, 10, 12.
14. *Володин А. И.* «Да здравствует разум и отрицание!» — «Наука и религия», 1973, № 9—10.

15. «Вопросы литературы», 1969, № 5, 7, 10.
16. *Галактионов А. А. и Никандров П. Ф.* Русская философия XI—XIX веков. Л., 1970.
17. *Гегель Г. В. Ф.* Сочинения, т. 1—14. М. — Л., 1929—1959.
18. *Герцен А. И.* Собрание сочинений в тридцати томах. М., 1954—1961.
19. *Григорьян М. М.* В. Г. Белинский и проблема действительности в философии Гегеля. — В сб.: «Гегель и философия в России». М., 1974.
20. *Гуляев Н. А.* В. Г. Белинский и зарубежная эстетика его времени. Казань, 1961.
21. *Достоевский Ф. М.* Полное собрание сочинений, т. IX, ч. I. Спб., 1895.
22. *Достоевский Ф. М.* Собрание сочинений, т. 1—10. М., 1956—1958.
23. *Егоров Б. Ф.* Перспективы, открытые временем. — «Вопросы литературы», 1973, № 3.
24. *Иовчук М. Т.* Белинский, его философские и социально-политические взгляды. М., 1939.
25. *Иовчук М. Т.* В. Г. Белинский и его роль в развитии материалистической философии в России. — В кн.: «Московский университет в развитии философской и общественно-политической мысли в России». М., 1957.
26. *Иовчук М. Т.* Диалектика Гегеля и русская домарксистская философия XIX века. — В сб.: «Русская прогрессивная философская мысль XIX века». М., 1959.
27. *Иовчук М. Т.* Интерпретация и оценка философии Гегеля в России. — «Философские науки», 1971, № 3.
28. *Иовчук М. Т. и Степанов В. И.* Мировоззрение Белинского и современные фальсификаторы. — «Вопросы философии», 1961, № 6.
29. *Кирпотин В. Я.* Достоевский и Белинский. М., 1960.
30. «Критика современных буржуазных фальсификаций истории философии народов СССР». М., 1974.
31. *Лаврецкий А.* Эстетика Белинского. М., 1959.
32. «Литературное наследство», т. 55—56. М., 1948—1950.
33. «Литературное наследство», т. 83. М., 1971.
34. *Оксман Ю. Г.* Летопись жизни и творчества В. Г. Белинского. М., 1958.
35. *Панаев И. И.* Литературные воспоминания. Л., 1928.

36. Панаева А. Воспоминания. Л., 1933.
37. Плеханов Г. В. Избранные философские произведения, т. I—IV. М., 1958.
- 37а. Плеханов Г. В. В. Г. Белинский. ГИЗ, 1923.
38. Поляков М. Я. Виссарион Белинский. М., 1960.
39. Прийма Ф. Я. «Большая дорога» Белинского и перепутья его исследователей. — «Русская литература», 1974, № 1.
40. Смирнова Э. В. Эстетика русских революционных демократов. — В кн.: «Из истории русской философии XVIII—XIX веков». М., 1952.
41. Смирнова Э. В. В. Г. Белинский. — В сб.: «История эстетики. Памятники мировой эстетической мысли», т. IV. Первый полутом. М., 1962.
42. Стасов В. В. Избранные сочинения в трех томах. М., 1952.
43. Степанов В. И. Философские и социологические воззрения В. Г. Белинского. М., 1959.
44. Фейербах Л. Избранные философские произведения, т. 1—2. М., 1955.
45. Чернышевский Н. Г. Очерки гоголевского периода русской литературы. Полн. собр. соч., т. III. М., 1947.
46. Шеллинг Ф. В. Система трансцендентального идеализма. Л., 1936.
47. Bowman H. E. Wissarion Belinski, 1811—1848. Camb. (Mass.), 1954.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	6
Глава I. Формирование мировоззрения. Просветительство и зачатки диалектики	20
Глава II. «Примирение с действительностью» .	37
Глава III. Отказ от «примирения с действительностью» и развитие диалектики	54
Глава IV. Переход к материализму и атеизму	76
Глава V. Поиски научной социологии	101
Глава VI. Теория познания	126
Глава VII. Поэзия и действительность	145
Указатель имен	168
Литература	171

Филатова Е. М.
Ф51 **Белинский. М., «Мысль», 1976.**
 174 с. (Мыслители прошлого).

В книге дается анализ философских и социологических воззрений великого русского революционного демократа В. Г. Белинского. Автор показывает упорные поиски им правильной теории, эволюцию его идей от идеализма к материализму, развитие его диалектического метода, раскрывает значение Белинского как центральной фигуры в идейной борьбе 40-х годов XIX в. в России.

Ф $\frac{10501-042}{004(01)-76}$ 35-76

1ФС

Филатова
Евгения Михайловна

БЕЛИНСКИЙ

Заведующая редакцией В. Е. Викторова
Редактор В. С. Капырин
Младший редактор А. В. Генералова
Оформление серии В. А. Носкова
Гравюра художника А. И. Ременника
Художественный редактор С. М. Полесицкая
Технический редактор Е. А. Данилова
Корректор Т. М. Шпиленко

Сдано в набор 5 августа 1975 г. Подписано в печать 27 февраля 1976 г.
Формат 70×90¹/₃₂. Бумага типог. № 2. Усл. печатных листов 6,43.
Учетно-издательских листов 6,49. Тираж 50 000 экз. А 08041. Заказ
№ 10458. Цена 19 коп.

Издательство «Мысль», 117071, Москва, В-71, Ленинский проспект, 15.

Типография издательства «Калининградская правда»,
г. Калининград, ул. Карла Маркса, 18.